

1845 ГОДЪ.

Воспоминанія В. А. Геймана.

I.

Производство въ прапорщики. Прибытіе въ Ташкичу. Движеніе къ Евгеньевскому укрѣпленію и сборъ тамъ отряда.

Когда я посѣтилъ, 8-го мая, прошлаго 1873 года, Дарго (въ Ичкеріи, Терской области) у меня невольно возобновились въ памяти воспоминанія прошлаго бурнаго времени, когда чуть-ли не каждый день гдѣ нибудь да раздавался громъ пушечныхъ выстрѣловъ, лилась кровь, и падали жертвы долголѣтней, упорной борьбы съ воинственными горцами.

Впрочемъ, все это входило въ рамку обыденной жизни; а человѣкъ, какъ извѣстно, по натурѣ своей, скоро ко всему привыкаетъ. Но, среди этой жизни выдавались годы, которые останутся для участниковъ памятными до послѣдней минуты, какъ напримѣръ: на восточномъ Кавказѣ 1839 годъ—Ахульго, Аргуань; 1842 г.—ичкеринскій лѣсъ; 1843 г.—возстаніе въ Дагестанѣ: Хунзахъ, Зыряны, Бурная; 1845 г.—экспедиція въ Андію и Дарго.

О послѣдней я хочу напомнить моимъ старымъ боевымъ това-

рищамъ, которыхъ, къ сожалѣнію, уже весьма мало осталось на свѣтѣ: часть ихъ или пала позже въ честномъ бою, и имена ихъ пропали безслѣдно; другіе — умерли отъ ранъ; немцы же оставили службу, а еще меньше, ожидая скорой выранжировки, пока продолжаютъ служить.

Конечно, очень естественно, старое поколѣніе должно уступить мѣсто новому, и никто не станетъ оспаривать, что послѣднее должно во многомъ опередить первое; но все же, и мы сослужили кое-какую службу Царю и отечеству. Даже и теперь, когда подчасъ раны болятъ и ревматизмы одолеваютъ, слышавъ бранную трубу, пойдемъ, подобно бракованному коню, галопировать съ той ноги, съ которой прикажутъ.

Прошу читателя не искать въ моемъ повѣствованіи ни витѣватаго слога, ни выспихъ военныхъ соображеній; — я былъ въ то время молодымъ прапорщикомъ и могу только подѣлиться своими воспоминаніями и впечатлѣніями того времени, ручаясь за вѣрность фактовъ.

Въ сороковыхъ годахъ, и даже позже, на Кавказѣ существовалъ порядокъ: всѣхъ нижнихъ чиновъ, удостоиваемыхъ къ производству въ офицеры, отправлять предварительно на испытаніе въ кавказскую резервную дивизію. Тамъ насъ обучали фронту и, кромѣ того, въ программѣ (военнаго) образованія не малое мѣсто занимали, такъ называемые, „пунктики“. Они состояли изъ нѣсколькихъ вопросовъ: что есть солдатъ? что есть знамя? какая обязанность часового? и т. д. Все это было очень полезно для солдата того времени и больше чѣмъ ничего — для офицера.

Резервные офицеры, наши учителя, ни образованіемъ и ничѣмъ другимъ не вселяли къ себѣ уваженія, а о нравственной ихъ сторонѣ нечего было говорить: большинство ихъ состояло изъ выслужившихся фельдфебелей и каптенармусовъ, съ весьма узкимъ взглядомъ на военное дѣло и, вдобавокъ, безъ всякаго образованія, короче—„ремешки“, какъ тогда было принято называть. Само

собою понятно, что, при такихъ условіяхъ, они не могли имѣть ни малѣйшаго вліянія на прибывающую съ Кавказа молодежь, развивавшуюся самостоятельно, исключительно при боевой обстановкѣ. Съ другой стороны, для того времени весьма трудно было сдерживать толпу сорванцевъ, наѣзжавшихъ съ разныхъ концовъ Кавказа въ г. Таганрогъ, преимущественно прямо изъ отрядовъ, и бредившихъ военными подвигами.

Располагаясь по квартирамъ, почти внѣ всякаго контроля, буйный народъ этотъ способенъ былъ скорѣе наводить ужасъ на жителей, нежели подчиняться требованіямъ внѣкавказской почвы, и резервщина, какъ мы называли нашихъ наставниковъ, никакъ не могла справиться съ нами. Въ дѣйствительности, пребываніе въ Таганрогѣ служило лишь испытаніемъ—до какой степени молодые люди, попавъ, послѣ трудовъ и лишеній боевой жизни, въ шумный, многолюдный городъ, могли испортиться? Это былъ своего рода университетъ, изъ котораго всякій всѣми силами старался уйти какъ можно скорѣе.

И вотъ, выучившись пунктикамъ, сходявъ раза три на ординарцы къ начальнику дивизіи, я, въ числѣ 126 человекъ, былъ представленъ, осенью 1844 года, въ прапорщики, въ кабардинскій полкъ. Хотя при представленіи въ офицеры обыкновенно спрашивали насъ, въ какую часть хотимъ быть произведены, но желанія наши исполнялись весьма рѣдко.

20-го февраля, 1845 года, насъ произвели въ офицеры, и я попалъ, вмѣсто кабардинскаго полка, въ 16-й грузинскій линейный баталіонъ, расположенный въ то время въ укрѣпленіи Закаталахъ. Отъ такого неожиданнаго сюрприза я былъ въ полномъ отчаяніи, но приходилось покориться судьбѣ. Насъ, какъ милыхъ молодыхъ людей очень скоро выпроводили на Кавказъ; новая команда юнкеровъ, еще неудостоенная представленія, на первое время вела себя довольно сносно, и въ это время Таганрогъ обыкновенно отдыхалъ; за то, весь почтовый трактъ до Ставрополя, буквально, трещалъ.

Вновь отпечатанные прапорщики ѣхали, ради экономіи, по два, по три, а иногда и по четыре человекъ на одной тройкѣ; бывало, нагрѣнетъ ватага — всю станцію разнесутъ. Я думаю, ни одному курьеру такъ скоро не запрятали лошадей, какъ намъ; станціонные смотрители, старосты и ямщики рады-радешеньки были отдѣлаться, какъ можно проворнѣй, отъ подобныхъ гостей, а потому — вездѣ крайне были любезны и предупредительны съ нами.

Въ Ставрополѣ я на нѣкоторое время остался у родныхъ, и тутъ-же, благодаря вниманію бывшаго начальника штаба войскъ кавказской линіи, генералъ-маіора Норденстама, былъ прикомандированъ, впредь до перевода, къ кабардинскому полку. Здѣсь же я узналъ, что готовится огромная экспедиція, и что самъ главнокомандующій принимаетъ въ ней участіе. Конечно, я ничего не помышлялъ о томъ, что, гдѣ и какъ будетъ. Полонъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее, молодой, пылкій и беззаботный, безъ денегъ въ карманѣ, и никого не зная, полетѣлъ на перекладной въ кабардинскій полкъ. Тутъ, считаю нужнымъ нѣсколько оговориться: послѣ перевода моего изъ Россіи, изъ нижегородскаго полка, дядя мой, не желая брать на себя отвѣтственности передъ моею матушкой, не пустилъ меня въ экспедицію, а зачислилъ въ 1-й кавказскій линейный баталіонъ, откуда я былъ отправленъ въ резервную дивизію, почему, дальше Ставрополя до сихъ поръ нигдѣ на Кавказѣ не былъ.

За Ставрополемъ, на придорожныхъ возвышенностяхъ, стали попадаться то тамъ, то сямъ часовые и казачьи посты; всѣ эти предосторожности напоминали объ опасности пути. На распросы мои, на станціяхъ рассказывали, что тамъ-то проѣзжающаго взяли въ плѣнъ, а тогда-то убили; но все это, какъ оказывалось, было давно.

До Моздока я добрался безъ всякихъ приключеній, но тутъ уже, подъ вечеръ, никого изъ города не выпускали, говоря, что опасно. Дѣлать нечего, приходилось заночевать, не смотря на все

мое нетерпѣніе добраться скорѣе до полка. Отъ скуки, я отправился, съ деньщикомъ, покупать шашку и другія принадлежности для похода. Кстати о деньщикѣ: рядовой Максимъ Тюлентьевъ, мордвинъ, кажется, уроженецъ Пензенской губерніи, былъ зачисленъ ко мнѣ изъ линейнаго баталіона; это — чистый типъ деньщика того времени: добръ, честенъ, привязанъ до крайности и, вмѣстѣ съ этимъ, отчаянный пьяница. Еще въ 1832 году онъ находился въ старой крѣпости Вnezапной, когда она была обложена Кази-муллою, и затѣмъ, освобождена генераломъ Эммануэлемъ, бывшимъ тогда командующимъ войсками на кавказской линіи; въ этомъ же дѣлѣ онъ и самъ получилъ рану. Максимъ Тюлентьевъ, состоя рядовымъ въ бывшемъ крымскомъ полку, былъ раненъ въ патронную суму, и хотя этимъ очень гордился, но такой казусъ до того сильно на него повліялъ, что онъ нашель болѣе полезнымъ избѣжать повторенія. Тѣмъ не менѣе, не имѣя ни малѣйшаго понятія о военныхъ дѣлахъ на Кавказѣ, рассказы его я слушалъ съ жадностью, хотя и признавалъ, что онъ говоритъ вздоръ.

Если не ошибаюсь, 21 мая, мы чуть-свѣтъ выѣхали изъ Моздока. Дорога пролегла параллельно Тереку; посты и пикеты попадались чаще; всѣ встрѣчавшіеся по пути были вооружены съ головы до ногъ, и тутъ уже рассказы совсѣмъ другіе: говорятъ не о томъ, что когда-то было, а вчера, съ недѣлю—тамъ порубили въ садахъ, тамъ отбили скотъ, того-то увели въ плѣнъ, и уже не называютъ общимъ именемъ, черкесы или татары, а говорятъ—чеченцы. Къ вечеру того-же дня мы пріѣхали въ Амиръ-аджи-юртъ.

Амиръ-аджи-юртъ—маленькая слободка, на лѣвомъ берегу р. Терека, огороженная плетнемъ вмѣсто вала. Карантинный чиновникъ, соляной магазинъ, бунты, нѣсколько бабъ-торговокъ, съ бѣлымъ хлѣбомъ и бубликами, два-три кабака, да базарный изъ линейныхъ солдатъ, въ качествѣ блюстителя порядка, съ палкой въ рукахъ (агрибутъ власти) и воинскій начальникъ,—вотъ и все. Малочисленная линейная рота, содержавшая также караулъ въ ма-

ленькомъ укрѣпленіи, на правомъ берегу, въ видѣ тетъ-де-пона, прикрывающемъ переправу, составляла гарнизонъ. Обыкновенно скучный Амиръ-аджи-юртъ, во время моего пріѣзда, былъ необыкновенно оживленъ: на правомъ берегу Терека стоялъ небольшой отрядъ изъ войскъ 5-го корпуса, съ своднымъ казачьимъ полкомъ, да, по случаю пребыванія главнокомандующаго въ укр. Ташкичу, въ 18 верстахъ, ежедневно приходили колонны.

Вечерѣло. На единственной улицѣ слободки становилось людно и оживленно: тамъ раздавалась боевая залихватская пѣсня, тутъ — взрывъ задушевнаго хохота, вызванный какой-нибудь ловкой шуткой остряка-балагура; то слышалось крѣпкое русское словцо съ приправкой, или визгъ гребенской казачки, притворно старавшейся вырваться изъ объятій какого-нибудь отряднаго донъ-Жуана; словомъ, чистый хаосъ. Но, что особенно бросалось мнѣ въ глаза, какъ новичку, такъ это — что весь людъ двигался бойко, весело, вездѣ и во всемъ виднѣлась какая-то особенная энергія и самоувѣренность, которая не могла не повліять заразительно на мою молодую, впечатлительную натуру. Насмотрѣвшись новаго для меня зрѣлища, отправился являться начальству. Военскій начальникъ, капитанъ Флепсъ — старый, почтенный офицеръ, принялъ меня весьма просто, любезно, но съ такимъ тактомъ, какого мнѣ никогда не случалось встрѣчать въ нашемъ университетѣ — резервной дивизіи.

Отъ него я узналъ о существованіи на противоположной сторонѣ Терека отряда, и что старшій братъ мой состоитъ тамъ врачомъ при кавалеріи, а также, что изъ Ташкичу пришла оказія, (колонна), которая завтра съ разсвѣтомъ возвращается обратно, и я могу съ нею отправиться. Меня очень занимало знаніе совершенно незнакомаго слова „оказія“; боясь попасть впросакъ, я сильно хотѣлъ узнать, что это такое, но стѣснился спросить. Выйдя отъ капитана Флепса, я столкнулся съ братомъ, который объяснилъ мнѣ, что такое оказія. Братъ уже нѣсколько дней ожидалъ

моего приѣзда и, забравъ Максима съ багажемъ, помѣщавшимся въ двухъ маленькихъ вьючныхъ чемоданахъ, потащилъ насъ къ себѣ. Переправившись на паромѣ, мы очутились въ лагерѣ. На первыхъ порахъ я таки-порядочно надоѣлъ брату, забросавъ его разными вопросами, изъ которыхъ многіе вызывали его смѣхъ, и мы далеко за полночь не могли уснуть. На утро, при содѣйствіи брата, мнѣ привели подъ вьюкъ коня, котораго я тутъ-же купилъ довольно недорого; навьючивъ свое имущество, я вручилъ коня попеченію деньщика, а самъ отправился съ оказіей пѣшкомъ.

Надо сознаться, что эта лошадь была у меня первою въ жизни и составляла предметъ моей гордости и особыхъ заботъ: я то-и дѣло, оглядывался назадъ, отдавая приказаніе деньщику, то подтянуть подпруги, то поправить вьюки, хотя и въ томъ, и въ другомъ не было никакой надобности. Тутъ же, въ оказіи, подошелъ ко мнѣ какой-то молодой человѣкъ, въ статскомъ платьи, путешествовавшій также, какъ и я, пѣшкомъ. Слово за слово, оказалось, что онъ Шиманскій, сынъ извѣстнаго актера въ Варшавѣ; провинившись въ чемъ-то, былъ разжалованъ въ рядовые въ кабардинскій полкъ. Хорошо образованный, онъ прекрасно говорилъ порусски, хотя и слышался слегка польскій акцентъ; въ послѣдствіи мы съ нимъ очень подружились. Шиманскій былъ убитъ въ послѣднюю войну съ Турціей, бывши адъютантомъ въ гурійскомъ отрядѣ. Болтая о томъ, о семъ, мы незамѣтно прошли 18 верстъ до Ташкичу—цѣли нашего путешествія. Не доходя версты, колонна стянулась и вступила въ укрѣпленіе въ строгомъ порядкѣ. Ташкичу на р. Аксаѣ (давно уже упраздненное) было въ то время маленькое укрѣпленіе, съ землянымъ валомъ, по угламъ котораго, на батареяхъ, красовалось нѣсколько пушекъ; единственныя два зданія: домъ воинскаго начальника и казарма заняты были, первое — главнокомандующимъ, и тутъ-же, на дворѣ, въ палаткахъ, помѣщался весь его штабъ; а послѣднее—канцелярією и лазаретомъ; за укрѣпленіемъ — форштатъ, и около него стояли лагеремъ 1-й и 2-й ба-

батальоны кабардинскаго полка. На небольшой площади около укрѣпленія кишла-кишла бездна народа: казаки, кумыки, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, сновали въ разныя стороны; адъютантство покупало бурки, оружіе — разумѣется, въ три-дорога; нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ толкались тутъ-же, посреди общаго говора и суеты; слышались языки: кумыкскій, русскій, французскій и нѣмецкій. Все это слилось въ общій говоръ, и выходила оригинальная картина—нѣчто въ родѣ столпотворенія вавилонскаго.

Надѣвъ шарфъ и пашку, я отправился являться полковому командиру, полковнику Козловскому (нынѣ умершій полнымъ генераломъ—миръ праху его!) но попалъ, какъ видно, въ недобрый часъ: онъ чего-то сердился, и въ то время, когда я, подойдя къ нему, собирался произнести обыкновенную въ подобныхъ случаяхъ фразу, онъ крикнулъ на меня:

— Что вамъ угодно?

— Честь имѣю явиться, такой-то.

— Чортъ знаетъ, зачѣмъ въ полкъ посылаютъ всякую...

Тутъ онъ остановился, а я совершенно растерялся; однако, скоро оправившись, возразилъ:

— Г. полковникъ, я-бы не смѣлъ пріѣзжать въ полкъ безъ вашего на то согласія. Вы писали объ этомъ моему дядѣ.

— А кто вашъ дядя?

Я назвалъ фамилію.

— Очень хорошо. Затѣмъ, позвавъ полковаго адъютанта, приказалъ меня тотчасъ зачислить въ 5-ю егерскую роту. Выйдя отъ командира полка, я отправился къ батальонному командиру, полковнику Ранжевскому. Тотъ принялъ меня даже не приподнявшись со стула, а только процѣдилъ сквозь зубы: „ну, служите хорошо, молодой человѣкъ, и явитесь къ ротному командиру“, а наклоненіемъ головы далъ понять, что я могу уходить.

Надо сознаться, что этотъ второй пріемъ превзошелъ всѣ мои ожиданія и сильно меня сконфузилъ. Не смотря на годы, я живо

припоминаю эту могучую личность, обожаемую солдатами, называвшими его не иначе, какъ „железный дѣдъ“. Въ то время Ранжевскому было лѣтъ за пятьдесятъ, косая сажень въ плечахъ, вершковъ 12 ростомъ и слегка сутуловатъ; честенъ былъ, какъ рыцарь; съ подчиненными—строгъ донельзя; въ дѣлѣ едва-ли можно было найти человѣка храбрѣе; весь полкъ питалъ къ нему вполне заслуженное, глубокое уваженіе. Подобныя личности рѣдки въ арміи. Впослѣдствіи, онъ былъ убитъ въ Дарго, 11 іюля, — вѣчная память герою!

Ротный командиръ, штабсъ-капитанъ князь Тумановъ, принялъ меня вѣжливо, но какъ-то сухо, несимпатично, и даже не позаботился спросить, гдѣ я помѣщаюсь—чѣмъ окончательно, такъ сказать, дорѣзалъ. Отправляясь отыскивать своего деньщика, я былъ очень озабоченъ: что же это будетъ со мной въ походѣ? гдѣ же мнѣ, наконецъ, ночевать? Ко всему этому, послѣ 18 верстъ прогулки пѣшкомъ и любезнаго пріема начальства, желудокъ начиналъ сильно напоминать о себѣ. Нерадостныя размышленія мои были вдругъ прерваны вѣстовымъ, съ запискою отъ полковаго адъютанта, извѣщавшаго, что, въ отмѣну отданнаго распоряженія, я зачисляюсь во 2-ю егерскую роту; значитъ, опять надо являться. Командиръ 1-го баталіона, подполковникъ Гроденфельдъ, родомъ изъ Финляндіи, весьма плохо объяснявшійся порусски, также высокаго роста, но уже довольно преклонныхъ лѣтъ. Когда я назвалъ свою фамилію, первый его вопросъ былъ:

— Шпрехенъ зи дейтшъ?

Я отвѣчалъ, что не говорю понѣмецки.

— Та-та-та, понимаю; ви русскій нѣмецъ, нѣмецкій фамилія, православный исповѣданіи и не говоритъ понѣмецки.

— Отчасти, такъ точно, но я совсѣмъ не нѣмецъ.

— Ви въ карты играишь?

— Не имѣю понятія, полковникъ.

— А водка пьетъ?

— Пока еще нѣтъ.

— Ну, такъ понимаемъ; а волочиться любите?

— Почему-же, если представится случай.

Этимъ окончилась наша аудіенція. Подобная, если хотите, любезность, на меня хуже подѣйствовала, чѣмъ простосердечная грубость Ранжевскаго и полковаго командира. Потомъ я узналъ, что, по выходѣ моемъ изъ палатки, подполковникъ Гроденфельдъ потребовалъ баталіоннаго адъютанта и сказалъ ему: „къ намъ прибылъ новый офицеръ; должно быть, дрянной: нѣмецкій фамилія и ничего понѣмецки не знать“.

Командиръ 2-й роты, капитанъ Дуровъ, уроженецъ Оренбургской губерніи, на видъ казался грубымъ и суровымъ, съ огромными усами; въ сущности-же, былъ вполне хорошій человѣкъ и отличный офицеръ. Онъ первый протянулъ мнѣ руку; предложилъ въ палаткѣ уголь и спросилъ, есть-ли у меня выюкъ и деньщикъ. Я, съ самодовольнымъ видомъ, отвѣчалъ, что имѣю то и другое. Въ моемъ новомъ ротномъ командирѣ я впервые встрѣтилъ человѣка, который, видя мою молодость и неопытность, выказалъ товарищескую заботливость и участіе—что меня очень тронуло. Тутъ-же я засталъ поручика Гостыминскаго, онъ командовалъ 1-й егерской ротой; товарищи прозвали его „шукачъ“. Еще юнкеромъ, участвуя въ одной свалкѣ, ночью, онъ струхнулъ, и когда товарищи, по окончаніи дѣла, нашли его подъ повозкой и спросили, что онъ тутъ дѣлаетъ, тотъ впопыхахъ отвѣчалъ: „шукаемъ“; съ тѣхъ поръ прозвище „шукачъ“ такъ за нимъ и осталось. Въ сущности-же, это былъ донельзя добрый и бравый боевой офицеръ и любимъ всѣми. Кромѣ того, тамъ было еще два офицера: одинъ прапорщикъ Драгомировъ, произведенный вмѣстѣ со мною, уже старикъ, добрякъ, былъ за что-то разжалованъ и теперь мечталъ объ отставкѣ; другой—прапорщикъ Прушинскій, совершенный юноша и маменькинъ сыночекъ; онъ, кажется, былъ изъ пажей; его ба-

ловали всё,—да и стоилъ онъ того. Это, дѣйствительно, былъ славный молодой человекъ.

Потомъ оказалось, что всё мы трое помѣщались въ одной солдатской палаткѣ, въ повалку, на землѣ: кто спалъ на буркѣ, кто на войлокѣ, но жилось всёмъ весело и дружно. Устроившись кое-какъ, новые мои товарищи тотчасъ-же позаботились и накормить меня—чѣмъ Богъ послалъ. Спустя нѣкоторое время, пришли къ намъ: командиръ 1-й карабинерной роты, штабсъ-капитанъ Краузе, общій любимецъ, молодой, бравый, очень толковый и храбрый офицеръ; командиръ 3-й егерской роты, поручикъ Киселевъ, который держалъ себя какъ-то немного странно и слылъ скупымъ—хорошій и вполне исправный офицеръ; объ немъ говорили: „Илья Абрамовичъ—начальникъ строгій, но справедливый“; баталіонный адъютантъ прапорщикъ Квятковскій, веселый и острый малый, отлично копировавшій полковника Козловскаго, Ранжевскаго и Гроденфельда. Еще въ баталіонѣ были: подпоручикъ Мажоровъ и прапорщики—Чернявскій и Натеръ; къ вечеру я уже былъ со всеми хорошо знакомъ (*).

Разговоръ между нами шелъ преимущественно о прошедшихъ походахъ; о предстоящемъ—никто ни слова, что меня крайне удивило. Тутъ-же я узналъ, что Краузе, Гостыминскій и Квятковскій были уже ранены; я смотрѣлъ на нихъ съ особымъ уваженіемъ, какъ на героев, и въ душѣ имъ завидовалъ. Поздно вечеромъ получено было приказаніе—послѣзавтра выступать въ отрядъ; ротные командиры тутъ-же сдѣлали соотвѣтствующія приказанія. Ночь провелъ я вполне безмятежно; такъ спать только счастливые люди,—а я тогда былъ вполне счастливъ.

(*) Краузе въ отставкѣ генераль-маіоромъ; Киселевъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ въ чинѣ подполковника, плацъ-маіоромъ въ Пятигорскѣ; Квятковскій умеръ; остальные, за ранами, давно вышли въ отставку.

22-го мая, въ войскахъ не было замѣтно особенной суеты; оказалось, что всѣ давно уже готовы. Вся забота, какъ видно, была обращена на большую численность людей въ строю. Миѣ помнится, въ обоихъ баталіонахъ, среднимъ числомъ, было въ ротахъ по 207 птыковъ и 14 или 17 офицеровъ на оба баталіона. Въ этотъ день, часовъ около 11 утра, пріѣхалъ изъ кр. Грозной, въ коляскѣ, конвоируемый двумя сотнями линейцевъ, только-что возвратившійся изъ отпуска, генераль-маіоръ Фрейтагъ, начальникъ лѣваго фланга кавказской линіи. Линейцы промчались мимо насъ и быстро выстроились около укрѣпленія. Изъ коляски вышелъ маленький, плотный генералъ; короткіе ноги и длинное туловище не придавали красоты его фигурѣ, но умное, выразительное лицо, привѣтливость, или скорѣе—добродушіе и простота въ обращеніи, невольно какъ-бы влекли къ нему. Возвратясь въ палатку, я началъ спрашивать у товарищей, и всѣ единогласно относились о генералѣ Фрейтагѣ съ глубокимъ уваженіемъ; считали его однимъ изъ способнѣйшихъ начальниковъ; притомъ, онъ былъ добръ и доступенъ каждому. Вечеромъ офицеры толковали между собою, что главнокомандующій принялъ Фрейтага сухо за то, что онъ доказывалъ невозможность успѣха въ предстоящей экспедиціи, а между близкими людьми называлъ этотъ походъ—просто безразсудствомъ. Ко всему этому примѣшались интриги въ его отсутствіе: упрекали генерала въ томъ, что онъ не принимаетъ участія въ походѣ, и потому, относится къ нему критически. Во всякомъ случаѣ, какъ мы узнали позже, его и отпустили также крайне сухо.

23-го мая, чуть-свѣтъ, мы поднялись; два баталіона стали покоемъ; батюшка отслужилъ молебенъ; окропилъ всѣхъ святою водою. Полковникъ Козловскій прошелъ по фронту, говоря солдатамъ: „смотри, братцы, какъ... быть молодцомъ“ (*). Потомъ, выз-

*) Полковникъ Козловскій имѣлъ поговорку: „какъ, какъ бишь“; Ранжевскій—„тень, тень“; Гроденфельдъ—„какже, какже, такомъ-то роду“.

валъ офицеровъ и сказалъ: „господа, будьте, какъ... тѣми-же кабардинцами, какъ прежде; люди пойдутъ, когда вы будете дѣлать свое дѣло, а то—смотрите! какъ“...

Мы молча разошлись по своимъ мѣстамъ; никому и въ голову не пришло обидѣться; слова полковника Козловскаго были сказаны просто, безъ всякой задней мысли,—это хорошо знали офицеры и питали къ нему довѣріе. Во время молебствія всѣ непритворно молились, особенно солдаты; не одному взгрустнулось по родинѣ, гдѣ остались дорогіе и близкіе сердцу; не могла также не промелькнуть мысль и о томъ, прійдется-ли вернуться,—по крайней мѣрѣ, я былъ въ такомъ настроеніи.

Глядя на солдатъ, я невольно провикался къ нимъ чувствомъ глубокаго уваженія. Да и что это были за молодцы! Загорѣлыя, воинственные лица ихъ дышали отвагою; во взглядахъ и движеніяхъ ихъ читалось—смѣсь добродушія съ самоувѣренностью, спокойствіе, съ сознаніемъ собственнаго достоинства; съ такими солдатами не можетъ существовать никакихъ преградъ,—имъ робость незнакома. Баталіоны построились въ походную колонну, и вашъ покорнѣйшій слуга, имѣя десять монетъ въ карманѣ, да на полтрети маркитантскую вѣнжку, беззаботно пошелъ шагать передъ своею ротою. Пройдя верстъ 25, ночевали у аула Бамать-юрта.

24-го, переходъ почти такой-же; ночевали у огромнаго аула Костекъ.

25-го, переходъ былъ нѣсколько меньше предыдущаго; мы пришли къ небольшому укрѣпленію Кази-юртъ, расположенному на правомъ берегу р. Сулака. Единственный небольшой паромъ переправилъ къ вечеру только первый баталіонъ, а второй на другой день, утромъ. Всѣ эти дни приходилось переправляться въ бродъ, чрезъ рр. Иманъ-су, Ярыкъ-су, Актанъ и бездну канавъ, особенно около Костека, гдѣ въ большомъ количествѣ обрабатывались марена и рисъ, требующіе большаго орошенія. Я, по неопытности, собрался въ походъ въ маленькихъ саноглахъ, на высокихъ каблу-

кахъ, которые въ то время только-что входили въ моду; переправляясь чрезъ первую рѣчку, мнѣ казалось стыдно снимать сапоги, а идти прямо въ бродъ—невыгодно! Къ счастію, всѣ офицеры были верхомъ, только я, Натеръ и Драгоміровъ были пѣшіе; переправившись на ту сторону, намъ присылали лошадей; такимъ порядкомъ перевозили и юнкеровъ, и это нисколько не считалось одолженіемъ.

На привалахъ старшіе офицеры заботились накормить молодежь, особенно Краузе и Гостыминскій. Укрѣпленіе Кази-юртъ маленькое, съ крошечнымъ форштадомъ. Здѣсь нашъ командиръ полка, выпущенный въ офицеры въ 1815 году, безвыѣздно прожилъ 17 лѣтъ въ линейномъ баталіонѣ, — признаюсь, испытаніе не малое. Около Кази-юрта особенно вредна трава, отъ которой лошади падаютъ во множествѣ; мы потеряли двухъ, поэтому, съ полудня, отобѣдавъ, двинулись дальше къ аулу Чантаулъ, сдѣлавъ около 20 верстъ. 27-го мая мы ночевали, пройдя Чиръ-юртъ; переходъ былъ съ небольшимъ 20 верстъ.

До сихъ поръ мы слѣдовали по равнинѣ, и только, пройдя верстъ шесть вверхъ по Сулаку, начались горы; впереди насъ во всей величавой красотѣ рисовалось грозное зубутское ущелье. Я еще въ первый разъ видѣлъ подобную картину. Поззія присуща молодости, и я невольно увлекался невиданной картиной суровой природы, чему не мало содѣйствовало и восхитительное утро 28-го мая. Послѣ покойнаго сна и съ свѣжими силами мы двинулись далѣе: въ надеждѣ на перестрѣлку, выдвинуты цѣпи; я былъ назначенъ въ лѣвую. Когда мы подошли къ первому подъему Зубута покрытому лѣсомъ, цѣпи тотчасъ вытянулись; шли мы, то по скату горы, то прямо карабкались наверхъ; я, по неопытности, изъ-за каждаго дерева ожидалъ выстрѣла, или, что вотъ-вотъ выскочитъ горецъ и, соблюдая осторожность, напоминалъ людямъ быть повнимательнѣе. Меня не на шутку бѣсило, что никто не беспокоился, подобно мнѣ, и всѣ себѣ спокойно лѣзутъ впередъ, на гору. Нако-

нецъ, и я уходился: день былъ жаркій, въ лѣсу — ни малѣйшаго движенія воздуха, а въ довершеніе всего, франтовскіе сапоги, на высокихъ каблукахъ—что крайне было неудобно. Наконецъ, слава Богу! видѣнъ конецъ горы. Собравшись съ духомъ, я началъ ободрять солдатъ, тогда какъ они, бѣдные, согнувшись подъ тяжестью полного походнаго снаряженія, медленно подавались впередъ. Одинъ изъ старыхъ кавалеровъ отозвался мнѣ совершенно покойнымъ голосомъ, безъ всякой ироніи: „ваше благородіе, я тутъ не впервые; мы уже ходили по этимъ мѣстамъ въ 1843 году; за этой горой есть нѣсколько гораздо выше; надо идти тише, а то совсѣмъ не дойдемъ“. Я замолчалъ, подумавъ: вѣрно, старина похвасталъ, вѣдь вотъ уже и конецъ горы; разсуждая такимъ образомъ, прибавилъ шагу. Но какова была моя досада, когда открылось, что за горой—спускъ, а дальше еще гора, но только выше. Я сконфузился и началъ увѣрять солдатъ, что тутъ навѣрно будетъ привалъ, чего мнѣ очень хотѣлось; но тотъ же кавалеръ возразилъ: „привалъ, ваше благородіе, будетъ совсѣмъ на горѣ, тамъ и вода есть; отдохнемъ, и до самыхъ Чирковъ пойдемъ все внизъ, — дорога разработанная“. Все сказанное солдатомъ, къ моему сожалѣнію, оказалось справедливо; но распоряженія начальства относительно марша меня удивляли: мнѣ казалось, что людей морятъ напрасно и не такъ слѣдовало идти. Я, конечно, всего этого не высказывалъ, а разсуждалъ про себя. Я былъ прапорщикомъ, а каждый прапорщикъ, извѣстно, Наполеона по косточкамъ разберетъ. Такъ мы прошли до 12 часовъ, остановки заключались въ подтягиваніи вьюковъ; въ это время, минутъ на пять, иногда на десять, люди безъ приказанія ложились, или, лучше сказать, упираясь ранцами, сидились подъ гору, чтобы тяжесть ихъ не давила на плечи; — это снаровка старыхъ солдатъ. Наконецъ, взобрались на послѣднюю гору; вся колонна стянулась постепенно. По мѣрѣ того, какъ роты подходили, составлялись ружья, люди снимали ранцы; но прежде всего, на видныхъ мѣстахъ поставлены были довольно сильные пи-

кеты. Фурштаты живо сняли выюки, солдаты почти всё лежали; вездѣ молчаніе; видно было, что всё сильно утомились. Спустя полчаса, къ офицерскимъ группамъ начали подносить циркульники и горнисты закуску, а солдаты то-и дѣло посматривали на нашу сторону. Въ это время неожиданно раздался голосъ полковника Ранжевскаго: „гг. ротные командиры, прикажите дать людямъ спирта“. Во мгновеніе все встрепенулось; одни побѣжали къ ближайшему роднику по воду, другіе — къ выюкамъ, а нѣкоторые начали умываться. Изъ бурдюка въ ротное ведро налили спирта, и роты стали строиться; я съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ это будутъ пить спиртъ—чего мнѣ еще ни разу не приходилось видѣть, ибо до этого дня переходы считались пустыми, и винныя порціи берегли, а самъ-же я не зналъ еще вкуса вина. Фельдфебель скомандовалъ ротѣ „направо“; каждый солдатъ, зачерпнувъ крышку изъ ведра, выпьетъ, крикнетъ и, передавъ крышку слѣдующему, отправляется къ своему ранцу дожевывать сухари, а нѣкоторые принимались варить въ котелкѣ тюрю. Это весьма простое и незатѣйливое кушанье готовится такъ: въ кипячую воду сыплотъ толченые сухари, соли по вкусу и мѣшаютъ ложкою; если есть сало, то кладутъ маленькій кусочекъ, отчего кушанье дѣлается вкуснѣе. Болѣе зажиточные солдаты варятъ мамалыгу; это любимое солдатское блюдо готовится также, какъ и тюря, только вмѣсто сухарей кладутъ кукурузную муку.

Послѣ спирта развязались языки, пошелъ общій говоръ, иногда прерываемый дружнымъ взрывомъ хохота, вызваннымъ какою-нибудь остротой ротнаго балагура. Любо было смотрѣть на этихъ лихихъ, неприхотливыхъ солдатъ; особенно бросалось въ глаза, что, не смотря на близость тутъ-же офицеровъ, они, казалось, нисколько не стѣснялись: всё говорили свободно, лежали, закусывали, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не слышно было ни одного грубаго слова, никто не сидитъ, не стоитъ спиною къ сторонѣ начальства. Случалось, офицеръ позоветъ кого-нибудь, чтобы отдать приказаніе, или

просто спросить что-либо—солдатъ вскочить живо, подбѣжить весело, бойко, свободно разговариваетъ съ офицеромъ, но стоитъ почтительно и на вытяжку. Офицеры, особенно ротные командиры, обращаясь къ нимъ, всегда называютъ по фамиліи; видно, что они своихъ солдатъ всѣхъ хорошо знали, поэтому, выработались отношенія солдатъ къ офицерамъ не на основаніи палочной логики, а изъ постоянного обобщенія и полного уваженія. Вотъ, что составляетъ основаніе разумной дисциплины, которая ведетъ армію къ побѣдѣ! Это была особенность кавказцевъ, и духъ ихъ паритъ еще до сихъ поръ — что трудно сохранить въ продолжительное время мира. Для подтвержденія высказаннаго мною, можно указать на прежнія продолжительныя войны Россіи, въ которыхъ выработывалась дисциплина не искусственная, а такая, которая въ мирное время, особенно въ продолжительное, составляетъ мечту. Прусская дисциплина, теперь поставляемая намъ въ примѣръ, положительно искусственная; она составлена не на разумныхъ началахъ, а на правѣ сильного, и ею могутъ увлекаться только теоретики; о дисциплинѣ арміи можно судить только послѣ неудачъ, въ минуты тяжелаго испытанія, а потому, послѣднее слово о прусской дисциплинѣ можно будетъ сказать впослѣдствіи, когда жребій оружія не поблагопріятствуетъ имъ. Мы же, кавказцы, терпѣли подчасъ достаточно неудачъ, но до конца сохранили въ святости дисциплину, чѣмъ поистинѣ можемъ справедливо гордиться. Старые мои товарищи согласятся со мною, молодое поколѣніе самонадѣянно улыбнется. Господа, вамъ и карты въ руки; мы скромно уступаемъ вамъ мѣсто, но съ условіемъ: покорите Россіи новый Кавказъ, а пока—намъ принадлежитъ прошедшее, имъ можетъ гордиться каждый русскій, а ваше—будущее... Исполать вамъ!

Но я отклонился отъ своего разсказа. Сознаюсь, начинаю старѣть и люблю поболтать; и такъ, продолжаю.

Офицеры сгруппировались побаталіонно, начали закусывать; трапеза была тоже непріхотливая: холодные битки, называемые

„тужурки“—у одного, у другого — кусокъ сала и маркитантскаго сыра, у третьяго—кусокъ холоднаго-же мяса, чарка водки, а кто желалъ—и стаканъ простаго чихиря,—вотъ и все. Разговоръ тоже оживлялся: кто-то рассказывалъ, что былъ при взятіи Чиркея въ предыдущихъ годахъ, кажется, при корпусномъ командирѣ Головинѣ, который самъ участвовалъ въ экспедиціи, и въ честь его укрѣпленіе названо Евгеніевскимъ. Въ одной изъ ротъ грянули пѣсенники, а чрезъ нѣсколько минутъ пѣли уже во всемъ отрядѣ, что служило какъ-бы тонкимъ намекомъ со стороны солдатъ, что мы-де отдохнули, пора подыматься, идти дальше. Дѣйствительно, вскорѣ ударили подъемъ, и мы тронулись, только цѣпи не были выставлены, такъ какъ мѣстность того не позволяла. Отсюда уже шелъ спускъ въ котловину, въ глубинѣ которой, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, очень привѣтливо виднѣлось Евгеніевское укрѣпленіе. Дорога разработана частью въ скалѣ, частью въ красной глинѣ, мѣстами то разширялась, то суживалась отъ частыхъ отсыпей; но выюки могли идти свободно, при небольшомъ исправленіи, идущей впереди рабочей команды. Дорога эга—работа войскъ, пробита большею частью въ крутомъ обрывѣ, образующемъ правый берегъ ложбины Сулака, который съ страшною быстротою горнаго потока, шумя, несется гдѣ-то внизъ. Съ лѣвой стороны дороги высятся отвѣсные обрывы въ нѣсколько сотъ футовъ, а выдающіяся громадныя скалы, казалось, готовы раздавить дерзкаго, рѣшившагося идти по дорогѣ; справа такой-же, ежели не больше, обрывъ внизъ; стоитъ поскользнуться, чтобы сорваться въ бездну, разбившись вдребезги. Но ни того, ни другаго съ нами не случилось; мы шли гуськомъ, мѣстами даже въ одного человѣка. Отрядъ растянулся версты на двѣ, если не больше, и подъ гору подвигались чрезвычайно быстро. При постоянныхъ изгибахъ дороги казалось, что люди и лошади выходили изъ-за горы, изъ какой-нибудь трещины. Картина природы и наше движеніе мѣстѣ производили особенное впечатлѣніе; вся эта масса народа, съ разныхъ концовъ

нашего обширнаго отечества, отторгнутая отъ роднаго очага, отъ всѣхъ привязанностей сердца, стремилась весело, беззаботно, чтобы гдѣ-нибудь сложить свою буйную головушку и въ цвѣтѣ лѣтъ погибнуть безъ слѣда. Эти мысли копошились въ моей головѣ; мнѣ думалось: я тоже, подобно имъ, иду беззаботно; можетъ быть, и мнѣ суждено, тамъ, въ невѣдомыхъ горахъ, сложить свои кости, но я иду по доброй волѣ, я ищу чего-то новаго, незнакомаго.... Солдатъ—другое дѣло... Мнѣ помнится, что съ той минуты во мнѣ зародилась та духовная связь съ солдатомъ, которая послужила началомъ той привязанности и глубокаго уваженія къ герою, кавказскому солдату, которыя навсегда сохраняются въ моемъ сердцѣ и будутъ самыми дорогими воспоминаніями. Это не пустая фраза, а чувство, выработанное въ общихъ трудахъ, въ тяжелыя минуты, когда приходилось становиться лицомъ къ смерти... Не каждому изъ насъ, старыхъ кавказцевъ, удалось высказать, что чувствуемъ; но всякій, кто служилъ долго въ рядахъ доблестныхъ войскъ, пойметъ меня. Мнѣ случалось часто слышать: другой начальникъ скажетъ и красно передъ фронтомъ, да не произведетъ никакого впечатлѣнія: много фразъ, да сердца нѣтъ, и наоборотъ, простая рѣчь В. М. Козловскаго, съ прибавленіемъ „какъ братцы“, или Ранжевскаго, понималась каждымъ солдатомъ,—они взаимно уважали и любили другъ друга. Отсюда и вытекала та нравственная связь, одушевлявшая войска на величайшіе подвиги и самопожертвованія; при подобныхъ условіяхъ можно проиграть сраженіе, но оставаться въ полной увѣренности, что войска никогда не дойдутъ до деморализаціи, такъ какъ для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго. Здѣсь-то и надо искать причину того, отчего, новидимому, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, части пользовались различною репутаціею.

Солнце было уже довольно низко, когда мы подошли къ Евгеніевскому укрѣпленію, хотя видѣли его часами двумя раньше; тутъ мы застали небольшую часть войскъ, имѣвшихъ поступить въ составъ дагестанскаго отряда. Черезъ часъ, палатки были по-

ставлены, походное хозяйство устроено,—къ тому-же, оно и не затѣйливо. Самовары имѣлись только у баталіонныхъ командировъ; у насъ-же отлично служили мѣдные чайники, перловый супъ, да битки, состряпанные деньщикомъ, ѣлись съ аплетитомъ, достойнымъ удивленія. Въ то время еще не была выдумана модная болѣзнь—„катарръ желудка“. Спали въ повалку; совѣмъ раздѣваться въ походъ какъ-то не входило въ обыкновеніе; говоря вообще, жилось отлично, и никто не мечталъ о лучшемъ.

Лагерь расположенъ былъ на берегу р. Сулака, на почвѣ каменистой, изобилующей скорпіонами и фалангами въ огромномъ количествѣ, что сначала казалось весьма непріятно и очень меня озабочивало; но, видя, что никто не обращаетъ на нихъ вниманія, я тоже совершенно успокоился. Здѣсь мы простояли до 2-го іюня. На первый же день отправились осматривать укрѣпленіе, состоявшее изъ оборонительныхъ каменныхъ казармъ, съ батареями, вооруженными чугунными, крѣпостными пушками и двухпудовыми мортирами, которыя я видѣлъ въ первый разъ. Гарнизонъ занималъ какой-то линейный баталіонъ, размѣщавшійся въ чистепькихъ казармахъ; около десятка домовъ составляли форштатъ; нѣсколько бабъ, съ бубликами, маркитантская лавка, пара кабаковъ—вотъ и все.

Грустная печать унынія лежала на всемъ окружающемъ; что-то щемящее хватало за сердце, глядя на окружающія какого-то сѣраго, неопредѣленнаго цвѣта окрестныя горы. Я въ душѣ благодарилъ Бога, что не попалъ въ такую обстановку. Въ лагерьѣ то и дѣло сновали тавлинцы, напрашиваясь ковать намъ лошадей, что они дѣлали хорошо и очень ловко; напримѣръ, моя выючная лошадь, подкованная здѣсь, дѣлала весь походъ по каменистой почвѣ и была отбита, 16-го іюля, съ тѣми-же подковами. Мы уже начинали скучать отъ продолжительнаго бездѣйствія. Между тѣмъ, ежедневно прибывали войска изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, но, кромѣ алшеронцевъ, нашихъ кунаковъ, все незнакомые, чужіе; ихъ наши

солдаты называли: „это рассейскія войска“. Къ вечеру, 31-го мая, собрались всѣ войска дагестанскаго отряда, кромѣ кавалеріи, въ слѣдующемъ составѣ: 1-й и 3-й баталіоны минскаго полка, 1-й и 2-й баталіоны житомирскаго полка, 1-й, 2-й и 3-й баталіоны алшеронскаго полка, 1-й и 2-й баталіоны кабардинскаго полка; саперъ и стрѣлковъ по двѣ роты; 8 легкихъ и 8 горныхъ орудій и ракетная команда.

1-го іюля, часа въ три пополудни, прибылъ къ намъ начальникъ отряда, генераль-лейтенантъ князь Бебутовъ, въ сопровожденіи трехъ сотенъ кавалеріи. Мы встрѣтили его на линейкѣ, и князь, не слѣзая съ коня, объѣхалъ всѣ войска. Князь Бебутовъ подѣхалъ къ намъ на красивой бѣлой лошади; его смуглое лицо, умные глаза, спокойная осанка, не смотря на огромный носъ, внушали къ нему какое-то особое уваженіе, особенно, когда онъ говорилъ. Рѣчь его къ солдатамъ самая привѣтливая, простая, дышала задушевностію. Поговоривъ съ солдатами, онъ прибавилъ, что очень радъ имѣть у себя въ отрядѣ молодцовъ кабардинцевъ; освѣдомился о больныхъ, о довольствіи, а также о матеріальной части баталіоновъ. Вечеромъ послѣдовало приказаніе, что завтра утромъ отрядъ выступаетъ; напши два баталіона, съ четырьмя горными орудіями, назначены въ арьергардъ. Офицерство начало разсуждать: „видно сейчасъ, что мы тутъ чужіе; своихъ алшеронцевъ, небось, послалъ впередъ“. Признаюсь, я не понималъ, чего тутъ обижаться; надо-же кому нибудь идти сзади; потомъ уже, познакомившись ближе, я убѣдился, что тутъ главную роль играла подозрительность. У кабардинцевъ до того было развито самолюбіе, что они готовы были завидовать всему; этотъ характеръ до сихъ поръ присущъ полку, только нѣсколько въ иной формѣ. Во время самаго интереснаго разговора, основаннаго на предположеніяхъ: куда пойдѣмъ и по какой дорогѣ, раздался въ ближайшей солдатской палаткѣ, какъ-бы въ отвѣтъ намъ, голосъ: „на по克罗шеніе!“ затѣмъ, веселый хохотъ. Меня это очень заинтересовало, и я тутъ-

же получилъ разъясненіе. Между солдатами существовалъ обычай: всякій курильщикъ-солдатъ, когда окончить кропить табакъ, обыкновенно на сапожной доскѣ, и половину скрошеннаго табаку положить въ кисетъ, то кричить: „на покрошеніе“, и торопливо начинаетъ прятать остальной туда-же; по этому зову, каждый изъ товарищей имѣетъ право захватить щепотку табаку на трубку. Крошительщикъ всегда съ умысломъ оставляетъ табакъ 'трубки на двѣ, на три; при этомъ, ни толкотни, ни спора никогда не бываетъ,—солдаты между собою бывали крайне деликатны.

Не знаю, существуетъ-ли теперь этотъ обычай; но прежде, бывало, то-и дѣло слышалось: „на покрошеніе“. Только, такъ называемые „особняки“, т. е. необщительные, и скряги не придерживались этого обычая.

II.

Выступленіе дагестанскаго отряда. Переходъ черезъ терентульскій оврагъ. Соединеніе съ чеченскимъ отрядомъ. Переходъ черезъ перевалъ Кыркъ. Холодная гора. Занятіе андійскихъ воротъ.

Второго іюля, съ разсвѣтомъ, двинулись на лѣвый берегъ Сулака,—апшеронцы въ авангардѣ; за ними — прочія войска, обозы; вьюки наши мы снарядили часовъ въ восемь, двинулись едва только въ десять. Въ ожиданіи же движенія, мы занимались невинной забавой — сталкивали огромные камни въ Сулакъ и любовались, какъ они съ страшнымъ грохотомъ катились въ пѣнящійся потокъ; надъ инымъ камнемъ возились цѣлыя роты, такъ что, въ конецъ, всѣ порядочно устали. Трудно себѣ вообразить, до какой степени

въ горномъ походѣ тяжело идти въ арьергардѣ; что ни шагъ — то остановка: то выюкъ свалится, то надо подтянуть подпруги. Легкая артилерія тоже не мало замедляла движеніе, и такимъ порядкомъ мы тянулись до вечера и едва въ сумерки дотащились до лагернаго расположенія на высотахъ Ибрагимъ-дады. Проходя чрезъ развалины аула Чиркей, мы видѣли остатки огромныхъ садовъ; вѣковые орѣховыя деревья свидѣтельствовали о быломъ богатствѣ разбѣжавшихся обитателей; каменные сакли представляли одни руины — послѣдствіе кровавой борьбы. Ауль Чиркей воспѣтъ Лермонтовымъ:

„Великъ, богатъ ауль-Джемать,
Онъ никому не платитъ дани“...

3-го іюля была Троица — полковой праздникъ апшеронскаго полка; командовалъ имъ полковникъ Ковалевскій или Ковалинскій — хорошо не помню. Апшеронцы — старые кунаки кабардинцевъ; однако, наши хотя и отпразднели на праздникъ, но только старшіе, да и то немногіе; ожидали прибытія чеченскаго отряда, при которомъ находился и главнокомандующій. Мы ожидали также, съ третьимъ баталіономъ, и нашего полковаго командира.

Около 12 часовъ можно было издалека различить движущіяся войска чеченскаго отряда. Вскорѣ къ намъ пріѣхало нѣсколько офицеровъ 3-го баталіона, всѣ мнѣ незнакомые. Вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ молодой, бравый юноша, въ толстомъ мундирѣ съ галунами, въ верблюжьихъ шароварахъ, чевякахъ и съ пашкой чрезъ плечо; подобной формы я еще не видѣлъ. Это былъ юнкеръ князь Дмитрій Святополкъ-Мирскій; тутъ-же мы съ нимъ и познакомились. Пріѣхалъ также и братъ его Владиміръ, служившій въ апшеронскомъ полку; по его костюму — щегольской тонкой шинели солдатскаго покроя, пашкѣ черезъ плечо и рассказамъ о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, легко можно было догадаться, что онъ состоитъ при штабѣ. Офицеры рассказывали штабъ-квартирные

последнія новости, а также, что третьимъ баталіономъ будетъ командовать, или уже командуетъ, адъютантъ Государя Наслѣдника, князь Барятинскій, а къ намъ, на мѣсто подполковника Гроденфельда, назначенъ маіоръ Тимерманъ, недавно переведенный изъ грузинскаго гренадерскаго полка. Вдругъ, разнеслась вѣсть, что мы сегодня-же выступаемъ на новую позицію. Дѣйствительно, часа черезъ два, получилось приказаніе, и въ 5 часамъ пополудни отрядъ тронулся,—и на этотъ разъ мы шли впереди всѣхъ. Пройдя нѣсколько верстъ, стали спускаться по крутизнѣ въ глубокой оврагъ, называемый теренгульскимъ. Начало уже смеркаться, небо быстро заволакивало тучами, и надъ нами разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ. Мы уже впотьмахъ поднялись съ трудомъ на противоположный берегъ оврага; пройдя еще версты двѣ, стали на позиціи, и пока разбили впотьмахъ палатки, мы промокли до костей и передрогли отъ холода. Нашъ отрядъ перешелъ теренгульскій оврагъ нѣсколько выше, прямо противъ лагернаго расположенія на Ибрагимъ-дада, аріергардъ прибылъ на позицію едва къ 7 часамъ утра; на долю же чеченскаго отряда выпало еще хуже: они переправились ниже, и ихъ аріергардъ едва пришелъ къ 10 часамъ утра.

Къ полудню, 4 іюля, погода разгулялась, солнце насъ обогрѣло, сушили свой походный багажъ. Войска обоихъ отрядовъ — чеченскаго и дагестанскаго — расположились рядомъ. Чеченскій отрядъ прибылъ въ слѣдующемъ составѣ:

1-й баталіонъ литовскаго полка, 1-й и 3-й — пражскаго, 1-й и 3-й — люблинскаго, 2-й — замосцскаго, 3-й и 4-й — навагинскаго, 1-й, 2-й и 3-й — куринскаго, 3-й — кабардинскаго; двѣ роты саперъ, рота стрѣлковъ; двѣ дружины грузинской пѣшей милиціи,— всего 12 баталіоновъ, три роты, 1000 человекъ милиціи, 12 легкихъ орудій, 12 горныхъ, четыре мортирки и 13 сотенъ кавалеріи. Всего же за теренгульскимъ оврагомъ сосредоточилось войскъ обоихъ отрядовъ: пѣхоты—21 баталіонъ, саперъ—1 бат., стрѣл-

ковъ—3 роты, пѣшей милиціи—1000 чел., орудій легкихъ—20, орудій горныхъ—20, мортиръ—4, летучій паркъ—1, запасный паркъ—1; два черводарскихъ транспорта и полубригада коннаго подвижнаго магазина, всего 2,380 вьюковъ.

Весь день адъютанты и офицеры сновали взадъ и впередъ: то развозили приказанія, то отыскивали знакомыхъ. Я тоже встрѣтился съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей одного производства; они мнѣ совѣтовали, пройдя нѣсколько впередъ, рапортоваться болѣлымъ и отправиться въ шуринскій госпиталь; по ихъ словамъ, на награду рассчитывать нечего, и они поэтому уѣзжаютъ обратно. Дѣйствительно, въ Дарго, я, кажется, только одинъ дошелъ; по крайней мѣрѣ, никого изъ товарищей тамъ не встрѣчалъ; но теперь, можно пробѣрить, кто изъ насъ лучше поступилъ: одного изъ нихъ я недавно встрѣтилъ только майоромъ, хотя онъ въ то время бѣжалъ верхомъ, а я путешествовалъ пѣшечкомъ. Весь день мы простояли на мѣстѣ; мнѣ пришлось сходить за дровами для штаба. Въ мое отсутствіе пріѣзжалъ командиръ полка провѣдать насъ. Вечеромъ, къ моему несказанному удовольствію, ротный сапожникъ принесъ походные сапоги, заказанные ему еще въ Евгеніевскомъ: онъ урывками, во время похода, успѣлъ смастерить огромные, походные солдатскіе сапоги, съ подковами и гвоздями. Вѣсили они, каждый, безъ малаго пудъ—по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось, когда я ихъ примѣрялъ. Однако, благодаря имъ, я могъ продолжать походъ пѣшкомъ; щегольскіе сапоги, хотя уже со спиленными каблукками, невыносимо жали мнѣ ноги, особенно на крутыхъ и каменистыхъ спускахъ, и страхъ, что прійдется, пожалуй, продолжать походъ босикомъ, преслѣдовалъ меня постоянно, подобно кошмару.

5 іюля намъ приказано было пообѣдать съ разсвѣтомъ и затѣмъ, первые баталіоны полковъ: литовскаго, житомірскаго, люблинскаго, апшеронскаго, куринскаго и нашъ, пѣшая дружина, три сотни казаковъ, шесть сотенъ милиціи, при 8 горныхъ орудіяхъ, подъ командою генералъ-майора Пассека, выступили совѣмъ на-

легкахъ. Вскорѣ насъ нагналъ и главнокомандующій, съ многочисленную свитою и конвоемъ.

Свита главнокомандующаго была огромная и блестящая; въ экспедиціи принималъ участіе и принцъ Александръ гессенскій. Каждый изъ генераловъ или отдѣльныхъ начальниковъ, для отличія, имѣлъ значекъ; у главнокомандующаго, сколько помню, на длинной куртинской пикѣ былъ флюгеръ, нѣсколько больше уланскаго, цвѣтовъ краснаго и бѣлаго; между остріемъ и флюгеромъ—пукъ волосъ изъ лошадиныхъ хвостовъ;—выходило нѣчто въ родѣ бунчука. У начальника чеченскаго отряда, генераль-адъютанта Лидерса—значекъ имѣлъ полосы красную и черную, въ родѣ владимірской ленты; у начальника главнаго штаба, генераль-лейтенанта Гурко—красный; у генерала Пассека—красный съ чернымъ крестомъ; какіе были у другихъ—не помню.

Блестящая свита, щегольской конвой, въ которомъ нѣсколько курдовъ, въ своемъ національномъ костюмѣ, съ длинными пиками, обращали на себя особенное вниманіе; разнородные значки—все это было не только картинно и эффектно, но и воинственно. Въ особенности, бросалось въ глаза и говорило чувству, когда передъ такимъ блестящимъ эскортомъ мы видѣли сѣдовласаго краонскаго героя, съ большимъ Георгіемъ на шеѣ. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ князя Воронцова, и поэтому, не удивительно, что онъ возбуждалъ во мнѣ чувство благоговѣнія.

Движеніе наше было сперва хотя и по волнистой мѣстности, но идти было легко и не утомительно. Когда мы прошли верстъ около десяти, впереди насъ, немного правѣе, видна была непріятельская партія конныхъ, въ нѣсколько сотъ человекъ; къ той сторонѣ держалась и наша кавалерія. Было очень жарко; однако, часамъ къ десяти, мы прошли верстъ 15. Куринцы остановились на берегу оврага, за ними—и вся остальная пѣхота. Совершенно отлогая покатость оканчивалась большою горою, имѣвшею съ нашей стороны покрытый травою крутой скатъ, а противоположный

—обрывистый; этотъ обрывъ, спускаясь круто отъ самой вершины помянутой горы, составлялъ вправо и влѣво какъ-бы отвѣсную стѣну очень глубокаго и широкаго оврага; издали-же, противоположную сторону этого оврага составляла гряда огромныхъ горъ. Мнѣ и въ голову не приходило, что намъ прійдется туда взбираться. Тутъ мы простояли часа два. Изъ рассказовъ офицеровъ и солдатъ я уяснилъ себѣ слѣдующее: мы остановились на перевалѣ Кыркъ, съ котораго крутой спускъ внизъ, въ описанный мною оврагъ, ведетъ вправо, въ ущелье Мичикалъ, а налѣво—къ Аргуани. Въ 1839 году, въ Аргуани, кабардинцы покрыли себя славою, и ихъ легло тамъ около шестисотъ человѣкъ. Впереди насъ находилась гора, называемая Крюковой, знаменитая тѣмъ, что въ какомъ-то году генераль Крюковъ обморозилъ на ней не мало солдатъ, вслѣдствіе чего гора и получила наименованіе „Крюковой“. Все это мнѣ рассказывали очевидцы, бывшіе въ то время въ походѣ.

Для разработки спуска потребовали рабочихъ съ шанцевымъ инструментомъ, а между тѣмъ, куринцы, за ними алшеронцы, житомірцы, начали поодиночкѣ спрыгивать съ довольно большой кручи. Грузинская пѣшая дружина дѣлала тоже самое правѣе, и всѣ быстро спускались внизъ. Когда спускъ нѣсколько разработали, двинулись литовцы, съ четырьмя горными орудіями, а за ними и нашъ баталіонъ, имѣя тоже два орудія. Для дальнѣйшей разработки спуска, оставленъ былъ баталіонъ люблинскаго полка и при немъ два горныхъ орудія. Спускъ былъ очень длиненъ и крутъ; я совсѣмъ-бы погибъ въ маленькихъ сапогахъ и мысленно благодарилъ моего благодѣтеля, снабдившаго меня, хотя тяжелыми, но надежными сапогами. Наконецъ, слава Богу! спустились и двинулись по дорогѣ къ сторонѣ Аргуани. Пройдя съ версту, мы увидѣли, что грузинская дружина, куринцы, алшеронцы и житомірцы полѣзли прямо на огромную крутую гору, и тогда только замѣтили на вершинѣ ея многочисленную толпу горцевъ, казавшихся намъ просто муравьями.

ми,—такая была страшная высота. Нѣсколько лѣвъѣ, на эту же гору, обходною тропою двигался литовскій баталіонъ, съ четырьмя горными орудіями, и всѣ патронные व्यюки; намъ же было приказано ожидать внизу прибытія люблинскаго баталіона. При появлѣніи нашихъ колѣннѣ, непріятель открылъ огонь изъ орудія, поставленнаго на краю горы, въ особенности по войскамъ, взбиравшимся на нее; слышенъ былъ полетъ снарядовъ, но они падали далеко; мы-же, стоя подъ горою, находились внѣ всякой опасности. Съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ слѣдили за движеніемъ нашихъ войскъ; солдаты казались все меньше и меньше; слышался частый ружейный огонь; выстрѣлы были громкіе,—видно, что непріятель стрѣлялъ сильно въ нашихъ; потомъ—отдаленное, едва слышное ура!—и все затихло..... Въ это время наше вниманіе было обращено на слѣдующее обстоятельство: одинъ фурштатъ, вѣроятно, по неопытности, увязался съ патроннымъ व्यюкомъ за войсками, которыя пошли прямо на гору. Сначала онъ подвигался медленно и значительно отсталъ; поднявшись довольно высоко, остановился въ нерѣшимости, какъ-бы раздумывая, что ему дѣлать; затѣмъ, лошадь съ трудомъ начала снова подниматься и, потерявъ балансъ, сорвалась. Въ первое время она, казалось, силилась удержаться; но потомъ, кувыркомъ, черезъ голову, быстро покатила по обрыву и разбилась вдребезги; патронныхъ ящиковъ не осталось и признаковъ. Спустя нѣкоторое время, принесли куринца, рапенаго камнемъ въ грудь; онъ, бѣдный, очень страдалъ. Это былъ первый раненый, котораго мнѣ пришлось видѣть; у меня сжалось сердце, и я испытывалъ какое-то очень тяжелое чувство. Его тотчасъ окружили любопытные. Старымъ, закаленнымъ въ бояхъ, солдатамъ тоже было тяжело смотрѣть на страданія товарища, хотя, повидимому, старались скрывать свои чувства, но подъ ихъ суровою личиною таилась бездна той сердечной теплоты, которая недоступна многимъ.

Конечно, любопытство присуще каждому, желающему видѣть

то, что съ нимъ можетъ случиться завтра, или чрезъ минуту. Наконецъ, голосъ штабсъ-капитана Краузе нарушилъ общее грустное настроеніе: „пошли отсюда! чего не видали“? И въ голосѣ его было слышно нѣчто, напоминающее, что и ему чувство состраданія было не чуждо; онъ въ высшей степени былъ добрый и мягкій человѣкъ—что, однако-же, не мѣшало быть ему лихимъ боевымъ офицеромъ. Немного погодя, спустился съ горы офицеръ, посланный генераломъ Пассекомъ съ словеснымъ донесеніемъ къ главнокомандующему, и онъ намъ наскоро разсказалъ, что горцевъ было около 3000 человѣкъ, что грузинская дружина князя Меликова и куринцы—первые ударили на непріятеля; что у насъ 17 человѣкъ раненыхъ, и куринцы чуть не отбили орудія. „Ну, чуть не считается“, послышался голосъ сзади, въ толпѣ, и всѣ расхохотались. Кажется, въ этомъ дѣлѣ былъ раненъ въ плечо командующій куринскимъ баталіономъ графъ Бенкендорфъ. Въ это время прибылъ ожидаемый нами люблинскій баталіонъ, которому было приказано, въ случаѣ прибытія офицера съ донесеніемъ, отдѣлить ему конвой на перевалъ Кыркъ; затѣмъ, по возвращеніи его, присоединиться на горѣ Анчигееръ къ прочимъ войскамъ. Мы сейчасъ тронулись по тропинкѣ, гдѣ поднимался литовскій баталіонъ. Тропинка была очень крутая; мы поднимались очень медленно; артилерійскія лошади то-и-дѣло останавливались. Солнце было довольно низко, такъ что опасались не дойти къ вечеру на вершину горы. Когда мы поднялись довольно высоко, на одномъ изъ поворотовъ дороги, при солнечномъ закатѣ, предъ нами открылась величественная картина: грозный кавказскій хребетъ, позлащенный лучами заходящаго солнца, предсталъ во всемъ своемъ великолѣпіи. Между нами и главнымъ хребтомъ, параллельно ему, видѣлась какая-то страшная продольная пропасть, дна которой не видно и, казалось, солнечные лучи никогда туда не проникаютъ. Надъ этой бездной лѣпились, словно орлиныя гнѣзда, небольшіе аульчики и отдѣльныя сакли, которыя съ трудомъ можно было отличать отъ сѣроватыхъ скалъ.

На исполинскихъ отрогахъ главнаго хребта, доходящихъ до описанной бездны, старыя служивыя указывали Аргуань; дальше— двѣ огромныя, круглыя скалы, въ видѣ бастіоновъ, называли— Ахульго. Это—живые памятники безсмертной славы ширванцевъ кабардинцевъ и куринцевъ. Много васъ тамъ легло, герои русской земли! Вѣчная вамъ память и слава!

Подобной величественно-грозной картины мнѣ не удавалось больше видѣть во всю мою службу; душа невольно просилась преклониться предъ величіемъ Бога! Я увѣренъ, что самый закоренѣлый атеистъ долженъ бы былъ смириться и, сознавъ свое ничтожество предъ Создателемъ вселенной, познать истиннаго Бога. Знаменитый Гумбольдтъ, говоря въ своемъ „Космосѣ“, что „познаніе природы есть источникъ богопознанія“, высказался также невольно, когда онъ, съ одной изъ высшихъ точекъ Кордильероу, обнималъ взглядомъ раскинувшуюся передъ нимъ природу. Разсказы о мѣстности, короткое, но ясное повѣствованіе очевидцевъ о подвигахъ въ этихъ мѣстахъ, привели и меня къ сознанію, что пока не наступило еще для меня время—когда бы я могъ указать на сдѣланное мною что-либо полезное въ жизни. При моей воспріимчивой натурѣ, я былъ-бы готовъ въ эту минуту на всевозможные подвиги. Впослѣдствіи, приходилось много испытывать сильныхъ ощущеній и увлеченій, но такія минуты встрѣчаются въ жизни только разъ. Надо сказать, что не я одинъ, а всѣ, когда открылась предъ нами эта волшебная картина, остановились, какъ вкопанные. Изъ этого оцѣпѣненія вывелъ насъ опять все тотъ-же штабсъ-капитанъ Краузе, крикнувъ: „ну, что стали? иди!“ Дрожащій голосъ его ясно говорилъ, что и онъ поддался общему влеченію. Нашъ командиръ, подполковникъ Гроденфельдъ, тоже бормоталъ про себя: „каже, такомъ-то роду“! но никто не обращалъ вниманія, всѣ шли молча подъ впечатлѣніемъ видѣннаго; только произнесенныя Гроденфельдомъ, при послѣднемъ кругомъ подъемѣ, слова: „бѣдный мой кабль“, вызвали всеобщій смѣхъ—впрочемъ, про себя. Надо знать,

что онъ самъ ѣздилъ и вьюги возилъ на кобылицахъ, и при нихъ же находились жеребята—что составляло его первую и, кажется, единственную заботу. Въ сумерки, усталые, мы дотащились до вершины, гдѣ застали отдыхающими войска, бывшія на штурмѣ Анчимеера.

Мы, какъ я уже говорилъ, были совершенно налегкахъ; офицеры, имѣвшіе верховыхъ лошадей, захватили съ собой бурки въ торока, а другіе—даже и переметныя сумы; ротнымъ командирамъ, горнисты и цирюльники, составлявшіе ихъ главный штабъ, несли въ рукахъ чайники и закуску. Мы же, прапорщики, въ однихъ сюртукахъ, на полномъ сухоядѣніи, и къ тому-же, цѣлый лѣтній день на ногахъ. Сдѣлавъ верстъ тридцать, по горамъ, при скудной закускѣ на перевалѣ Кыркъ, еще часовъ въ 11 утра, я чувствовалъ себя совсѣмъ плохо. Холодный горный вѣтеръ пронизывалъ насквозь, аппетитъ былъ страшный; спасибо, ротный командиръ предложилъ нѣсколько сухарей и стаканъ чаю—вотъ и все, что нашлось для возстановленія силъ. Наши солдаты устроились скоро; поужинавъ сухариками съ водою, они улеглись по нѣсколько человекъ вмѣстѣ, а нѣкоторые вырыли, въ сторонѣ отъ вѣтра, ямки, въ родѣ ложементовъ, укрылись шинелями, и чрезъ часъ дружный храпъ свидѣтельствовалъ о сильной усталости. Я тоже улегся, прикрывшись мѣшкомъ отъ носилокъ, но сырость не давала возможности уснуть,—такъ и пришлось всю ночь проплясать. Къ счастью, лѣтнія ночи коротки; выкуривая трубку за трубкой, дождался разсвѣта. Впрочемъ, и другимъ, какъ видно, тоже плохо. спалось по милости сыраго, пронзительнаго вѣтра. Еще задолго до зари, половина народа была уже на ногахъ. Съ тѣхъ поръ бурка была всегда со мною; ее носилъ горнистъ, отданный въ мое распоряженіе заботливымъ ротнымъ командиромъ.

6-го іюня, съ разсвѣтомъ, пришелъ люблинскій баталіонъ, и мы тронулись дальше. Впереди насъ, на далекомъ разстояніи, виднѣлась довольно большая конная непріятельская партія, отступав-

шая передъ нами. Шли мы съ горы на гору, и около двухъ часовъ пополудни начали подниматься на большую гору, называемую, какъ потомъ узнали, Зуну-Мееръ, или иначе—Соухъ-Булакъ. На послѣдней первоначально остановились, полагая, что будетъ приваль. Густой туманъ, покрывавшій насъ, превратился въ холодный дождь; всякій старался защитить себя, чѣмъ могъ: кто прикрылся буркой, кто—шинелью; я же, положительно, коченѣлъ отъ холода и былъ близокъ къ оцѣпненію. Подполковникъ Гроденфельдъ, хотя въ буркѣ и въ башлыкѣ, но промокъ и продрогъ; бѣдный старикъ, коченѣя, обратился къ офицерамъ: „нѣтъ-ли у васъ, господа, чего нибудь сухой одѣваться“? Но ни у кого ничего не оказалось, только баталіонный лекаръ Комарецкій, невозмутимый хохолъ, преспокойно вынулъ изъ кармана носовой платокъ и предложилъ Гроденфельду. Старикъ разсердился. — „Ви мнѣ этого не скажите!“ крикнулъ онъ и отошелъ въ сторону. Дѣло подвигалось къ вечеру; туманъ становился гуще. Генераль Пассекъ, выбравъ позицію для бивака на вершинѣ горы, приказалъ войскамъ двигаться. Всѣ баталіоны, какъ стояли, такъ и двинулись на гору и какъ-то самисобой устроились, колоннами, одинъ за другимъ, въ двѣ линіи. И такъ, какъ все передвиженіе состояло въ томъ, чтобы пройти какихъ-нибудь шаговъ тысячу, то и арьергардъ не былъ назначенъ. Едва мы тронулись съ мѣста, какъ снизу посыпались пули: горцы видимо ожидали насъ и стрѣляли на шумъ идущихъ войскъ, потому что въ десяти шагахъ нельзя было различить предметовъ—такъ былъ густъ туманъ. Поднялась суматоха, слышались крики: „кто въ арьергардѣ? кто въ арьергардѣ“? Но отвѣта не послѣдовало, только всѣ прибавили шагъ. Въ это время генераль Пассекъ громко крикнулъ: „кабардинцы, въ арьергардѣ“! Баталіонъ остановился тотчасъ, повернулся кругомъ; два горныя орудія снялись съ передковъ, а роты присѣли, взявъ ружья наизготовку. Все это сдѣлалось моментально, какъ будто всѣ были предупреждены. Въ арьергардѣ воцарилось глубокое молчаніе, а прочія вой-

ска продолжали движеніе. Между тѣмъ, горцы, не подозрѣвая близости войскъ, дали новый залпъ вверхъ. Пули перелетѣли чрезъ наши головы. Этотъ залпъ раздался такъ близко отъ насъ, что пороховой дымъ какъ-бы смѣшался съ туманомъ и сгустилъ его. Съ нашей стороны, въ отвѣтъ, послѣдовалъ залпъ цѣлаго баталіона и картечь обѣихъ орудій, которые, какъ видно, лучше дошли по назначенію. Послышался вблизи страшный крикъ и какъ-бы стоны, потомъ—все стихло. Выждавъ нѣкоторое время, мы тронулись и присоединились къ прочимъ войскамъ. Чрезъ полчаса изъ главнаго отряда прибыли व्यюки, подъ прикрытіемъ нашего баталіона. Имъ были слышны выстрѣлы, но они казались слишкомъ отдаленными. Сбросивъ व्यюки, лошади, съ прикрытіемъ, возвратились обратно, такъ какъ тутъ не было для нихъ корма. Палатки привезли только нашему баталіону, а остальные войска опять расположились на открытомъ воздухѣ. Въ числѣ व्यюковъ прибыли два маркитантскіе, одинъ—спеціально со спиртомъ, другой—съ предметами первой потребности. Вообще, мы были обязаны этимъ командиру полка; онъ одинъ помнилъ о насъ, тогда какъ другіе, по видимому, оставались равнодушными къ своимъ баталіонамъ. Руки у солдатъ коченѣли, и они, съ большимъ трудомъ, ставили палатки; грунтъ на горѣ былъ до того рыхлъ, что ноги вязли по колѣно. Мы, офицеры, общими силами натаскали плитнаго камня, выложили имъ полъ палатки и разостлали бурки. Солдаты набрали кое-какихъ горныхъ растеній и, разложивъ скудный огонекъ, съ трудомъ согрѣли чайникъ. Хотя чай оказался достаточно мутнымъ, но все-таки, съ кускомъ сыра и сухарями, достаточно подкрѣпилъ наши силы. Мы улеглись уже довольно поздно; къ намъ примкнуло нѣсколько знакомыхъ офицеровъ, апшеронцевъ и кабардинцевъ, такъ-что всѣхъ насъ въ солдатской палаткѣ оказалось пятнадцать человѣкъ.

Укрывшись чѣмъ попало, хотя все было мокро, мы скоро заснули. Не знаю, долго-ли я спалъ, но сильная боль въ боку за-

ставила меня очнуться. Оказалось, что одинъ изъ камней до того врѣзался въ бокъ, что боль становилась просто невыносимой. Къ довершенію всего, отъ нашей тяжести, камни засѣли въ рыхлый грунтъ, и изъ подъ нихъ выступала вода. Положеніе крайне непривлекательное: повернуться или подняться нельзя—потревожишь товарищей, и я положительно недоумѣвалъ, на что рѣшиться. Вдругъ, залпъ ружей по нашему авангарду и вслѣдъ затѣмъ, гикъ горцевъ, заставили насъ быстро вскочить на ноги и броситься къ своимъ ротамъ. Тутъ оказалось, что горцы, пользуясь туманомъ и ночью темнотою, подобрались очень близко къ нашимъ сторожевымъ постамъ, и завязали перестрѣлку. Я былъ выдвинутъ со взводомъ впередъ, при чемъ, у меня выбыло изъ фронта пять человекъ ранеными.

Предшествовавшая перестрѣлка передъ вечеромъ, въ общей суматохѣ, не произвела на меня особаго впечатлѣнія, а тутъ уже пришлось стать лицомъ къ лицу съ опасностью. Слава Богу, что это было ночью. Я не то, чтобы совсѣмъ уже струсиль, а, признаться, сначала растерялся порядкомъ, особенно, когда около меня ранили нѣсколько человекъ; но скоро удалось совладать съ собой, да и перестрѣлка продолжалась недолго. Въ это время я состоялъ прикомандированнымъ на нѣсколько дней къ 3-й егерской ротѣ—не знаю, по какому случаю. Поручикъ Киселевъ, когда все успокоилось, предложилъ мнѣ идти въ палатку, говоря, что онъ, все равно, останется при ротѣ до утра—что сдѣлали и прочіе ротные командиры. Я было началъ возражать, что, молъ, и я останусь, но легко уступилъ настоянію начальства. Въ палаткѣ было просторно, и мнѣ довелось отлично проспать до утра.

7-го числа, съ разсвѣтомъ, пошелъ огромными хлопьями снѣгъ; къ вечеру его выпало выше колѣнъ; затѣмъ — сильный морозъ. Положеніе наше становилось буквально невыносимымъ; дровъ—ни плахи; казачьи пики, древки отъ носилокъ были уничтожены еще днемъ, чтобы сварить въ котелкахъ кашу или согрѣть чайникъ.

Мы очень терпѣли отъ стужи, особенно, казаки и пѣшая дружина; 8-го числа, утромъ, оказалось много съ отмороженными членами. Около одиннадцати часовъ, изъ главнаго отряда привезли намъ на вьюкахъ много дровъ, сухарей, спирта и другихъ необходимыхъ припасовъ. Тогда-же мы узнали, что нашимъ движеніемъ обойдено сильно укрѣпленное мичикальское ущелье, вслѣдствіе чего, горцы покинули его, и нашъ главный отрядъ занялъ ущелье безъ боя. Въ ущельи снѣга не было, только дождь, и довольно тепло. Выѣстъ съ колонною отправили обратно своихъ обмороженныхъ—грузинскую дружину и казаковъ. Къ вечеру, всѣ подкрѣпились горячею пищею, экономничая въ дровахъ такъ, что ихъ, хотя съ трудомъ, но кое-какъ достало готовить разъ въ день горячую пищу. 9-го и 10-го числа солнца не было видно; густой туманъ пронизывалъ сыростью и еще болѣе усиливалъ холодъ; войска страшно зябли, но не было слышно ни одного слова ропота; напротивъ, иногда даже подшучивали. Мы находились въ положеніи людей, заброшенныхъ на какой нибудь необитаемый островъ ледовитаго моря, отчужденныхъ отъ всего свѣта. Но всему бываетъ конецъ. 11-го іюня, около 10 часовъ утра, къ намъ пришли вьючныя лошади. Еще до часа пополудни чего-то ждали. Начало проглядывать сквозь туманъ солнце, и мы стали спускаться безконечно долго; въ сумерки залѣзли въ какой-то оврагъ и едва къ ночи выбрались на равнину, гдѣ оказалось множество огней—какъ-бы признакъ расположенія значительнаго числа войскъ. Мы прошли, оставя ихъ въ сторонѣ, и стали лагеремъ. Вокругъ насъ—густая сочная трава, съ ароматомъ цвѣтовъ, наполнявшихъ воздухъ благоуханіемъ, и весенняя теплота. Послѣ страданій на Соухъ-Булакѣ, или „холодной горѣ“, какъ ее прозвали, намъ казалось, что мы попали въ рай.

12-го іюня, рано утромъ, всѣ поднялись съ восходомъ солнца. Прекрасное утро во всей прелести обрисовало великолѣпную равнину, окаймленную высокими горами, на которыхъ разбитъ былъ

нашъ лагерь. Вдали виднѣлись палатки главнаго отряда, пройденнаго нами наканунѣ вечеромъ; словомъ, восхитительное мѣстополюженіе заставило насъ забыть всѣ прошлыя невзгоды.

Отобѣдавъ часовъ въ 9, мы двинулись въ авангардѣ. Далеко позади насъ тянулись войска и обозы главныхъ силъ. Не успѣли отойти съ ночлега версты двѣ или три, какъ опять густой туманъ началъ заволакивать горизонтъ. Движеніе черезъ переваль Бурундукъ-кале сильно затруднялось выпавшимъ скоро дождемъ, а когда войска спустились, то изъ каждаго ущелья или котловины обдавала насъ струя до того холоднаго порывистаго вѣтра, что просто трудно было держаться на ногахъ. Казалось, самъ борея разгнѣвался на насъ бѣдныхъ. Прійдя на мѣсто, указанное для лагеря, я былъ тотчасъ посланъ съ командою за дровами для баталіона. Съ трудомъ цѣпляясь за камни, взобрались на огромную гору, гдѣ можно было достать горючій матеріалъ, въ видѣвшихся сакляхъ. Сакли оказались отличныя, но каменные; только балки изъ прекраснаго лѣса, но, на нашу бѣду, очень прочно построенныя. Однако, солдатики усердно принялись за разрушеніе, и толстыя балки, не смотря на крутой спускъ, живо перетасчили въ лагерь. Возвратясь къ отряду почти въ сумерки, застали нѣкоторыя палатки уже разбитыми, но съ большинствомъ еще возились, и волей-неволей приходилось ежиться отъ холода и вѣтра. Не смотря на усталость, я долго не могъ заснуть; то-и дѣло слышались вопросы: „какого полка лагерь? а гдѣ такой-то полкъ“? Это были отставшіе люди и вьюки, блуждавшіе наугадъ, въ темную ночь, по незнакомой мѣстности. Къ свѣту вѣтеръ стихъ. Получено было приказаніе —къ 7-ми часамъ изготавиться къ выступленію. Утромъ, между нѣшними палатками оказалось семь человѣкъ люблинскаго полка умершими. Грустно было смотрѣть на окоченѣвшіе трупы. Они бѣдные, вѣроятно, истомленные, дотащившись на огонекъ, не въ состояніи были издать звука о помощи—въ чемъ имъ, конечно, не отказали-бы. Я самъ видѣлъ утромъ солдатъ полковъ 5-го корпуса,

которые благословляли кабардинцевъ за спасеніе жизни. Нашъ священникъ, отецъ Михайлъ, любившій иногда выпить лишнюю рюмку, потерялъ отъ холода сознаніе и началъ-было совсѣмъ кончѣть; но его кое-какъ привели въ чувство, подкрѣпили спиртомъ, а потомъ—чаемъ.

13-го, утромъ, войска готовы были къ выступленію, какъ получилось приказаніе—людямъ отобѣдать и обсушиться. Погода стояла ясная, теплая. Живо начали сушить одежду, готовить кушанье,—и опять стало весело.

Однако, труды и холодъ отрезвили меня; поэтическое настроеніе прошло. Я чувствовалъ, что сразу сталъ старѣе, опытнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мечты о будущемъ покинули меня: я началъ жить настоящимъ. Я убѣждался на каждомъ шагу, что не легко выполнить и то, что выпадаетъ на мою долю,—такъ гдѣ-же тутъ забѣгать впередъ! Мнѣ стало понятно, почему каждый изъ моихъ товарищей и солдатъ дѣлаетъ только то, что слѣдуетъ, но дѣлаетъ хорошо, сознательно, толково, не лѣнясь и не высказывая неудовольствія, хотя иногда и черезъ силу. Это была школа, въ которой можно было сдѣлаться истымъ солдатомъ, честнымъ, закаленнымъ, или никуда негоднымъ человѣкомъ. Отсюда становится понятнымъ, почему рѣдкіе изъ насъ выдерживали службу до конца во фронтѣ, а большинство гибло отъ пьянства или, наживъ ревматизмы и всякія болѣзни, принуждены были покидать службу, не говоря о искалѣченныхъ въ бояхъ.

Часа въ 2 пополудни, кажется, шесть баталіоновъ, съ горною артилерією и частью кавалеріи, подъ командою генерала Клюки-фонъ-Клугенау, двинулись къ андійскимъ воротамъ, отдѣляющимъ Гумбетъ отъ Андіи. Это—широкая расщелина въ грядѣ горъ, у дороги совершенно суживающаяся, была укрѣплена каменными завалами съ бойницами. Позиція сильная; но завалы эти можно, съ большимъ успѣхомъ, атаковать съ фланга. Это, вѣроятно, и послужило причиной, что непріятель не рѣшился оборонять ихъ, и

ночью отступилъ—что сдѣлалось извѣстно въ отрядѣ только утромъ. По полученіи этого извѣстія, предполагаемое движеніе отмѣнено до послѣ-обѣда, дабы дать войскамъ возможность нѣсколько оправиться. Генераль Клюки-фонъ-Клугенау, котораго солдаты называли „клюка“, не смотря на полноту, былъ въ полной силѣ и бодрый человѣкъ. Въ его движеніяхъ, словахъ, проглядывало много энергіи; добродушіе, рисующееся въ его глазахъ, располагало всѣхъ въ его пользу и, по отзыву близко знавшихъ его, онъ былъ вполне рыцарь и человѣкъ способный на все доброе, котораго онъ не мало сдѣлалъ въ своей жизни. Я съ нимъ никогда не служилъ, но это отзывы тѣхъ, кто его зналъ,—въ чемъ мнѣ пришлось впослѣдствіи убѣдиться изъ рассказовъ бывшаго его адъютанта, графа Евдокимова, способности котораго онъ отличилъ еще въ малыхъ чинахъ.

До андійскихъ воротъ мы дошли безпрепятственно, лишь издали нѣсколько конныхъ горцевъ наблюдали за нашимъ движеніемъ. Оставивъ въ воротахъ всю нашу артилерію, подъ прикрытіемъ небольшого числа пѣхоты,—остальные войска двинулись дальше, для рекогносцировки, а также съ цѣлью заготовить дровами. Только что мы прошли ворота, нашимъ глазамъ представилась въ глубокой котловинѣ Андія и пылающіе въ ней аулы, покидаемые жителями. Быстро спустившись внизъ, мы, въ ближайшихъ сакляхъ, набрали дровъ и благополучно взобрались обратно на гору, въ сумерки.

Большія непріятельскія массы виднѣлись вдали; но насъ никто не тревожилъ ни во время фуражировки, ни при обратномъ слѣдованіи.

12-го числа, на позицію къ намъ прибылъ для командованія баталіономъ маіоръ Тимерманъ, нынѣ умершій генераль-маіоромъ въ отставку. Уже было выше сказано, онъ прибылъ передъ самымъ выступленіемъ въ походъ, изъ грузинскаго гренадерскаго полка. Это былъ хлѣбосоль, хотя и весьма расчетливый человѣкъ, но не изъ числа выдающихся офицеровъ; любилъ подчасъ похвастать прошлыми боевыми отличіями. Въ первый-же вечеръ онъ рассказалъ

намъ, какъ съ ротою взялъ Карсъ въ 1828 году, но ему возразили, что въ Карсъ ворвался первымъ поручикъ Лабинцевъ, съ 7-ю егерскою ротою. Тогда онъ безъ запинки отвѣчалъ; „я, братецъ, взялъ цитадель“! А когда кто-то спросилъ: „отчего вамъ не дали георгіевскаго креста“? онъ объяснилъ: „интриги, братецъ“! Любилъ также пошумѣть, но считался вполне безвреднымъ человекомъ, даже весьма слабымъ. По складу тогдашняго времени, кабардинцы приняли его довольно сухо, и онъ никогда не пользовался популярностію въ полку.

III.

Дѣло 14-го іюня на высотахъ Азалъ. Движеніе къ Технуцалу. Возвращеніе.
Пребываніе въ Андїи до 6-го іюля.

14-го іюня мы всѣ поднялись рано; независимо холоднаго воздуха, ожиданіе давно желаннаго боя лишило насъ сна. Часъ спустя послѣ разсвѣта, войска начали выстраиваться. Нашъ баталіонъ долженъ былъ идти впереди; но едва прошли андїйскіе ворота, получено было приказаніе остановиться и, пропустивъ пѣшую дружину и третьи баталіоны нашего и люблинскаго полковъ, слѣдовать за ними. Это приказаніе насъ огорчило и казалось несправедливымъ; между солдатами слышалось ворчаніе: „да чѣмъ мы хуже 3-го баталіона! развѣ когда нибудь мы бѣжали, что-ли“? Офицеры рѣшили, что преимущество 3-му баталіону дано было потому, что имъ командуетъ князь Барятинскій. Я, какъ молодой офицеръ, молчалъ, но мысленно соглашался съ мнѣніями недовольныхъ. Недолго намъ пришлось дожидаться. Начали проходить мимо

насъ пѣшая и конная милиціи, за ними—нашъ 3-й и люблинскій баталіоны, съ горною артилерією; впереди ѣхалъ нашъ командиръ, полковникъ Козловскій, за нимъ командующій баталіономъ, князь Барятинскій, молодой, красивый, съ полнымъ достоинствомъ; офицеры, проѣзжая мимо, немного хвастливо перекинулись съ нами нѣсколькими словами. Наконецъ, тронулись и мы, но молча и угрюмые. Когда мы нѣсколько прошли, то, на половинѣ подъема высоты Азалъ, показались огромныя скопища горцевъ въ нѣсколько тысячъ. Лишь только спустились наши передовыя войска къ аулу Гогатль, непріятель открылъ довольно частый огонь изъ трехъ орудій. Въ аулѣ завязалась ружейная перестрѣлка, но что тамъ происходило—намъ не было видно; нотомъ узнали, что изъ аула Гогатль конная милиціи выгнала непріятеля и преслѣдовала до аула Анди, гдѣ за горѣвшими саклями горцы упорно защищались. Къ нимъ начали подходить съ высоты Азалъ подкрѣпленія, и уже нашей конной и пѣшей милиціи, не смотря на то, что онѣ дрались лихо, приходилось плохо; но князь Барятинскій, подоспѣвъ съ 3-мъ баталіономъ, направилъ въ аулъ 3-ю карабинерную и 7-ю роты. Онѣ, вмѣстѣ съ милицією, вытѣснили горцевъ изъ аула, горячо преслѣдуя до ручья Годоръ, отдѣляющаго аулъ Анди отъ возвышенности Азалъ, и, затѣмъ, переправившись, начали подыматься на эту высоту. Услышавъ первые ружейные выстрѣлы, мы прибавили шагъ и почти шли бѣгомъ, быстро прошли аулы Гогатль и Анди. Насъ остановили на ручьѣ Годоръ около двухъ ротъ люблинскаго баталіона, составлявшихъ прикрытіе горной артилеріи, которая не могла дѣйствовать по дальности разстоянія отъ непріятеля. Тутъ намъ представилась слѣдующая картина: на половинѣ высоты Азалъ, на болѣе отлогомъ мѣстѣ, съ небольшимъ въ верстѣ отъ насъ, всѣ силы непріятеля составляли нестройную толпу отъ шести до семи тысячъ пѣшихъ и конныхъ; огонь изъ трехъ орудій не умолкалъ; слышенъ былъ полетъ снарядовъ, но, кажется, они вреда не дѣлали никакого. На половинѣ разстоянія между нами и непріятелемъ

медленно подымались: правѣе—милиція; нашъ 3-й баталіонъ, имѣя впереди 3-ю карабинерную и 7-ю роты, составилъ какъ-бы центръ; лѣвѣе, по краю оврага, подымались двѣ роты люблинцевъ. Мѣстность представляла искусственно сдѣланныя терасы для посѣва хлѣба, которыя постепенно занимались нашими стрѣлками, и являлась возможность, подъ прикрытіемъ крутизны ихъ, нѣсколько перевести духъ. Сравнительно съ сосредоточеннымъ непріателемъ на крѣпкой позиціи, наши разбросанныя войска казались ничтожными. Всѣ офицеры баталіона начали уговаривать баталіоннаго командира—испросить разрѣшеніе генерала Клюки-фонъ-Клугенау о поддержаніи нашихъ товарищей, которымъ угрожала опасность быть опрокинутыми, но маіоръ Тимерманъ не рѣшился подойти къ генералу. Тогда мы сами отправились съ этою просьбою. Солдаты совершенно намъ сочувствовали; неудовольствіе ихъ дошло до смѣшнаго; я самъ слышалъ, какъ одинъ солдатъ, въ досадѣ, увѣрялъ другаго, что „клюка“ изъ татаръ, поэтому, и бережетъ своихъ. Генераль, выслушавъ насъ съ полнымъ добродушіемъ, сказалъ: „мнѣ особенно досадно, что я не могу, этихъ (*), послать въ дѣло такой славный баталіонъ; нельзя оставить безъ прикрытія, этихъ, артилерію, тѣмъ болѣе, что можно ожидать движенія непріятеля справа, по ущелью; но если подойдутъ войска, то, этихъ, тотчасъ двину васъ впередъ“. Возраженіе генерала было совершенно вѣрно, но все-таки, понутивъ головы, мы возвратились къ баталіону. Наши подошли уже довольно близко къ непріятелю; завязалась самая оживленная ружейная перестрѣлка. Толпы горцевъ двинулись навстрѣчу, и огромною числительностью, казалось, были готовы задавить, сравнительно, горсть храбрецовъ, которые, хотя медленно, но безостановочно все лѣзли на гору. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя

(*) „Этихъ“ была поговорка генерала Клюки-фонъ-Клугенау.

за каждымъ шагомъ, мы переживали цѣлую жизнь; тутъ я понялъ впервые, что значитъ честь полка, и какъ она дорога каждому, кто носитъ его славное имя. Чувство, которое мы испытывали, было до того тягостно, что я его могу сравнить только съ тѣмъ чувствомъ, которое мнѣ пришлось испытать гораздо позже, стоя на берегу моря, когда видѣлъ крушеніе судна, гибель экипажа и не былъ въ состояніи спасти ихъ. Ружейная перестрѣлка усилилась до невозможности; гикъ горцевъ, крикъ ура! нашихъ, все слилось въ одно. Наконецъ, массы непріятеля начали отступать; .невольно каждый изъ насъ оцѣнилъ себя знаменіемъ креста. Въ эту минуту зависть не имѣла мѣста, и долгое томленіе замѣнилось радостію. Главнокомандующій, лично слѣдившій за ходомъ дѣла, направился на гору. Бой уже совсѣмъ почти прекратился. Наши горячо преслѣдовали шибко отступающаго непріятеля; аріергардъ его хотя и задерживался, въ устроенныхъ по пути отступленія завалахъ, чтобы дать возможность главнымъ массамъ по крутой дорогѣ подняться на гору, а главное—увести артилерію, но наши егеря ихъ тотчасъ выбивали, и надо удивляться, какъ горцы успѣли увести свои пушки. Сзади насъ показалась голова какого-то баталіона, и намъ приказано было идти впередъ на гору. Поднявшись довольно высоко, мы прошли мѣсто боя, на которомъ валялись трупы убитыхъ горцевъ, съ отрѣзанными кистями правыхъ рукъ (обычай тушинъ, перешедшій къ другимъ милиціонерамъ). Стороною несли нашихъ раненыхъ и убитыхъ, но кого именно мы потеряли—пока не могли еще узнать. Черезъ нѣкоторое время насъ остановили, и едва только успѣли стянуться, подъѣхалъ главнокомандующій и, поздоровавшись, сказалъ: „поздравляю васъ съ побѣдою“. — Покорно благодаримъ, вмѣсто „рады стараться“, было отвѣтомъ. Князь Воронцовъ продолжалъ: „кажется, вы, братцы, опоздали въ дѣло“?—„Мы, ваше сіятельство не опоздали, а насъ не пустили въ дѣло“, отвѣчали старые карабинеры; въ голосѣ слышалось и огорченіе, и досада. Такой главнокомандующій, какъ князь Воронцовъ, не могъ не оцѣ-

нить подобной жалобы и, улыбнувшись, самым мягким голосом сказал: „я, братцы, разберу, кто вас не пустил въ дѣло, и еще доставлю случай вамъ отличиться“. — Рады стараться! гаркнулъ весь баталіонъ, и главнокомандующій это помнилъ и исполнилъ обѣщаніе.

Быстро мы спустились обратно внизъ и остановились въ ожиданіи 3-го баталіона; тутъ узнали, что командующій 7-ю егерскою ротою, поручикъ Маевскій, былъ сперва раненъ, но продолжалъ вести роту впередъ — пока не былъ убитъ наповалъ. Полкъ потерялъ въ немъ отличнаго боеваго офицера. Раненъ командиръ 3-й карабинерной роты, штабсъ-капитанъ Эдлеръ-фонъ-Нейманъ — казалось бы, нѣмецъ, а на дѣлѣ кровный малороссъ, бравый, лихой офицеръ; пуля попала ему въ пахъ, — рана опасная; онъ сидѣлъ молодцомъ на носилкахъ, въ эриванской папахѣ на бекрень, и когда главнокомандующій лично освѣдомлялся о здоровьи раненыхъ, то Нейманъ, отвѣчая ему, добавилъ: „а что, ваше сіятельство, кто лучше дерется: кабардинцы или куринцы“? Надо полагать, что эта мысль преслѣдовала его и въ самомъ бою. Также были ранены: поручикъ Алалаевъ и подпоручикъ Нѣмцовъ; раненъ былъ также въ ногу и полковникъ князь Бяратинскій, до конца боя не оставившій баталіонъ, продолжая имъ распоряжаться. Однимъ словомъ, въ этотъ день покрыли себя славою кабардинцы, особенно 3-я карабинерная и 7-я роты (теперешнія 9-я и 10-я). Я гордился тѣмъ, что служилъ въ такомъ славномъ полку и въ душѣ завидовалъ, что не удалось участвовать въ такомъ блестящемъ дѣлѣ. Когда главнокомандующій отправился къ своей ставкѣ, и мы тронулись тоже, генералъ Клюки-фонъ-Клугенау, проѣзжая мимо нашего баталіона, благодарилъ слѣдующими словами: „этихъ, братцы кабардинцы, молодцы! спасибо; орлы, этихъ! Вы летѣть впередъ хотѣли, только крыльевъ не доставало, этихъ“. Дружное „рады стараться“ было отвѣтомъ. Я буквально помню эти слова, и вижу передъ собою фигуру стараго, боеваго генерала; онъ умѣлъ цѣнить, какъ дорого

войско, которое рвется въ бой. Всѣ, дѣйствительно, были рады такой блестящей побѣдѣ. Этотъ день намъ стоилъ общей потери, убитыми: оберъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 5; ранеными: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 54; контуженными: оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 57. Надо полагать, что неприятелю этотъ день тоже обошелся не дешево. Къ вечеру всѣ войска расположились лагеремъ: чеченскій отрядъ между аулами Анди и Гогатль, а дагестанскій—рядомъ, нѣсколько выше.

До 20 іюня мы вполне бездѣйствовали. Какъ слышно было, черводарскія лошади начали сильно падать отъ безкормицы, плохихъ горныхъ дорогъ и непогоды. Доставка затруднилась, намъ уменьшили дачу сухарей; за то, мяса было вдоволь. Въ это время, по недостатку крупы, намъ отпустили овесъ, но приказали сперва парить, потомъ толочь и варить. Это вызвало много остротъ, что, молъ, будетъ легче, а то, пожалуй, отъ овса и брыкаться начнемъ; но никто не ропталъ, всѣ были веселы и довольны. Офицеры получали сухари натурою и порціонныя деньги на мясо, поэтому, когда отпускались главнокомандующимъ войскамъ мясныя и винныя порціи, то ихъ получали и мы—только вдвое противъ солдатъ.

Въ продолженіи этого времени, ежедневно на высотахъ Азалъ виднѣлись массы горцевъ, но перестрѣлокъ не было, за исключеніемъ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ прикрытіи, назначенномъ при пастьбѣ лошадей. 20-го іюня часть войскъ была оставлена въ прикрытіи лагеря, подъ командою генераль-лейтенанта Клюки-фонъ-Клугенау. Нашъ 3-й баталіонъ былъ отправленъ для сопровожденія генераль-лейтенанта князя Бебутова, отправлявшагося въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и прикрытія транспорта, за сухарями; баталіонъ долженъ былъ остаться гдѣ-то въ вагенбургѣ, а 7 баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ и нашъ, рота саперъ, рота стрѣлковъ, двѣ пѣшія дружины милиціи, 9 сотенъ кавалеріи и 8 горныхъ орудій выступили довольно рано по ущелью, вдоль ручья Годоръ, параллельно

хребту высотъ Азалъ. Вскорѣ насъ обогналъ главнокомандующій; мы шли за кавалеріею и пѣшими дружинами. Сначала было идти хорошо, но около 11 часовъ начали подыматься безъ дороги, по едва замѣтной горной тропинкѣ, на огромную гору хребта Речель, составляющаго продолженіе хребта Азалъ. Мы подымались нѣсколько часовъ, положительно выбивались изъ силъ, солдаты еще болѣе терпѣли; имѣя на себѣ все походное снаряженіе, они шли медленно, мѣрно, дѣлая маленькіе, но ровные шаги и ложились отдыхать гораздо рѣже меня. Тутъ я понялъ, что для ходьбы по горамъ надо имѣть большую сноровку. Когда мы поднялись уже довольно высоко, вниманіе всѣхъ насъ было обращено къ сторонѣ андійскихъ воротъ, гдѣ слышна была оживленная перестрѣлка. Возвратясь, мы узнали, что изъ вагенбурга, у андійскихъ воротъ, прикрываемаго житомірцами, послана была колонна за дровами къ аулу Рикюани, на которую напала весьма значительная партія; но житомірцы лихо отбили и, набравъ дровъ, возвратились. Солнце было уже довольно низко, когда мы взобрались, наконецъ, на гору; передъ нами предсталъ немного волнистый, отлогій скатъ, покрытый травою; справа, солнечные лучи играли, какъ въ зеркалѣ, на поверхности довольно большаго озера; вдали виднѣлись дымки отъ выстрѣловъ кавалеріи,—звука не было слышно; весь скатъ былъ устланъ растянувшимися пѣшими и конными милиціонерами. Пріятно было вдыхать чистый горный воздухъ; какъ-то вдругъ легко стало. Здѣсь намъ приказано было прибавить шагъ. Уже совсѣмъ были сумерки, когда стали на мѣсто бивачнаго расположенія. Не прошло и часа—чайники дымились, солдаты въ котелкахъ варили кашу; мой Максимъ, на походѣ, захватилъ у какого-то казака штукъ 20 форели, что улучшило нашъ незатѣйливый ужинъ. Оказалось потомъ, что солдаты всю ночь, а казаки еще передъ вечеромъ, ловили въ озерѣ форель, которой тамъ была гибель, и съ этихъ поръ это озеро получило названіе „форельнаго“. Бивакъ нашъ былъ недалеко отъ границы Технуцала. Не помню, кто раз-

сказывалъ за ужиномъ, что когда-то, давно, тутъ проходилъ донской полкъ и имѣлъ у озера ночлегъ. Казаки, увлекшись ловлею рыбы, забыли о предосторожности и были, всѣ до одного, изрублены горцами. Мнѣ казалось, что это—ни болѣе, ни менѣе—выдумка, хотя рассказчикъ, повидимому, говорилъ утвердительно. Никто изъ насъ не зналъ, что предстоитъ на другой день: идти впередъ или возвращаться назадъ въ Андію. Тѣмъ не менѣе, по случаю сильной усталости, бивакъ скоро успокоился. 21-го числа, на разсвѣтѣ, войска начали обратное движеніе двумя колоннами: одна—по той-же дорогѣ, а другая—по высотамъ Азалъ; нашъ баталіонъ назначенъ въ послѣднюю. Подъемъ обратно былъ отлогіи, а затѣмъ, по гребню хребта было идти хорошо; справа намъ виднѣлась волнистая покатость, и послѣ—нѣсколько круче подъемъ, оканчивающійся вдали цѣпью огромныхъ горъ; слѣва—ущелье или, лучше сказать, долина, по которой наканунѣ двигались, вся котловина Андій, нашъ лагерь, красивыя андійскія ворота. Идти было какъ-то легко, и мы шли вообще очень шибко; на спускѣ съ высоты Азалъ, на которой подымался, отступая, 14-го числа, непріятель, заготовлено было очень много камня, чтобы угощать штурмующія войска; поэтому, можно судить о поспѣшности, съ какою отступали горцы, если эти камни остались на мѣстѣ. Спускаясь по весьма крутой аробной дорогѣ, мы опять удивлялись, какъ Шамиль успѣлъ 14-го іюня увезти свои пушки. Еще довольно рано возвратились въ лагерь; все наше имущество безъ насъ сдвинули въ общій вагенбургъ; намъ указано было новое мѣсто лагернаго расположенія, надъ самою рѣчкою, которую мы называли Андійка, лицомъ къ андійскимъ воротамъ. Этотъ фасъ занимали наши два баталіона; невдалекѣ отъ насъ была расположена главная квартира.

До 6-го іюля занятія наши были вполнѣ скучныя: строилось особое временное укрѣпленіе, для прикрытія вагенбурга, который здѣсь оставался; назначались войска для прикрытія пастбы лошадей и порціоннаго скота. Но все наше вниманіе было обращено

большую часть на андійские ворота, откуда ожидались сухари; их у нас уже совсемъ подъ конецъ не было, соли — тоже. Одна мясная пища начала скоро вліять на здоровье: въ лицѣ явилась какая-то обрюзглость, голова кружилась и вообще, чувствовалось непріятное состояніе; но все это переносилось легко. Недостатокъ табаку казался самымъ ощутительнымъ. Мой Максимъ Тюлентьевъ подѣлился со мною махоркою; пришлось ее курить, но всякій разъ со мною дѣлалось что-то въ родѣ обморока; мнѣ казалось, что это самое лучшее средство отучиться курить, но на дѣлѣ выходило иначе: не прошло и трехъ дней, я уже безъ обмороковъ отлично курилъ, какъ называли солдаты, „самъ-кроше“, но гораздо меньше обыкновеннаго табаку. Въ этотъ періодъ, до 6-го іюля, при полномъ почти бездѣйствіи, слѣдующіе эпизоды сохранились въ моей памяти.

Въ одну изъ очередей по прикрытію табуна, ротный командиръ оставался дома; я велъ роту, которую, съ двумя горными орудіями, расположили со стороны Андій на возвышенности, довольно незначительной; но когда мы на нее поднялись, намъ представилась величественная картина: подъ нашими ногами разстилалась Салатавія, часть нагорной Чечни, вся кумыкская плоскость и терская линія. Терекъ виднѣлся въ видѣ узкой ленты, едва замѣтно; часть Сулака тоже была видна; называли станицы, укрѣпленія и аулы. Я все это видѣлъ, но не могъ быть судьей, потому что вовсе не былъ знакомъ съ мѣстностію; однако, солдаты, какъ мнѣ казалось, совершенно вѣрно опредѣляли видимые пункты. Мы стояли на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ надъ разстилающеюся подъ нашими ногами плоскостію. Скатъ къ ней крутой, безлѣсный, покрытъ травою; внизу, въ небольшой ложбинѣ, виднѣлось нѣсколько сакль; около нихъ ходили домашнія животныя, но людей не было видно. Надъ самымъ спускомъ, гдѣ мы стояли, былъ огромной величины, въ нѣсколько тысячъ пудовъ, камень, настолько наклоненный, что, казалось, только его толкнуть — и онъ

грохнется внизъ; но на дѣлѣ оказалось, что онъ далеко вросъ въ землю. Живо солдаты взялись за шанцевый инструментъ; кирки, лопатки, топоры, все пошло въ ходъ; едва-ли возможно было усерднѣе работать; вотъ что значить „охота пуще неволи“. И только, послѣ шести-семи часовъ работы, наши труды увѣнчались успѣхомъ,—громада пошатнулась и страшно ринулась внизъ, сперва какъ будто медленно, а потомъ съ такою быстротою, что едва возможно было слѣдить за полетомъ; по линіи паденія попались двѣ сакли,—ихъ какъ не бывало; хорошо, если въ этихъ сакляхъ никого не было, а, въ противномъ случаѣ, это непростительная шалость, отъ которой, впрочемъ, могли погибнуть только семейства неприятели.

Въ 5-й егерской ротѣ былъ унтеръ-офицеръ Бурдыга; это былъ вполне герой. Казалось, для него не существовало опасности; въ самомъ жаркомъ бою онъ всегда былъ спокоенъ, и не безъ юмора, но, при этомъ, внѣ службы очень любилъ выпить; весь израненный—что нисколько не вліяло на его здоровую натуру. Въ этой-же ротѣ былъ унтеръ-офицеръ Гладковъ, нѣсколько лучшей нравственности и болѣе счастливъ относительно ранъ, но тоже храбрецъ; во 2-й карабинерной ротѣ были унтеръ-офицеры Щепкинъ и Башкатовъ; это были тѣ-же Бурдыга и Гладковъ: что это были за богатыри! Вѣчная вамъ память, товарищи! Вы были истинные сыны Россіи, о которыхъ было справедливое заключеніе безсмертнаго генія войны, кажется, послѣ битвы подъ Прейсишъ-Эйлау: „русскаго солдата мало-что убить,—его надо еще свалить“. Кавказская война выработала столько такихъ героевъ, что ихъ и не перечесть. Рѣдкій изъ нихъ возвратился на родину не раненный; кости другихъ разбросаны по всему Кавказу, и едва-ли новое поколѣніе сѣмѣетъ оцѣнить ихъ героизмъ. Бурдыга и Башкатовъ убиты въ этой-же экспедиціи, при движеніи отъ Дарго къ Герзель-аулу; Щепкинъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ одномъ изъ дѣлъ былъ изрубленъ, имѣя на себѣ прежнихъ 12 ранъ. Одинъ Гладковъ, въ

мое командованіе 5-ю егерскою ротою, вышелъ въ отставку, женившись на службѣ, имѣя 5 ранъ, и, кажется, умеръ въ укр. Куринскомъ, гдѣ остался жить. Я помню еще во 2-й карабинерной ротѣ унтеръ-офицера Крона; это былъ такого-же склада солдатъ, честный и безстрашный; онъ уже былъ старикомъ и кандидатомъ, т. е., имѣлъ золотой шевронъ; обыкновенно передъ выступленіемъ въ походъ онъ всякій разъ рапортовался больнымъ. Ротный командиръ хорошо зналъ Крона, и прикажетъ ему оставаться на ротномъ дворѣ, но чуть утромъ пробилъ барабанщикъ „по возамъ“, Кропъ живо соберется, и первый выйдетъ къ ротѣ. Командиръ, видя его на флангѣ роты, обратитъ на него вниманіе и спроситъ: „вѣдь ты рапортовался больнымъ, Кропъ?“ — „Точно такъ, ваше благородіе. раны болятъ, и что-то мочи нѣтъ; да какъ-же это рота, на 26-мъ году, первый разъ пойдетъ безъ меня въ походъ? Ужотко, ваше благородіе, послѣдній разъ схожу съ ротою, а тамъ — и шабашъ...“ Эти послѣдніе разы были до самой его смерти. Рядовые 5-й карабинерной роты: Хомяковъ, Скворцовъ, Копалкинъ, Семеновъ, выслуживъ 27 лѣтъ во фронтѣ, умерли. Все это были георгіевскіе кавалеры, чудо-богатыри; я теперь съ гордосію вспоминаю о нихъ; это были люди уважаемые и товарищами, и начальниками; подобными солдатами полкъ гордился; старые кавказскіе полки много ихъ насчитывали.

Эти-то солдаты составляли основаніе того героизма, той дисциплины, которыми поистинѣ могла гордиться наша армія; имъ мы обязаны той милостью нашего обожаемаго Царя, которая постоянно высказывалась кавказцамъ. Онъ лично ихъ видѣлъ въ былые годы, и впечатлѣніе того времени не изгладилось изъ Его добраго сердца; отсюда становится понятно, почему мы, протянувшіе десятки лѣтъ въ рядахъ этихъ славныхъ боевыхъ товарищей, теперь живемъ только прошедшимъ, сохраняя къ нему самое теплое чувство. Но я опять увлекся... Обратимся къ дѣлу: вотъ, этотъ-то Бурдыга и учинилъ скандалъ въ Андіи. Ему надоѣло

бездѣйствіе, да недостатокъ сухарей; немного подвыпилъ и отправился къ ставкѣ главнокомандующаго. Войдя въ столовую палатку, началъ осматривать накрытые приборы; на каждомъ, подъ салфеткою, было положено по одному сухарю. Онъ что-то про себя ворчалъ, когда вошелъ камердинеръ князя Воронцова (нахалъ и дерзкій человѣкъ, которыхъ очень много имѣется у большихъ баръ) и грубо началъ выгонять Бурдыгу. Но, каково было его удивленіе, когда, въ отвѣтъ, услыхалъ: „ахъ, ты, дрянъ! И ты еще смѣеишь грубить георгіевскому кавалеру и старому унтеръ-офицеру? Смотри, братъ, худо будетъ!“ Этотъ господинъ, видя, что тутъ не шутки, отправился съ жалобою, что въ столовой шумитъ какой-то солдатъ. Главнокомандующій, войдя лично, спросилъ: „что тебѣ, братецъ, надо?“ Бурдыга, нисколько не конфузясь, и ставъ въ почтительную позу, отвѣчалъ: „плохо дѣло, ваше сіятельство; если у самого главнокомандующаго даютъ по одному сухарику, стало быть, о нашемъ братѣ нечего и говорить“. Князь Воронцовъ, позвавъ ординарца, приказалъ его арестовать и послалъ за полковымъ командиромъ, которому, по прибытіи, сказалъ: „любезнѣйшій, вашъ какой-то солдатъ у меня дѣлаетъ безчинство; что это значигъ?“ Полковникъ Козловскій, не зная въ чемъ дѣло, смѣшался; но вдругъ, увидѣвъ у караула Бурдыгу, отвѣтилъ такимъ тономъ, какъ будто тутъ нечего больше и говорить: „это Бурдыга, какъ...“ Въ свою очередь, князь Воронцовъ былъ этимъ отвѣтомъ удивленъ. Но когда ему полковникъ Козловскій разъяснилъ, что это за личность, главнокомандующій, подозвавъ Бурдыгу, похвалилъ его за примѣрную храбрость, приказалъ ему выдать два золотыхъ, сказавъ при этомъ: „ты себѣ оставь, любезнѣйшій, немного на расходы; остальные деньги отдай артельщику на сохраненіе; вернешься изъ похода—тебѣ деньги пригодятся“. Бурдыга исполнилъ приказаніе, только нѣсколько иначе: онъ отдалъ артельщику на сохраненіе 40 коп., остальные растратилъ, и когда былъ смертельно раненъ въ шею, 15-го іюля, то, идя въ колоннѣ, рассказывалъ юнкеру Жеребцову,

шутя: „вотъ, теперь Бурдыга умираетъ; такъ и пропали-бы деньги“. Онъ шелъ самъ, не позволяя себя вести, и затѣмъ, ментально упалъ и умеръ.

Въ андійскихъ воротахъ находился вагенбургъ, подъ прикрытіемъ одного баталіона житомирскаго полка. Изъ главнаго отряда, рота литовскаго полка была послана туда за спиртомъ. Когда слѣдовало возвратиться, ротный командиръ, по какой-то надобности, задержался въ вагенбургѣ, а роту отправилъ съ субалтернъ-офицеромъ, молодымъ прапорщикомъ, обѣщавъ сейчасъ догнать роту. Отъ андійскихъ воротъ къ лагерю дорога шла сперва какъ-бы вырѣзанная въ крутомъ скатѣ, но на половинѣ разстоянія мѣстность расширяется; тутъ-то, за камнями, отъ лагеря съ лѣвой стороны дороги, засѣли нѣсколько десятковъ горцевъ, и когда рота съ ними поровнялась, открыли частый ружейный огонь. Надо полагать, что рота была ведена безъ всякихъ военныхъ предосторожностей. Нечаянность сконфузила людей; молодой офицеръ не успѣлъ найтись, и вмѣсто того, чтобы выбить горцевъ изъ-за камней или, нѣсколько отступивъ, занять на высотѣ позицію и дать возможность присоединиться ротному командиру, всѣ бросились бѣжать къ лагерю. Лишь только послышались выстрѣлы, наша 2-я карабинерная и 2-я егерская роты бросились на выручку, и встрѣтили бѣгущую роту, которую остановили съ трудомъ; тутъ мы узнали, въ чемъ дѣло. Солдаты говорили, что они видѣли, какъ капитанъ скакалъ къ нимъ, и просили позволенія идти навстрѣчу, но прапорщикъ приказалъ скорѣе спѣшить къ лагерю. Кто правъ, кто виноватъ—не наше дѣло было разбирать; но офицеръ молчалъ и былъ очень сконфуженъ.

Поднявшись на первую высоту, на дорогѣ нашли тѣло капитана; онъ былъ совершенно раздѣтъ, только на шеѣ оставался галстухъ; пуля попала ему въ грудь, и было перерѣзано горло; онъ былъ еще теплый. Капитанъ былъ красивый мужчина, лѣтъ 32-хъ; тѣло его передали литовцамъ. Солдаты очень грустили, говорили,

что капитанъ былъ для нихъ отцомъ. Конечно, въ этомъ случаѣ солдатъ, особенно малоопытныхъ, нельзя винить; они были дурно ведены офицеромъ, и несчастность ихъ сконфузила. Черезъ нѣсколько дней эти-же самые литовцы, при занятіи Дарго, покрыли себя славою. Послѣ этого происшествія, ежедневно, на половину дороги къ андійскимъ воротамъ, высылались наши двѣ роты въ видѣ аванпостовъ; предосторожность не лишняя: спустя дня четыре, едва не повторилось тоже самое съ командою мовдокскихъ казаковъ, возвращавшихся отъ андійскихъ воротъ, куда конвоировали курьера.

Съ выѣздомъ князя Бебутова въ Темиръ-Ханъ-Шуру для распоряженій по своевременному снабженію войскъ всѣмъ необходимымъ довольствіемъ, всѣ свободныя отъ занятія вагенбурговъ войска обоеихъ отрядовъ, по пути сообщеній между Андіею и укрѣп. Евгеніевскимъ, составили въ Андіи одинъ отрядъ, подъ названіемъ главнаго дѣйствующаго; начальство надъ нимъ было поручено командирѣ 5 корпуса, генераль-лейтенанту Лидерсу.

Всѣ мы были заняты предстоящимъ движеніемъ въ Дарго; никто изъ насъ не зналъ туда дорогъ, и какая мѣстность, но толковъ было много; говорили, что туда ведутъ двѣ дороги: одна безлѣсная, по которой нельзя везти даже горной артиллеріи, другая — лѣсистая, и можно ожидать большаго дѣла. Для движенія ожидали только прибытія колонны съ продовольствіемъ. Сухарей, табаку, соли у насъ давно уже не было; одно мясо до того надоѣло, что его даже видѣть не хотѣлось. Наконецъ, 4-го іюля, ожидаемая колонна прибыла; кромѣ сухарей и прочаго казеннаго имущества, подвезли и маркитантамъ много продуктовъ. Всѣ бросились за покупками, въ томъ числѣ и я, съ своимъ деньщикомъ. Войдя въ одну маркитантскую палатку, я нашелъ тамъ почти весь главный штабъ, и засталъ тотъ моментъ, когда князь Паскевичъ, отсчитывая нѣсколько сторублевыхъ бумажекъ изъ большой пачки, говорилъ: „слѣдуетъ сдачи десять рублей, такъ дай мнѣ два фунта еще галетъ“. Я подумалъ: куда же мнѣ соваться, когда у меня въ кар-

манѣ всего нѣсколько рублей, и потихоньку отретировался; затѣмъ, ограничился покупкою у какого-то милиціонера двухъ фунтовъ черныхъ, но пшеничныхъ, сухарей, — что мнѣ стоило рубль, да фунта два табаку.

Съ этою же колонною получились извѣстія, что, во время слѣдованія, 21 іюня, нашего 3-го баталіона, которымъ командовалъ маіоръ Майдель (нынѣ генералъ отъ инфантеріи) между переваломъ Бурцуль и Мичикаломъ, весьма значительныя толпы непріятеля напали на колонну, когда она очень растянулась; но наши егеря отдѣлались лихо, причемъ, самъ князь Бебутовъ лично подвергся опасности: на него понесся одинъ лихой наѣздникъ; князь, замѣтивъ это, выхватилъ пашку и поскакалъ навстрѣчу, но тутъ былъ вблизи солдатъ 8-й егерской роты (фамиліи не помню); въ моментъ, когда оба противника должны были скрестить оружіе, выстрѣломъ сбоку ссадилъ всадника. Съ этихъ поръ князь Бебутовъ до самой смерти каждый годъ, къ 21-му іюня, присылалъ этому солдату собственноручное письмо самаго теплаго содержанія, и всегда со вложеніемъ денегъ. Въ этотъ день нашъ 3-й баталіонъ потерялъ 11 убитыхъ и 30 раненыхъ нижнихъ чиновъ, непріятель оставилъ на мѣстѣ 10 тѣлъ, и вообще, какъ говорили, имѣлъ большую потерю.

5-е іюля употреблено на принятіе сухарей и вообще, на приготовленіе къ давно-желанному выступленію въ Дарго. Ожидали жаркаго боя; было какъ-то весело; скорѣе хотѣлось побывать въ резиденціи Шамяля; никому и въ голову не приходило, что многіе тамъ сложаютъ свои кости, и многіе изъ насъ будутъ искалѣчены. Въ вагенбургѣ, у аула Гогатль, оставлены были пять ротъ прагскаго полка, три орудія, 20 казаковъ; здѣсь-же должны были остаться и всѣ больные, которые не могли двигаться съ войсками. Всѣ эти команды были подчинены подполковнику Бельгарду.

IV.

Дѣло въ лѣсу, 6-го іюля, и занятіе Дарго. Дѣло 7-го іюля близъ Пантерп. Такъ называемое „сухарное дѣло“, 10-го и 11-го іюля.

На разсвѣтѣ, 6-го іюля, всѣ войска были на ногахъ; приказано было имѣть людямъ съ собою по куску мяса, полный комплектъ патрѣновъ; вообще, видно было, что ожидалось серьезное дѣло. Всѣ ходили бодро, говорили весело, суматоха общая, — снимались палатки, здѣсь несли котлы, одни — тамъ поили лошадей, другіе — сѣдлали, иной, усердный, прежде времени навьючивалъ лошадь. Есть натуры, которыя вѣчно торопятся и боятся опоздать; въ начальникѣ это большой недостатокъ, и ложится тяжестью на подчиненныхъ; у такого пачальника всегда больше утомлены солдаты; — гдѣ много суеты, тамъ всегда мало толку. У солдатъ, этотъ недостатокъ проявляется больше у молодыхъ, мало бывалыхъ; другой спозаранку надѣнетъ ранецъ — и доволенъ. Солдаты, особенно старые, спокойно сидѣли около своихъ ранцевъ и молча курили трубки; трудно было прочесть въ ихъ добрыхъ, но серьезныхъ лицахъ, о чемъ они размышляли. Въ половинѣ четвертаго ударили „по возамъ“; затѣмъ, „сборъ“, и не прошло пяти минутъ, — уже всѣ войска на своихъ мѣстахъ построили колонны; суета продолжалась только у обозныхъ. Около четырехъ часовъ войска тронулись въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ, подъ командою генераль-маіора Бѣлявскаго — 1-й баталіонъ литовскаго полка, 2-й баталіонъ кабардинскаго, рота саперъ, четыре горныхъ орудія № 4 батареи, сотня казаковъ. За авангардомъ слѣдовали войска, назначенныя въ правую цѣпь (*), подъ командою полковника Меллера-

(*) Правая обходная колонна.

Закомельскаго: 6 ротъ вуринцевъ, взводъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона, вторая дружина грузинской пѣшей милиціи. Дальше, войска, назначенныя въ лѣвую цѣпь (*), подъ командою полковника Козловскаго: 1-й баталіонъ люблинцевъ, 1-й баталіонъ кабардинскаго полка, взводъ стрѣлковъ, первая дружина грузинской пѣшей милиціи. Главныя силы, подъ командою генераль-лейтенанта Клюкифонъ-Клугенау: три роты саперъ, двѣ роты стрѣлковъ, 3-й баталіонъ люблинскаго полка, 3-й и 4-й баталіоны навагинскаго полка, два легкихъ орудія № 7-й батареи, 20-й артилерійской бригады, шесть горныхъ №№ 1-й, 3-й и 4-й батарей, всѣ выюки и тяжести отряда. Арьергардъ, подъ командою генераль-маіора Лабинцева: 2-й баталіонъ замосцскаго полка, 3-й баталіонъ апшеронскаго, четыре горныхъ орудія № 3-го батареи, три сотни казаковъ.

Вся остальная кавалерія, въ составѣ девяти сотенъ, подъ командою генераль-маіора Безобразова, слѣдовала особою колонною, лѣвѣе отряда.

Всего выступило изъ Андіи въ Дарго: 10½ баталіоновъ пѣхоты, 4 роты саперъ, 3 роты стрѣлковъ, двѣ дружины пѣшей милиціи, 4 сотни казаковъ, 9 сотенъ конной милиціи, 2 легкихъ и 14 горныхъ орудій,—числомъ 9,500 человекъ (**).

Войска двигались въ вышеозначенномъ порядкѣ, общею колонною, и слѣдовали баталіонъ за баталіономъ. Съ мѣста начали подыматься на довольно отлогій подъемъ; идти было хорошо, а ожиданіе боя, прекрасное утро въ горахъ; общее движеніе большой

(*) Лѣвая обходная колонна.

Авт.

(**) Всего въ строю: пѣхоты 7,940 человекъ, конницы 1,218 и 342 артилериста. При отрядѣ находилась 6-ти дневная порція провіанта, до 4,000 артилерійскихъ зарядовъ, 600,000 патроновъ и около 5,000 подъемныхъ, казачьихъ, транспортныхъ и артилерійскихъ лошадей.

Ред.

массы войскъ, все это вмѣстѣ дѣйствовало обаятельно, и какъ-то было весело на душѣ; почти во всѣхъ войскахъ пѣли пѣсенники. Около 5-ти часовъ послышалось издали: „здравія желаемъ, ваше сіятельство“! Это здоровался главнокомандующій, объѣзжая войска. Подѣхавъ къ нашему баталіону, сѣдовласый вождь, поздоровавшись, добавилъ: „я вамъ, братцы, обѣщаю доставить случай отличиться. Вы будете въ лѣвой цѣпи, и, вѣроятно, будете имѣть жаркое дѣло“. Лихое „рады стараться“ было отвѣтомъ, и всѣ еще какъ-то стали веселѣе. Пройдя верстъ пятнадцать, мы остановились на большой возвышенной площадкѣ, чтобы стянуться для отдыха; предъ нами предстала великолѣпная картина.

Мы стояли на высотѣ перевала; внизъ отъ насъ шелъ крутой спускъ, оканчивавшійся узкимъ, но не глубокимъ, оврагомъ, вымытымъ потоками дождевой воды, чрезъ который пролежала дорога; за оврагомъ—небольшой подъемъ. Дорога, круто поворачивая налѣво, проходитъ по лѣвому скату небольшого безлѣснаго гребня, но съ правой стороны подошва его покрыта густымъ лѣсомъ; пройдя около версты вдоль гребня, дорога входитъ въ густой лѣсъ, чрезъ который намъ предстоитъ идти. Мѣстность, сперва покатистая, оканчивалась огромною долиною, дна которой намъ не было видно. На противоположной сторонѣ этой долины, на большой полянѣ, виднѣнъ былъ станъ Шамиля. До сихъ поръ, мы видѣли одни голыя скалы и горы, а у ногъ нашихъ разстилалась вся Ичкерія, перерытая по всевозможнымъ направленіямъ оврагами; все это покрыто вѣковыми лѣсами, на которыхъ пріятно отдыхалъ глазъ; ландшафтъ поистинѣ великолѣпный. Всѣ, молча, съ напряженнымъ вниманіемъ, рассматривали предстоящій намъ путь. Я смутно понималъ, что тутъ-то, вѣроятно, начнется кровавая драма, въ которой мы, военные, такъ рвемся, и гдѣ многіе добиваются славы, у многихъ удовлетворяется въ извѣстной степени честолюбіе, а большинство находитъ общій удѣлъ всего человѣчества—могилу, только преждевременную. Собственно я былъ въ неопредѣленномъ состояніи:

меня влекло и желаніе испытать сильное ощущеніе, и, не испытавъ себя, сомнѣніе, что не сзумѣю быть достойнымъ — стоять въ рядахъ такого славнаго полка. Когда прошло первое впечатлѣніе, почти всѣ расположились спокойно закусывать. Было около 11-ти часовъ. Обыкновенная веселость не оставляла, казалось, никого.

Послѣ нѣкотораго отдыха, войска правой цѣпи стали въ ружье, затѣмъ, двинулись внизъ; за ними—авангардъ, а потомъ, и войска лѣвой цѣпи. Видно было, что предполагалось занять сперва опушку лѣса, тянувагося справа, вдоль гребня, прикрывавшаго дорогу, а потомъ, авангардомъ, опушку лѣса спереди, и тогда уже двинуться дальше. Куринцы быстро спустились внизъ; пройдя оврагъ, начали рассыпать цѣпь влѣво. Но лишь только, устроившись, двинулись впередъ, были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ страшнымъ гикомъ. Цѣпь на минуту какъ-бы остановилась и съ крикомъ ура! бросилась въ опушку; резервы еще не успѣли подойти, и цѣпь была опрокинута; огромный перевѣсъ непріятеля далъ этому возможность. Но чуть резервы показались изъ-за гребня, какъ цѣпь бросилась опять въ опушку лѣса съ такою стремительностью, что и мысли нельзя было допустить о возможности вторично ее опрокинуть. Мы, въ это время, только-что начали спускаться внизъ, и намъ все это было видно до мельчайшей подробности. Куринцы были хороши до увлеченія, — подобное войско непобѣдимо; они дѣйствовали и дружно, и смѣло. Занявъ опушку, они прикрыли общее движеніе. Между прочимъ, авангардъ, а за нимъ — и мы тоже переправились черезъ оврагъ. До сихъ поръ перестрѣлка весьма живая была только въ правой цѣпи, но лишь авангардъ втянулся въ лѣсъ, — послышался ожесточенный огонь съ обѣихъ сторонъ. Въ вѣковомъ лѣсу непрерывная ружейная пальба, частые пушечные выстрѣлы, гикъ горцевъ, „ура“ нашихъ, какъ-то страшно повліяли на меня, — это былъ чистый адъ, но мы быстро шли въ этотъ омутъ, и во всемъ этомъ хаосѣ было что-то увлекательно хорошее. По мѣрѣ усиленія огня, мы прибавляли шагъ, и шли почти бѣгомъ;

насъ остановили съ лѣвой стороны дороги, надъ крутымъ спускомъ въ лѣсистый оврагъ, или, скорѣе, надъ обрывомъ, который отдѣлялся, справа, отъ такого же оврага, узкимъ перешейкомъ. Чрезъ который и проходила дорога въ одну повозку. Этотъ перешеекъ, въ видѣ перемычки, всего шаговъ двадцать; за нимъ слѣдуетъ подъемъ, на которомъ былъ устроенъ огромный заваль, стоявшій намъ много жертвъ; изъ-за него былъ встрѣченъ нашъ авангардъ убійственнымъ огнемъ. Литовскій баталіонъ, взявшій уже заваль, пошелъ дальше; нашъ 2-й баталіонъ стоялъ за заваломъ, имѣя вправо цѣпь; тутъ-же лежалъ убитый отрядный оберъ-квартирмейстеръ, генеральнаго штаба подполковникъ Левинсонъ,—объ немъ всѣ отзывались очень лестно; здѣсь же былъ раненъ поручикъ князь Дондуковъ-Корсаковъ и еще какой-то молодой артилерійскій офицеръ, раненый въ шею; послѣдній сильно страдалъ, хотя и крѣпился. Съ правой стороны огонь непріятеля дѣйствовалъ убійственно: вся артилерійская прислуга была перебита. Состоящій при главнокомандующемъ, генераль-маіоръ Фокъ, собравъ кое-какъ артилеристовъ отъ зарядныхъ выюковъ, самъ началъ наводить орудіе, и былъ смертельно раненъ. Это былъ большаго роста человѣкъ, казалось, очень сильный, но мгновенно до того измѣнился, что его нельзя было узнать; нѣсколько часовъ до смерти онъ перенесъ страшныя страданія. Хотя мы генерала и не знали вовсе, но онъ возбудилъ сочувствіе всѣхъ. Тутъ-же лежало много раненыхъ и убитыхъ солдатъ. Ружейный огонь сталъ постепенно отъ насъ удаляться. Наконецъ, все утихло. Главныя силы и обозъ уже тронулись чрезъ перешеекъ, намъ-же приказано оставаться на мѣстѣ до прибытія аріергарда. Здѣсь со мною случилось слѣдующее происшествіе: до прибытія главныхъ силъ мы не сдѣлали ни одного выстрѣла, кромѣ цѣпи; подъ обрывомъ столпилось много зѣвакъ. Отсюда хорошо былъ видѣнъ описанный заваль; въ немъ продѣлывался проходъ саперами. Я стоялъ, подбоченясь лѣвою рукою, и, задумавшись, смотрѣлъ въ глубину оврага. Внизу, изъ чащи зелени, показался дымовъ, послѣдовалъ выстрѣлъ, — пуля

пролетѣла между моимъ бокомъ и рукою, попала прямо въ сердце солдату 1-й егерской роты, стоявшему сзади меня. Нечаянность эта страшно меня озадачила, я нѣсколько поблѣднѣлъ; оправившись, мысленно возблагодарилъ Бога за спасеніе жизни. Однако, этотъ случай, и впослѣдствіи нѣсколько другихъ, особенно 14 іюля, произвели на меня громадное впечатлѣніе, и я невольно сдѣлался отчасти фаталистомъ.

Оставаться на мѣстѣ, въ бездѣйствіи, невыносимо скучно. Я, нѣсколько офицеровъ и юнкеровъ, отправились осматривать заваль. Онъ былъ сложенъ изъ огромныхъ вѣковыхъ деревьевъ, и его можно было обойти только съ фланговъ. Заваль былъ расположенъ поперегъ дороги, упираясь краями въ чащу лѣса, шагахъ въ ста впереди перешейка, на которомъ можно было бить каждого навыворотъ. Посрединѣ былъ сдѣланъ саперами проходъ для выюковъ, по сторонамъ лежало много убитыхъ и раненыхъ. Рабочіе постепенно выносили ихъ. Изъ числа раненыхъ многіе очень страдали; особенное вниманіе обращалъ на себя лежавшій въ сторонѣ и, казалось, забытый всѣми, милиціонеръ, которому въ голову попало нѣсколько пуль, такъ-что виднѣлся мозгъ; онъ былъ въ безпамятствѣ, однако, въ сумерки еще въ немъ были признаки жизни. Уже стемнѣло. Настала прелестная лѣтняя ночь; ясное звѣздное небо едва виднѣлось сквозь чащу деревьевъ; по дорогѣ—черная масса движущихся выюковъ; изрѣдка только слышно фыканіе усталой лошади, или возгласъ вожаго; все какъ-будто затихло вмѣстѣ съ природою. Не смотря на усталость и бездѣйствіе, никого не клонило ко сну; мы молча курили трубки, предаваясь каждый своимъ думамъ. Наконецъ, часовъ около одиннадцати, подошелъ аріергардъ, и намъ приказано было, обогнавъ выюки, двигаться впередъ, присоединивъ два орудія, стоявшія справа на позиціи. Ночью, въ лѣсу, по узкой дорогѣ, обойти выюки — не легкая задача; однако, съ помощью — гдѣ слова, гдѣ палки, мы довольно скоро прошли узкое пространство и вышли на довольно большую площадку, на

которой тѣсно столпились व्यюки. Кое-какъ, съ большимъ трудомъ, мы добрались до спуска, загроможденнаго व्यюками главнаго штаба. Тутъ уже было труднѣе пробираться: при व्यюкахъ народъ все чиновный, смотрящій на фронтową братію съ высоты величія своихъ господъ. „Посторонись!“ Не тутъ-то было: и вниманія не обращаютъ; и когда никакія убѣжденія не помогли, пришлось прокладывать дорогу прикладами—чего они терпѣть не могутъ. Послышались возгласы: „я буду жаловаться князю, графу“ и т. д. Но карабинеры молча продолжали крестить прикладами направо и налево. Дорога мигомъ очистилась; мы начали нисходить по весьма крутому спуску; густая тѣнь отъ деревьевъ совершенно закрывала луну, и мы спускались, какъ въ погребъ. Вдали послышалась перестрѣлка, показалась яркая полоса свѣта; когда мы дошли до ней, дорога поворотила круто направо, и намъ представилась великолѣпная картина: узкая, длинная поляна, освѣщенная полною луною, съ правой стороны окаймлялась безлѣсною возвышенностію; вдали виднѣлся лѣсъ; слѣва, по камнямъ, шумѣлъ быстрый Аксай; лѣвый берегъ его довольно высокъ, покрытъ перелѣсками, изъ темноты которыхъ поминутно мелькали огоньки ружейныхъ выстрѣловъ засѣвшихъ горцевъ; впереди—заревъ пылавшихъ двухъ ауловъ, составлявшихъ цѣль нашихъ стремленій. Это—Дарго. Исходивъ полтора мѣсяца по горамъ, увидѣть совершенно ровную поляну, великолѣпную живописную мѣстность и перестрѣлку, въ сферу которой мы тотчасъ-же вошли; почувствовать свѣжій южный воздухъ передъ разсвѣтомъ,—все-это вмѣстѣ наполняло душу чѣмъ-то сладостнымъ. Всѣ были бодры, и съ трудомъ вѣрилось, что цѣлые сутки были мы на ногахъ и ничѣмъ особенно не подкрѣплялись. Даже мой капитанъ, мастеръ ругаться, и тотъ затихъ подъ общимъ обаяніемъ. Выходить, что и нашимъ грубымъ натурамъ доступна поэзія; только для этого нужна подобная обстановка. Горцы изъ-за Аксая проводили насъ довольно частымъ огнемъ, но выстрѣлы ихъ не причиняли намъ вреда, хотя пули крутомъ свистѣли; мы даже

не отвѣчали. Не доходя пылавшаго аула, мы поднялись на небольшую высоту вправо и получили приказаніе расположиться бивакомъ, съ тѣмъ, что утромъ будетъ показано новое мѣсто для лагеря. Разъ, что цѣль достигнута, ничто не возбуждаетъ—бренное тѣло, какъ говорится, потребовало отдыха, и откуда вдругъ взялась усталость. Заря, предвѣстница утра, уже показалась; явилось непреодолимое желаніе уснуть. Но, на бѣду, оказалось, что опять бурка на выюгѣ; двѣ солдатскихъ шинели взамѣнъ ея, одна—подъ голову, другая—вмѣсто одѣяла, въ предохраненіе отъ утренней росы, и офицеръ уснулъ безмятежнымъ сномъ. Я думаю, изнѣженный столличный франтъ, отправляющійся въ Швейцарію, чтобы видѣть восходъ солнца, позавидовалъ бы моему сву, хотя и на скромномъ ложѣ; я же этой минуты наслажденія не уступилъ-бы за всѣ его богатства.

Утромъ, солнце уже сильно припекало, когда я проснулся; не хотѣлось вставать, и первая мысль моя: какъ-бы выпить стаканъ чаю. Но какова была моя радость, когда я только-что открылъ шинель, и первое, что увидѣлъ, это—моего добраго Максима, съ чайникомъ въ рукахъ. Выюки пришли, когда было уже совсѣмъ свѣтло; онъ тотчасъ-же распорядился поставить къ огню чайникъ и явился съ готовымъ чаемъ. Въ походѣ, хорошій, расторопный деньщикъ—истинный благодѣтель. Для утренняго туалета потребовалось немного времени, — полманерки воды освѣжить лицо; усы только-что начали пробиваться, а стрижка подъ гребенку не требуетъ особенной заботы. Перекрестивъ лобъ, спокойно я расположился на бурѣ пить чай; черные сухари замѣняли бисквиты и, черезъ пять минутъ, завтракъ оконченъ. Въ 8 часовъ было указано лагерное мѣсто здѣсь-же, вблизи. Черезъ часъ былъ поставленъ лагерь. Мы, съ капитаномъ, стояли въ одной палаткѣ; солдаты живо вбили сошки, притащили изъ аула какіе-то ворота—и кровать готова; охалка травы, покрытой буркою, замѣнила матрасъ.

День 6-го іюля, однако, обошелся намъ не дешево; 173 человека вышло изъ строя, не считая 32-хъ контуженныхъ, а именно, убиты: генераль 1, штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 28, милиціонеровъ 4; ранены: штабъ и оберъ-офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 98, милиціонеровъ 30.

Устроившись въ лагерѣ, я и нѣсколько офицеровъ отправились осматривать ближайшій аулъ, гдѣ была резиденція Шамиля, и жили наши бѣглецы; другой аулъ былъ нѣсколько дальше. Сакли Шамиля уже сгорѣли до тла, но нѣкоторые домики уцѣлѣли, и солдаты разобрали ихъ на дрова. Нѣкоторые изъ домиковъ имѣли видъ русскихъ избъ, не безъ нѣкотораго щегольства; но больше всего приковала наше вниманіе яма, въ которой содержались наши плѣнные; она была устроена совершенно наподобіе ямъ, какія дѣлаются въ Малороссіи и Бѣлороссіи для волковъ, съ тою разницею, что сверху была построена сакля для караула; свѣтъ туда не проникалъ, о воздухѣ нечего и говорить. Когда мы осматривали, сакля уже сгорѣла, и яма была открыта, но до того былъ тяжелый запахъ, что съ трудомъ можно было простоять нѣсколько минутъ.— Здѣсь-то наши несчастные плѣнники страдали. Понятно, что одинъ видъ этой тюрьмы не только возбудилъ полное состраданіе къ ближнему, но и явилось какое-то озлобленіе къ непріятелю. Тутъ-же, по поводу плѣнныхъ, было нѣсколько рассказовъ,—всегда являются всезнайки; но рассказы эти скоро выходили изъ памяти.

На противоположномъ берегу Аксая, на открытой возвышенности, стояли массы непріятеля, въ нѣсколько тысячъ. Оттуда былъ открытъ огонь изъ трехъ орудій, по правому флангу лагеря; снаряды къ намъ не долетали. Около 12-ти часовъ, нѣкоторые войска начали выстраиваться; оказалось, что генераль-маіору Лабинцеву поручено было, съ частью войскъ, отбросить непріятельскія толпы дальше. Генераль Лабинцевъ построилъ войска въ три линіи: въ первой—3-й и 4-й баталіоны навагинскаго и первый люблинскаго полковъ, съ 4-мя горными орудіями; во второй—ба-

таліонъ замосцскаго, 3-й апшеронскаго, двѣ роты куринскаго полковъ, двѣ роты стрѣлковъ и рота саперъ, при двухъ орудіяхъ; четыре сотни казаковъ и двѣ сотни конной милиціи, подъ командою генералъ-маіора Безобразова, составляли резервъ или третью линію. Лишь только войска подошли къ Аксаю, какъ завязалась перестрѣлка, перешедшая въ ожесточенный бой. Навагинцы стремительно атаковали лѣсъ, защищаемый огромною массою горцевъ, и послѣдніе должны были быстро его очистить. Горцы, занявъ аулъ Белгатой, упорно въ немъ держались; но опять навагинцы, поддержанные люблинскимъ баталіономъ, выбили ихъ оттуда штыками. Вслѣдъ затѣмъ, послѣдовало общее преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля, до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ отброшенъ въ овраги и лѣса. Но едва наши войска начали обратно отступать эшелонами, какъ опять горцы собрались со всѣхъ сторонъ и завязали упорный бой, особенно около аула Белгатой и его кладбища, которое нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки. Навагинцы и апшеронцы лихо держались, и этимъ облегчили отступленіе прочихъ войскъ. На спускѣ къ рѣкѣ Аксаю генералъ Лабинцевъ остался съ баталіонами навагинскимъ и апшеронскимъ, и пока всѣ войска не переправились, всѣ упорные натиски непріятеля отбивалъ штыками, такъ какъ почти всѣ патроны были уже выпущены. Только въ сумерки войска возвратились въ лагерь, покрывъ себя славою, особенно навагинцы и апшеронцы. Изъ лагеря было видно стройное движеніе войскъ, особенно при отступленіи, что составляло на Кавказѣ всегда самую трудную задачу; но генералъ Лабинцевъ, старый боевой кавказецъ, былъ мастеръ своего дѣла.

Это славное дѣло стоило намъ убитыми: 1 штабъ-офицера, подполковника Познанскаго, командира апшеронскаго баталіона, храбрѣйшаго и дѣльнѣйшаго офицера арміи; 1 оберъ-офицера, 28 нижнихъ чиновъ; ранеными: штабъ-офицера 1, командира люблинскаго баталіона, подполковника Корнилова, молодаго, дѣльнаго офицера, весьма много обѣщавшаго въ будущемъ; онъ былъ раненъ

смертельно; оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 178. Надо полагать, что 7-го іюля и горы понесли значительную потерю.

8-го іюля былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, по случаю занятія Дарго, и потомъ—панихида по убитымъ. 8-го и 9-го войскамъ данъ былъ отдыхъ. Поминутно звуки похороннаго марша и залпы на могилахъ наводили уныніе на всѣхъ насъ; какъ-то тяжело становилось на душѣ. Мы всѣ смутно понимали, что многихъ еще въ будущемъ не досчитаемся, но каждый таилъ это про себя; однако, музыка и залпы на похоронахъ были въ послѣдующіе дни воспрещены.

Часовъ въ 11-ть, 8-го числа, я былъ посланъ разбить палатки для главнаго штаба, т. е., перенести ихъ на другое мѣсто, кажется, по причинѣ, что Шамиль, узнавъ, гдѣ ставка главнокомандующаго, направилъ туда артилерійскій огонь. Было-бы, конечно, смѣшно, если-бы маститый старецъ, краонскій герой, изъ одного тщеславія подвергалъ напрасно свою жизнь опасности; я помню, что тогда мы всѣ такъ къ этому относились. Палатки были перенесены, поставлены; почти всѣ штабные давали солдатамъ на водку; но тому изъ нихъ, съ синимъ воротникомъ, что-то въ родѣ оберъ-гевальдигера, или что либо другое поважнѣе, какъ-то не угодили: онъ сперва ругнулъ солдатъ, а потомъ—ударилъ одного нагайкою. Я спокойно скомандовалъ: „въ ружье“! И когда онъ спросилъ: какъ я смѣю? отвѣчалъ: что солдаты присланы на работу, а не для того, чтобы ихъ били. Послѣдовала угроза: „я доложу главнокомандующему“; но я, въ отвѣтъ, скомандовалъ „направо“, увелъ роту, и, возвратясь въ лагерь, доложилъ командиру полка. Полковникъ Козловскій сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе: „напрасно, какъ... вы погорячились, а впрочемъ, поступили хорошо“. Вечеромъ полковникъ Ранжевскій прислалъ за мною. Признаюсь, я боялся его и былъ удивленъ, зачѣмъ онъ зоветъ меня, когда я не его баталіона. Когда я вошелъ въ палатку, онъ принялъ меня привѣтливо, пригласилъ сѣсть и сказалъ нѣсколько любезностей по

случаю моей службы, при чемъ далъ совѣтъ—продолжать такъ-же. Я былъ тронутъ такимъ вниманіемъ человѣка, котораго за храбрость и его правила всѣ глубоко уважали; три дня спустя, онъ былъ убитъ, а я тяжело раненъ.

Вечеромъ, 9-го числа, мнѣ было такъ грустно, какъ никогда въ жизни. Было-ли это предчувствіе? Надо полагать, да. Вспомнились мнѣ мои старики, которыхъ я давно не видѣлъ, и другіе родные, и сердце мое въ то время билось тою юношескою страстью, которая способна подвинуть молодаго человѣка и на великое дѣло, и на пошлую выходку. Звѣздное небо, полная тишина въ боевомъ станѣ еще болѣе разжигали мои думы. Уже за полночь, мой Максимъ, хорошо выспавшись, вспомнилъ обо мнѣ, сказавъ, что пора спать, а то, какъ-бы утромъ куда нибудь не погнали. Этотъ совѣтъ былъ встать; я его исполнилъ, хотя и жаль было разстаться съ сладкими мечтами.

10-го іюля, утромъ, показалась на высотѣ, гдѣ мы 6-го числа отдыхали передъ вступленіемъ въ лѣсъ, колонна съ сухарями. Огдано было приказаніе, какимъ войскамъ идти навстрѣчу, и около трехъ часовъ онѣ выстроились въ слѣдующемъ порядкѣ: подъ командою генераль-маіора Пассека — 2-й баталіонъ кабардинскаго полка, рота стрѣлковъ, двѣ роты саперъ и часть милиціи, при двухъ горныхъ орудіяхъ. Правая цѣпь—сводный баталіонъ, по двѣ роты, литовскаго и замосцскаго полковъ. Лѣвая цѣпь — три роты куринцевъ. Въ головѣ колонны, за авангардомъ, казаки, 3-й баталіонъ люблинскаго полка; за нимъ всѣ व्यюки, на нихъ раненые, которые могли ѣхать, и тѣло генерала Фока. Аріергардъ, подъ командою генераль-маіора Викторова: сводный баталіонъ навагинскаго полка, двѣ роты апшеронцевъ, полроты стрѣлковъ, при двухъ орудіяхъ, милиція, казаки; артилерійскія команды посланы въ половинномъ числѣ. Всѣми войсками командовалъ генераль-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау.

Лишь только колонна эта поднялась на возвышенную площадку

и начала втягиваться въ лѣсъ, слышалась ожесточенная перестрѣлка; намъ былъ видѣнъ только дымъ и слышны выстрѣлы. Главнокомандующій, съ своею свитою, стоялъ шагахъ въ ста впереди куринскаго лагеря и смотрѣлъ въ бинокль по направленію къ лѣсу.

Мало-по-малу собралось много офицеровъ, которые въ сторонѣ составили группу, въ томъ числѣ и я; мы всѣ всматривались въ лѣсъ и ничего не видѣли. Уже совсѣмъ вечеромъ, главнокомандующій обратился къ полковнику Козловскому: „Викентій Михайловичъ, назначьте офицера сюда, на пикетъ, и пришлите его ко мнѣ“. Полковникъ Козловскій подошелъ къ нашей группѣ и, замѣтивъ меня, приказалъ идти за собою, и тутъ-же подвелъ къ князю Воронцову. Очень ясно, что я сперва совсѣмъ сконфузился, но скоро оправился. „Мой любезный, вы оставайтесь здѣсь на всю ночь, и прислушивайтесь, что тамъ будетъ дѣлаться въ лѣсу, а завтра утромъ я пріѣду, мнѣ скажите; если-бы можно было предположить по выстрѣламъ, что колонна двинется ночью—дайте мнѣ тотчасъ знать, особенно, когда услышите три пушечные выстрѣла и три ракеты; это условный знакъ“. Командиръ приказалъ мнѣ сходить въ лагерь и взять себѣ въ прикрытіе четыре человѣка. Черезъ полчаса я возвратился и еще засталъ главнокомандующаго, который уѣхалъ тогда только, когда совсѣмъ прекратилась перестрѣлка.

Всю ночь я былъ въ положеніи любовника, которому назначено свиданіе: то всматривался, то прислушивался; слышно было, какъ горцы перекликались со стороны Аксая. Въ лѣсу, гдѣ было дѣло, видѣлись огни, и слышался стукъ топоровъ, — ясно, что строили завалы. Ночь казалась нескончаемою; къ довершенію всего, вѣтерокъ изъ горъ пронизывалъ насквозь; да и не успѣлъ я напиться чаю и поужинать,—а это тоже не совсѣмъ пріятное положеніе. Наконецъ, начало свѣтать. Едва явилась возможность рассмотреть предметы на дальнее разстояніе, какъ открылись вереницы горцевъ, тянувшихся, одинъ за другимъ, въ лѣсъ, чрезъ ко-

торый должна была возвращаться колонна. Еще не всходило солнце, когда приѣхалъ главнокомандующій, съ однимъ адъютантомъ. Я тотчасъ доложилъ, что видѣлъ и слышалъ. До прибытія главнокомандующаго, пришли черезъ лѣсъ, прямо въ лагерь, нѣсколько солдатъ люблинскаго полка; они были наканунѣ ранены и притворились убитыми; ихъ раздѣли буквально донага и въ такомъ видѣ они возвратились. Хотя ихъ оставили въ главномъ штабѣ подъ присмотромъ, но тотчасъ по лагерю разнесся слухъ, что генераль Викторовъ убитъ, взяты пушки, большая потеря и т. д. Кромѣ люблинцевъ, прибылъ кабардинскаго полка юнкеръ Длошовскій, съ запискою отъ генерала Клугенау, за что тутъ-же былъ произведенъ въ прапорщики. Длошовскій былъ баснословный вральманъ, но безспорно смѣлый человѣкъ. Горцы продолжали все тянуться группами въ лѣсъ; казалось, имъ и конца не будетъ. Потомъ, стало извѣстнымъ, что это были чеченцы, прибывшіе наканунѣ, по требованію Шамиля. Когда взошло солнце, вниманіе наше было обращено на слѣдующее: на полянѣ, за Аксаемъ, гдѣ было дѣло 7-го іюля, колонна, человѣкъ въ шестьсотъ, стройно маршировала подъ звуки хора горнистовъ и барабанщиковъ; это — наши бѣжавшіе разновременно солдаты, и надо полагать, Шамиль хотѣлъ насъ этимъ подразнить. Эта комедія, однако, продолжалась около часа.

Въ 8 часовъ утра, явственно послышались три пушечные выстрѣла и видны были пущенныя три ракеты—условный знакъ, что колонна тронулась обратно. Вскорѣ послышалась перестрѣлка, постоянно усиливающаяся, особенно былъ силенъ огонь непріятельскій; выстрѣлы горскихъ винтовокъ рѣзко отличались отъ нашихъ кремневыхъ самопаловъ. Главнокомандующій потребовалъ нашъ баталіонъ; онъ быстро прибѣжалъ. Поздоровавшись, князь Воронцовъ сказалъ: „вотъ, братцы, случай вамъ отличиться; ступайте выручать товарищей“.—„Рады стараться“! былъ отвѣтъ, и мы тронулись. Я былъ въ бѣлой фуражкѣ; Максимъ меня догналъ и, подавая черную, сказалъ: „надѣньте этотъ картузь, а то, въ лѣсу, бѣлый—да-

леко видѣнь“. Признаюсь, я былъ не прочь перемѣнить, но, по-смотрѣвъ на солдатъ, какъ-то посовѣстился, хотя баталіонъ имѣлъ шапки безъ чახловъ,—и я остался въ бѣлой. Лишь только мы спустились съ пригорка, гдѣ оставили князя Воронцова, по насъ открыли, съ лѣваго берега Аксая, вправо отъ насъ, ружейный огонь. Сначала пули едва долетали; люди шли такъ быстро и такъ весело что можно было-бы подумать, что торопятся на пирь. Я командовалъ правою цѣпью, въ которой было нѣсколько стрѣлковъ, подъ командою лейбъ-гвардіи стрѣлковаго баталіона подпоручика Адамъ. Пройти пространство до подъема, взобраться по высокой крутизнѣ на площадку, было дѣломъ четверги часа, двадцати минутъ; по крайней мѣрѣ, время было незамѣтно. Только-что мы остановились, чтобы стянуться и идти впередъ, какъ начали выходить изъ лѣса навстрѣчу къ намъ, въ полномъ безпорядкѣ, пѣшая милиція, перемѣшанная съ люблинскимъ баталіономъ, и впереди ихъ — полковникъ Беклемишевъ (онъ, кажется, былъ адъютантомъ у фельдмаршала князя Паскевича). Мы его забросали вопросами: что тамъ дѣлается? куда идти на помощь? гдѣ нашъ 2-й баталіонъ? и получили отвѣтъ: „я прошелъ впереди всѣхъ, всѣ завалы“ и еще что-то въ этомъ родѣ; однимъ словомъ, мы ничего не узнали новаго. Мы всѣ желали идти впередъ, но баталіонный командиръ, маіоръ Тимерманъ, сказалъ: „намъ надо дождаться здѣсь приказанія, и мы пріймемъ сами на себя отступленіе.—,Тамъ, можетъ быть, перебили половину, и мы, вмѣсто того, чтобы помочь, будемъ здѣсь стоять? Наконецъ, нашъ 2-й баталіонъ, можетъ быть, въ опасности!“—,Ничего, прійдутъ“, былъ его отвѣтъ. Въ это время моего ротнаго командира, капитана Дурова, ранили въ руку около локтя. Онъ чуть-ли не первый изъ нашего баталіона былъ въ этотъ день раненъ. Вслѣдъ за этимъ, штабсъ-капитанъ Краузе, не слушая возраженій маіора Тимермана, крикнулъ: „карабинеры, за мною!“ Рота быстро побѣжала за своимъ храбрымъ командиромъ; за ними, поручикъ Гостыминскій пошелъ съ своею первою ротою, а затѣмъ, и я

крикнулъ: „вторая рота, маршъ“! Все это сдѣлалось моментально. Мы бѣжали по узкой дорогѣ гуськомъ, растянулись; пули, какъ пчелы, жужжали со всѣхъ сторонъ. Навстрѣчу намъ несли раненыхъ; пронесли тѣло убитаго полковника Ранжевскаго. Ни отъ кого нельзя было добиться толку, что дѣлается; всѣ, какъ будто-бы, сконфузились. Наконецъ, мы встрѣтили лейбъ-гвардіи измайловскаго полка поручика Козлянинова, который былъ прикомандированъ къ нашему 2-му баталіону и, раненый въ обѣ ноги, съ трудомъ пробирался по дорогѣ; онъ-то и сообщилъ намъ, что идетъ страшная бойня, что 2-й баталіонъ нашего полка безъ патроновъ, и что навагинцы съ трудомъ держатся у заваловъ, и также безъ патроновъ. Тутъ-же, между ранеными, пробиралось много и цѣлыхъ, невредимыхъ. На площадѣ, съ которой мы тронулись, и особенно на дорогѣ, лежало много убитыхъ и тяжело раненыхъ; всѣ они—совершенно голые, съ отрубленными руками; у многихъ кинжаломъ выпущены внутренности. Все это не столько грустно вліяло на насъ, сколько ожесточало. Въ эту минуту, едва-ли была-бы дана кому-нибудь пощада. На меня особенно тяжело повліялъ слѣдующій случай: на краю описанной площадки лежалъ совершенно раздѣтый молодой человѣкъ, брюнетъ, красавецъ въ полномъ значеніи слова; его нѣжное, бѣлое тѣло свидѣтельствовало о хорошемъ происхожденіи; у него была отрублена кисть руки, и виднѣлась рана въ груди; онъ былъ еще живъ; глаза, уже съ предсмертнымъ блескомъ, провожали насъ. У меня судорожно сжалось сердце, и хотя я видѣлъ его только мимоходомъ, но и теперь я помню эти глаза, полные грустнаго выраженія, эти прекрасныя черты юноши, передъ которымъ такъ много было впереди, и ранняя смерть не только скосила его послѣ тяжкихъ страданій, но и брошенъ онъ былъ на съѣденіе хищнымъ шакаламъ. И много тамъ брошено васъ, братья-товарищи, вѣчная вамъ память!..... Не успѣлъ я пробѣжать съ ротою шаговъ сто, какъ дорога начинала стуживаться обрывами съ обѣихъ сторонъ. Первая рота начала занимать правую цѣпь; слѣва

отъ дороги обрывъ нѣсколько выдавался полукругомъ, внутренняя сторона была обращена къ дорогѣ, по которой мы бѣжали. Шагахъ въ десяти отъ насъ, на этомъ полукругѣ, лежало нѣсколько бревенъ; за ними засѣли горцы и били проходящихъ навыворѣ; такъ и у меня повалили нѣсколько человѣкъ. Замѣтивъ горцевъ, я крикнулъ ротѣ: „налѣво!“ и митомъ мы сбросили этихъ господъ подъ кручу. Тутъ-же, разсыпавъ роту, мы составили лѣвую цѣпь. Такимъ образомъ, дорога была прикрыта съ обѣихъ сторонъ, хотя пули и летали все-таки кругомъ. Горцы преимущественно стрѣляли съ деревьевъ, на которыя взобрались, и, за зеленью, ихъ не было видно. Рота моя потеряла уже человѣкъ 15 раненыхъ; съ одного изъ нихъ я взялъ ружье и патронташъ, началъ стрѣлять, прислонясь къ большому чинару, такъ, что вся рота, лежавшая впереди, за бревнами, мнѣ была видна. Кто-то изъ старыхъ солдатъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „ваше благородіе, станьте за дерево, а то занапрасно васъ убьютъ“. Я возразилъ: „пустяки! виноватаго пуля найдетъ“.— „Да гляньте на дерево, вѣдь вамъ цѣлятъ въ голову; ваша бѣлая фуражка въ лѣсу далеко видна“. Я невольно поднялъ голову вверхъ и назадъ, чтобы посмотрѣть, и дѣйствительно, выше головы все дерево было испещрено пулями, и тутъ-же одна врѣзалась. Признаюсь, это меня покорило; но стать за дерево было уже не въ моей волѣ: возможно-ли было исполнить совѣтъ, когда я первый разъ въ такомъ жаркомъ бою, да еще командуя ротою, и такими лихими солдатами, которыхъ то-и-дѣло вытаскиваютъ убитыми или ранеными, а цѣлые или подшучиваютъ другъ надъ другомъ, или ободряютъ молодыхъ, и безъ малѣйшей суеты, совершенно спокойно, стрѣляютъ, стараясь беречь патронъ на критическую минуту. Я остался на мѣстѣ и, смотря на этихъ героевъ, совершенно успокоился. Послѣ третьяго выстрѣла, я повернулся направо, чтобы выдернуть шомполъ. Въ этотъ моментъ пуля попала мнѣ въ лѣвое плечо. Сначала сильная боль, а затѣмъ, чувство, какъ будто-бы чѣмъ-то тяжелымъ ударило по плечу, начало захва-

тивать дыханіе; какъ будто-бы мало воздуха: голова кружится и все тянетъ внизъ. Только сила воли заставила меня удержаться на ногахъ. Тутъ пришло мнѣ въ голову, а что, если я легко раненъ, то стыдно будетъ, если разнѣжусь. Эта мысль заставила меня встрепенуться, и я вышелъ изъ цѣпи самъ. Крикнули фельдшера, который усадилъ меня около дороги для перевязки. На вопросъ мой: „какова рана“? онъ сказалъ: „ничего, порядочная“, и съ этими словами началъ ощупывать у меня правый бокъ. „Что ты, братецъ, ищешь“?—„Да выхода пули“. Тутъ я подумалъ: если пуля попала въ лѣвое плечо, а ея выхода ищутъ въ правомъ боку, такъ гдѣ же тутъ жить; — и со мною сдѣлался обморокъ. Фельдшеръ, приведя меня въ чувство, продолжалъ перевязку. Меня постоянно не покидала мысль: какъ-бы держаться бодрѣе и не показать малодушія, и помню хорошо, я былъ довольно спокоенъ, хотя и сознавалъ, что рана опасна. Между прочимъ, пули кругомъ жужжали, и я опасался одного: какъ-бы не ранили опять сидячаго. Когда окончилась перевязка, и меня хотѣли везти, мимо пронесли тѣло генерала Пассека. Надо знать, что въ лѣсу очень много валялось коры, срупленной съ большихъ деревьевъ, срубленныхъ для заваловъ. Вѣроятно, горцы ночью или на нихъ отдыхали — потому, что было мокро, или же лубки составляли навѣсъ отъ дождя. На одномъ изъ такихъ лубковъ Пассекъ лежалъ со сложенными руками, въ бѣлой фуражкѣ, съ окровавленнымъ, но совершенно спокойнымъ лицомъ; онъ былъ привязанъ, и его тащили два донскіе казака волокомъ, какъ на саняхъ. Вслѣдъ за тѣломъ Пассека повели и меня два егеря; одинъ несъ ружье, мой сюртукъ и шашку, а другой велъ меня подъ руку. Я шелъ съ трудомъ, чувствовалъ сильную слабость; къ довершенію всего, ноги вязли въ грязи. Когда мы вышли на площадку передъ спускомъ—тамъ царствовалъ полный беспорядокъ: выюки, люди, раненые, убитые, все перемѣшалось; шумъ, гамъ страшный; всѣ толнятся. Пришлось остановиться. Одинъ изъ провожатыхъ моихъ притащилъ тоже большой лубокъ и предложилъ

мнѣ на немъ спуститься съ горы, убѣждая, что на спускѣ очень грязно и круто, и что мнѣ будетъ удобнѣе. Я согласился, и пока его готовили, т. е. продѣлывали дыры, чтобы продѣть веревку и потомъ меня привязать, я замѣтилъ вправо, шагахъ въ двѣнадцати, генерала Клугенау. Онъ сидѣлъ на лошади надъ самою кручею и смотрѣлъ въ лѣсъ; на немъ былъ какой-то сѣрый костюмъ, въ родѣ теперешнихъ нашихъ пальто, и оживотворялъ собою статую командора изъ „Донъ-Жуана“. Онъ былъ одинъ; вся его свита была перебита; его платье кругомъ было прострѣлено, но онъ остался невредимъ; блѣденъ, но совершенно спокоенъ. Богъ хранилъ этого достойнаго, храбраго генерала. Ружейный огонь сзади продолжался усиленно, но здѣсь, на площадѣ, мало пролетало пуль. Наконецъ, спускъ былъ прикрытъ цѣпью, и вся эта беспорядочная масса тронулась. Каждый силился скорѣе пробраться впередъ. Тронулись и мы. Меня потащили опять-же за тѣломъ генерала Пассека. Положеніе раненыхъ было ужасное: каждый изъ насъ рисковалъ быть задавленнымъ или лошадыю, или व्यюкомъ; тутъ уже ничего и никого не разбирали. На спускъ толпа сгустилась еще больше, — мѣста мало; положительная давка. Въ это время слышался съ лѣвой стороны залпъ, ружей изъ десяти, и гикъ горцевъ; вся масса стрѣмглавъ бросилась вправо и увлекла все. Я только помню первый моментъ и чувствовалъ, что куда-то лечу; когда пришелъ въ себя, я лежалъ въ оврагѣ; около меня нѣсколько разбитыхъ лошадей, разбросанные व्यюки; то тамъ, то сямъ — кто поднимался, какъ бы послѣ крѣпкаго сна — стоны раненыхъ. Первое время я не могъ дать себѣ отчета, что случилось, но постепенно, приходя въ себя, я понималъ въ чемъ дѣло, а когда отыскиали меня мои провожатые — объяснилось все. Слѣва была слабая цѣпь. Когда сдѣлали горцы залпъ, вся масса, нестройно движущаяся, по чувству самосохраненія, бросилась направо; и тогда люди, व्यюки, раненые полетѣли съ дороги въ оврагъ по весьма большой крутизнѣ. Я летѣлъ въ своемъ лубкѣ, какъ вещь, потому что былъ привязанъ, и этотъ-же лубокъ

предохранилъ меня отъ камней;—я только отдѣлался нѣсколькими лишними синяками. Оправившись, мы начали пробираться вдоль опушки лѣса, и, благодаря совершившейся катастрофѣ, сразу очутились внизу, и намъ не предстояло спускаться. Выбравшись на поляну, гдѣ пролежала дорога въ лагерь, уже для насъ видимый, мы встрѣтили прикрытіе, высланное оттуда, которое давало возможность свободно всѣмъ идти. Но тутъ силы начали меня оставлять; къ довершенію всего—проливной дождь. Находясь въ одной рубашкѣ, я озябъ до того, что не въ состояніи былъ слова вымолвить. Совсѣмъ вечерѣло. Перестрѣлка вдали еще была слышна, но рѣдкая. Къ моему счастью, вели мимо меня верховую лошадь одного изъ офицеровъ нашего полка, кажется, прапорщика Чернецкаго; меня на нее посадили и, поддерживая, довели въ лагерь. Главнo-командующій былъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы его оставили. У пачала лагеря меня встрѣтилъ мой Максимъ; онъ уже зналъ, что я раненъ; онъ плакалъ. Его сморщенное лицо до того было смѣшное, что, не смотря на то, что онъ меня тронулъ своею привязанностію, я невольно улыбнулся. Скромная, походная постель была уже приготовлена, чай—тоже; такъ пріятно было, наконецъ, успокоиться послѣ тяжелыхъ тревоженій дня. Капитана своего я засталъ въ постели; онъ видимо страдалъ, но крѣпился. Первый его вопросъ: „что рота“? Я отвѣтилъ: „молодцы, но теперь тамъ нѣтъ ни одного офицера; фельдфебель убитъ, и вообще, много потери; да обоихъ насъ подстрѣлили.—„Куда васъ хватило“? Я сказалъ: „въ плечо“—„Ну, нехорошо“,—и на томъ нашъ разговоръ прекратился. Часъ спустя, пришелъ лекаръ Верминскій; его всѣ, въ полку, отъ мала до велика, любили за доброту и искусство; онъ одинаково былъ внимателенъ и къ солдату, и къ офицеру; для него—человѣкъ страдаетъ, и онъ готовъ за него положить душу. Верминскій, по политическому преступленію, былъ сосланъ на Кавказъ рядовымъ, окончивъ уже виленскую академію; постоянно былъ въ походахъ; за отличіе былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и прапор-

щины и, спустя нѣкоторое время послѣ производства, переименованъ въ баталіонные лекаря. Верминскій тоже былъ съ колонною въ лѣсу и, едва возвратившись, тотчасъ зашелъ къ намъ, осмотрѣлъ раны и сдѣлалъ перевязку. Тутъ же онъ мнѣ сказалъ, что рана тяжелая и опасная, но мнѣ отчаяваться не слѣдуетъ, такъ какъ я молодъ, полонъ нетронутыхъ силъ и поэтому, я навѣрное выздоровѣю, но не скоро. Онъ говорилъ такимъ спокойнымъ голосомъ, что окончательно меня успокоилъ. Только-что окончилась перевязка, намъ дали знать, что идетъ къ намъ командиръ полка. Когда онъ вошелъ, то, поцѣловавъ капитана, сказалъ ему какую-то любезность; потомъ, подойдя ко мнѣ, тоже послѣ поцѣлуя: „поздравляю, какъ... съ первою ранюю; это хорошо, какъ... Кто такъ славно начинаетъ боевую службу, того... какъ... ожидаетъ въ будущемъ слава“. Я подумалъ, да съ чѣмъ же онъ поздравляетъ? По моему, лучше начинать и продолжать боевую службу съ чѣлыми боками. Вечеромъ перебывали у насъ почти всѣ товарищи, рассказывали подробности дѣла, и хотя это меня утомляло, но я съ жадностію слушалъ всѣ подробности. Вотъ онѣ: 10-го числа колонна поднялась на площадку въ лѣсу совершенно безпретятственно, но дальше — возобновленные и разбросанные нами 6-го іюля завалы, и еще усиленные, задержали наше движеніе. Нашъ 2-й баталіонъ, однако, бралъ завалы легко, съ небольшою потерей, причемъ, полковникъ Ранжевскій былъ легко раненъ въ ногу; но когда व्यюки столпились на описанномъ выше перешейкѣ, и произошелъ безпорядокъ, горцы бросились на арьергардъ и отрѣзали его, часть его изрубили; но наши еще держались у орудій. Смерть генерала Викторова нравственно подѣйствовала на горсть еще державшихся храбрецовъ. Замѣтивъ это, горцы сдѣлали новый сильный натискъ. Въ моментъ, вся артилерійская прислуга была перебита, орудія брошены подъ кручу и окончательно разсѣянъ арьергардъ. Въ это время авангардъ, уцѣлѣвшіе व्यюки и прочія войска уже вышли изъ лѣса и соединились съ колонною, прибывшею изъ Андіи, а съ ними и генералъ Клутенау. Никто не

зналъ и не подозрѣвалъ о случившемся въ арьергардѣ. Генераль распорядился о подаііи помощи раненымъ. Перестрѣлка въ лѣсу прекратилась, и всѣ поджидали: вотъ, покажется изъ лѣса арьергардъ. Прошло много времени. Вдругъ, начали показываться изъ лѣса, по дорогѣ, сначала одиночные раненые, а затѣмъ, въ безпорядкѣ, остатки арьергарда. Тогда объяснилось все. Клугенау, собравъ начальниковъ частей, спокойно отдавалъ соотвѣтствующія распоряженія объ обратномъ движеніи, но, видно было, что большая понесенная потеря и страданіе раненыхъ на него сильно повлияли.

Въ ночь, всѣ завалы были еще болѣе усилены и прибавлены вновь. Трупы нашихъ убитыхъ, раздѣтые донага, были уложены ярусами передъ завалами, чтобы нравственно дѣйствовать на войска; у большинства были распороты животы и выпущены внутренности. При обратномъ слѣдованіи, въ авангардѣ шель люблинскій баталіонъ и милиція, до перешейка. Хотя изъ-за вновь устроенныхъ заваловъ сильно поражалъ насъ непріятельскій огонь, но войска двигались безостановочно, и лишь только подошли къ перешейку, съ противоположной стороны и съ боковыхъ заваловъ до того былъ открытъ убійственный огонь, что не было возможности допустить и мысли—приступить къ разработкѣ огромнаго завала, возобновленнаго и усиленнаго, который расположенъ поперегъ дороги, упираясь своими концами съ обѣихъ сторонъ къ кручамъ. Этотъ заваль, убранный нашими убитыми наканунѣ тѣлами, не былъ защищаемъ; горцы, новидимому, съ цѣлью его оставили, чтобы съ боковъ бить всѣхъ, кто покажется на перешейкѣ; и, затѣмъ, когда начнутъ разрабатывать описанный большой заваль. Генераль Пассекъ тотчасъ послалъ двѣ роты люблинцевъ, подъ командою какого-то кирасирскаго полка, гвардіи поручика Вальховскаго, овладѣть правымъ заваломъ, а другія двѣ роты самъ повелъ на лѣвый. Не смотря на убійственный огонь, люблинцы, съ Вальховскимъ, бросились на заваль. Уже Вальховскій вскочилъ на него первый, но тутъ же былъ убитъ.

Люблинцы понесли огромную потерю; лишившись начальника, дрогнули и въ безпорядкѣ отступили. Тогда и роты, бывшія съ генераломъ Пассекомъ, тоже отступили назадъ. Генераль Пассекъ съ трудомъ возстановилъ порядокъ, вторично повелъ атаку, но самъ слишкомъ далеко увлекся впередъ; — выскочившій изъ-за куста голецъ убилъ его изъ пистолета въ упоръ. Тогда люблинцы и милиція, не смотря уже на убійственный съ боковъ огонь, бросились на большой заваль, чтобы, кто можетъ, пробраться въ лагерь. Вотъ мы-то ихъ и встрѣтили на площадкѣ, бѣгущихъ толпой. Саперы, полагая, что заваль взять и прикрыть, приступили къ прорубкѣ въ немъ прохода; но, окруженные со всѣхъ сторонъ, мигомъ были всѣ изрублены. Наконецъ, подошедшіе навагинцы взяли завалы и кое-какъ прикрыли дорогу. Въ главномъ завалѣ съ трудомъ былъ продѣланъ узкій проходъ, у котораго столпились въюки. Огонь непріятельскій не умолкалъ; поминутно падали убитыми люди, лошади; все пространство передъ большимъ заваломъ и площадкою было буквально загромождено тѣлами убитыхъ людей и лошадей, въюками и разными тяжестями, такъ-что пѣшему невозможно было пробраться. Лошади артилерійскаго взвода, вся прислуга—перевиты, а орудія брошены въ грязи на дорогѣ. Въ этотъ-то моментъ нашъ баталіонъ бросился впередъ. Какъ сказано выше, штабсъ-капитанъ Краузе, съ своими карабинерами, пошелъ первый и былъ тотчасъ раненъ; пуля ударила сбоку въ заднюю пуговицу его сюртука, на талии, и вмѣстѣ съ нею, пройдя внутрь глубоко, остановилась. Краузе, закрывъ рукою рану, чтобы не замѣтили ее карабинеры, добѣжалъ до большого завала и занялъ отъ него правую цѣпь; правѣ стала 1-я егерская рота, а я, со второю, составилъ лѣвую цѣпь. Этимъ распоряженіемъ, сдѣланнымъ, впрочемъ, самовольно, прикрылась дорога. Поручикъ Киселевъ отъ проходящихъ узналъ, что нашъ 2-й баталіонъ, составляя арьергардъ, находится въ критическомъ положеніи, отдѣленный отъ общей колонны грудой убитыхъ людей, брошенныхъ въюковъ, и, къ довершенію всего, поте-

рявъ баталіоннаго командира, остался совсѣмъ безъ патроновъ. Поручикъ Киселевъ, забравъ наши патронныя въюки, съ трудомъ началъ пробираться ко 2-му баталіону, который засталъ въ слѣдующемъ положеніи: роты лежали за бревнами, у солдатъ осталось всего по два, по три патрона на критическую минуту. Когда полковникъ Ранжевскій былъ убитъ, старшимъ остался штабсъ-капитанъ Цитовскій. Онъ собралъ на совѣтъ офицеровъ, и всѣ рѣшились—стрѣлять только въ критическую минуту, и ни въ какомъ случаѣ не отступать, пока не прійдетъ выручка; никто и мысли не допускалъ, чтобы ихъ не выручили товарищи. Горцы, догадавшись, что патроновъ у насъ нѣтъ, тоже перестали стрѣлять, и ожидали, когда начнется отступленіе, чтобы броситься въ пашки, тѣмъ болѣе, что на этомъ мѣстѣ, до этого момента, баталіонъ выдержалъ нѣсколько страшныхъ натисковъ, которые горцамъ обошлись весьма дорого. Наши и горцы были такъ близко, что одинъ изъ находчивыхъ солдатъ бросилъ къ непріятелю камень, попавшій удачно; это возбудило хохотъ, и пошло перебрасываніе большихъ или меньшихъ камней съ обѣихъ сторонъ. Все это сопровождалось поговорками, коверканнымъ языкомъ, то порусски, то почеченски, и хохотомъ,—чистые ребятишки въ деревнѣ, за заборомъ. И это — люди, обреченные на смерть! На прибытіе 3-й роты горцы не обратили особеннаго вниманія, не зная, что это свѣжая часть. Когда-же незамѣтно были розданы патроны, баталіонъ началъ быстро отступать залогамъ за 3-ю роту, которая осталась сзади. Но лишь только успѣлъ немного отбѣжать баталіонъ за 3-ю роту, какъ горцы бросились на нее, въ огромной массѣ, безъ выстрѣловъ, въ пашки. Поручикъ Киселевъ это предвидѣлъ, и, подпустивъ массу непріятеля на тридцать шаговъ, далъ цѣлою ротою залпъ. Казалось, ни одна пуля не пропала даромъ, потому-что передніе всѣ пали; остальные нѣсколько смѣшались. Рота успѣла повторить залпъ, отъ котораго горцы разбѣжались во всѣ стороны, оставивъ на мѣстѣ груды убитыхъ и раненыхъ. Это единственное удачное распоряже-

ніе дало возможность нашему арьергарду отступить чрезъ перешеекъ и спасти кой-какъ व्यюки, при чемъ, брошенныя орудія съ трудомъ были вытащены изъ тины,—у одного сломался лафетъ, его спустили подъ кручу, а другое притащили въ лагерь на себѣ. Уже совершенно въ сумерки, наши 2 баталіона прибыли послѣдними въ лагерь, отдѣльно отъ прочихъ войскъ; одно время даже считали ихъ совсѣмъ уничтоженными.

Дѣла 10-го и 11-го іюля, названныя „сухарною экспедиціею“, обошлись намъ весьма дорого. Выбыло изъ строя, убитыхъ: генераловъ два—Пассекъ и Викторовъ, тѣла которыхъ, равно и тѣло Фока, брошены въ лѣсу; штабъ-офицеровъ—три; изъ нихъ полковникъ Рапжевскій 10-го былъ раненъ въ ногу, 11-го распоряжался баталіономъ на носилкахъ, пока не былъ убитъ; его тѣло солдаты вынесли; остальные тѣла брошены; оберъ-офицеровъ 14, нижнихъ чиновъ 537; раненыхъ: 32 оберъ-офицера и 738 нижнихъ чиновъ. Убитые, за немногимъ исключеніемъ, брошены въ лѣсу; тамъ-же осталась и часть раненыхъ, но наши были всѣ до одного вынесены. Всѣхъ-же выбыло изъ строя: 2 генерала, 49 штабъ и оберъ-офицеровъ, 1,275 нижнихъ чиновъ; потеряны три горныхъ орудія, большинство лошадей съ व्यюками и разнымъ продовольствіемъ.

Вся свита генерала Клюки-фонъ-Клугенау была перебита; онъ же, находясь постоянно въ самомъ жаркомъ огнѣ, спасся чудомъ.

V.

Движеніе отряда отъ Дарго къ Герзель-ауду. Дѣла 13-го, 14-го, 15-го, 16-го, 17-го, 18-го и 19-го іюля. Прибытіе въ Герзель-аудъ и дневка тамъ.

Совершенно спокойное положеніе въ постели и крѣпкій сонъ, послѣ напряженной дѣятельности наканунѣ, поддержали мои силы;

только сухость во рту и отсутствіе аппетита доказывали болѣзненное состояніе. Боль въ ранѣ, если не трогаться, особенно не беспокоила; вся лѣвая половина, начиная отъ головы, какъ-бы одревѣнѣла; за то, малѣйшее движеніе вызывало невыносимую боль.

Цѣлый день не было отдаваемо никакихъ приказаній; дѣлалась провѣрка людей, патроновъ, продовольствія, котораго оказалось мало. Большая потеря товарищей возбуждала естественную грусть, особенно во 2-мъ баталіонѣ потеря любимаго и вполне достойнаго командира, полковника Ранжевскаго, замѣтно печалила всѣхъ; не слышно было пѣсенъ, веселаго хохота; всѣ говорили какъ-бы вполголоса; не мало такому настроенію помогали и сильный холодный дождь, который шелъ все 12-е число. Но объ унынїи или упадкѣ дѣла не было и мысли, по крайней мѣрѣ это видно было по окружающимъ и по словамъ посѣщающихъ насъ товарищей. Утромъ, унтеръ-офицеръ, замѣнившій убитаго фельдфебеля, прїйдя съ обычнымъ рапортомъ къ капитану, докладывалъ, что ружья промыты, патроны пополнены, провіантъ розданъ, и люди отдохнули; передалъ подробно, кто изъ солдатъ убитъ, тяжело или легко раненъ, однимъ словомъ—какъ это обыкновенно и ежедневно бываетъ, всѣ подробности, начиная отъ варки пищи. Оказалось, что въ нашей ротѣ вчерашняго числа вышло изъ строя пятьдесятъ два нижнихъ чина; не помню, кому была поручена рога для дальнѣйшаго командованія.

Передъ вечеромъ разнесся слухъ, что завтра отрядъ выступаетъ къ укр. Герзель-аулу, расположенному на границѣ кумыкской плоскости, и что во время движенія будемъ постоянно держиваться рѣки Аксая, на которой и расположено это укрѣпленіе. Поздно вечеромъ получило приказаніе — на разсвѣтъ быть готовымъ къ выступленію, ночью отобрать съ убитыхъ и тяжело раненыхъ ружья, которыя зарыть, палатки порвать на бинты, все лишнее сжечь; однимъ словомъ, освободить возможно больше выученныхъ лошадей для перевозки раненыхъ. Часовъ въ 11-ть вечера,

мой деньщикъ сообщилъ мнѣ, подъ секретомъ, что отрядъ выступаетъ ночью, и что, говорятъ, будто-бы раненыхъ, которые не могутъ ѣхать, оставлять. Конечно, я этому не повѣрилъ, но сѣмя сомнѣнія запало; мнѣ вспомнился Наполеонъ въ Египтѣ; воображеніе постепенно разыгрывалось, и я, наконецъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что это возможно. Не мало этому содѣйствовало и горячее состояніе — обыкновенное явленіе у раненыхъ. Къ утру, тревожный сонъ меня еще болѣе разстроилъ; однако, я никого не спрашивалъ, что будетъ съ нами, но всю ночь прислушивался къ малѣйшему шороху.

13-го іюля, очень рано, утромъ, отрядъ тронулся въ слѣдующемъ порядкѣ:

Авангардъ, подъ командою генераль-маіора Бѣлявскаго: 3-й баталіонъ алшеронскій, 1-й люблинскій, 5-й саперный, три роты стрѣлковъ, при четырехъ горныхъ орудіяхъ, осетинская, дигорская, кабардинская и грузинская конныя милиціи. Главныя силы, подъ командою генераль-лейтенанта Клюки-фонъ-Клугенау: 1-й баталіонъ литовскій, 2-й замосцскій и 3-й люблинскій; два полевыхъ и пять горныхъ орудій. Всѣ раненые и тяжести были при этихъ войскахъ. Правая цѣпь, подъ командою полковника Бибикова: два баталіона навагинцевъ, гурійская и тифлисская пѣшія дружины. Лѣвая цѣпь, подъ командою полковника барона Меллера-Закомельскаго: шесть ротъ куринцевъ и горійская пѣшая дружина. Арьергардъ, подъ командою генераль-маіора Лабинцева: два баталіона кабардинцевъ, (собственно говоря, 7 ротъ, потому что одна рота, поочереды, назначалась для несенія своихъ раненыхъ), два горныхъ орудія и всѣ казаки, командуемые полковникомъ Витовскимъ (*).

(*) Иосифъ Петровичъ Витовскій, въ чинѣ генераль-маіора, командуя 2-й бригадою 20-й пѣхотной дивизіи, былъ командующимъ войсками на кумыкской плоскости; умеръ въ 1848 году, въ укр. Ташкичу.

Еще было темно. Тѣло полковника Ранжевскаго опустили въ могилу. Говорятъ, солдаты были очень грустны, и многіе не могли скрыть слезъ. Чрезмѣрная строгость, при справедливости, не лишила Ранжевскаго искренней любви солдатъ. Не найти теперь уже такихъ командировъ!

Переправа черезъ Аксай и очень крутой подъемъ много заняли времени; раненные перемѣшались съ вьюками, солдаты съ трудомъ несли носилки по крутой тропинкѣ, то и дѣло спотыкаясь. Каждое мгновеніе можно было ожидать, что вотъ-вотъ полетимъ всѣ внизъ. Боль въ ранѣ—невыносимая; солнце жгло особенно жарко; пришлось переносить страшныя страданія; къ довершенію всего, непріятельскія гранаты, когда мы еще были въ ложбинѣ рѣки, то-и-дѣло ложились по близости насъ. Послѣ подъема на высоту, движеніе, сравнительно, было-бы довольно сносно, если-бы не утомительныя, безпрестанныя остановки. Пройдя аулъ Белгатой, съ носилокъ было видно движеніе почти всего отряда. Кругомъ перестрѣлка не особенно сильная; вообще, казалось довольно картинно. Впереди войска подходили къ довольно большому оврагу, переправившись чрезъ который, мы поднялись на весьма большую высоту Кетечъ-Кортъ, гдѣ и была выбрана позиція для ночлега. Въ этотъ день горцы больше всего насѣдали на аріергардъ, и вся потеря преимущественно была у кабардинцевъ; она состояла: убитыхъ — оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 5; раненыхъ—штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 62.

14-го числа, съ разсвѣтомъ, войска двинулись въ томъ-же порядкѣ, съ тою лишь разницею, что въ авангардѣ люблинскій баталіонъ замѣненъ литовскимъ. Сначала завязалась незначительная перестрѣлка, которая, постепенно усиливаясь, дошла до ожесточеннаго боя; намъ, раненымъ, не было ничего видно, хотя изрѣдка долетали и къ намъ непріятельскія пули; но постоянныя остановки, усиленная пальба, крики ура! убѣждали, что бой жаркій. Раненные

перемѣшались съ व्यюками; при остановкахъ, милиціонеры, нисколько не стѣсняясь, переступали чрезъ наши головы, не заботясь о томъ, что можетъ наступить на голову или на рану. Съ этихъ поръ я возненавидѣлъ пѣшую милицію, которая, большею частию толкаясь по обозу, еще болѣе производила безпорядокъ. Послѣ долгой остановки, наконецъ—тронулись. Насъ внесли въ густой лѣсъ; шли мы гуськомъ, въ перемежку съ व्यюками. Всѣ какъ-то торопились пройти это пространство. Перестрѣлка слышалась только впереди и сзади; по сторонамъ выстрѣлы раздавались только изрѣдка. Впереди несли флигель-адъютанта графа Бенкендорфа, полковника Завальевского и другихъ; я же, какъ прапорщикъ, очутился назади. Цѣпей въ лѣсу не было видно; казалось, мы двигались одни, безъ прикрытія. Вдругъ, слѣва ворвалось въ колонну челоѡкъ 20 горцевъ, всѣ отлично одѣтые, оружіе подъ серебромъ, такъ что ихъ сперва приняли за казаковъ. Но обманъ продолжался недолго. Горцы, обнаживъ пашки, бросились рубить раненыхъ; перваго убили полковника Завальевского, нанесли нѣсколько ранъ графу Бенкендорфу; защищавшій его, конной гвардіи штабсъ-ротмистръ баронъ Шенингъ, получилъ нѣсколько ранъ; другимъ раненымъ тоже досталось. Въ куринскомъ полку служилъ переведенный изъ гвардіи капитанъ У., довольно плотный мужчина. Будучи легко раненъ въ ногу, онъ лежалъ на носилкахъ, хотя очень удобно могъ ѣхать верхомъ. Когда произошла суматоха въ колоннѣ, У., не дождавшись, пока опустятъ носилки, вскочилъ на ноги и такого далъ стрелача, что и верхомъ не догонишь. У. любилъ похвастать иногда, и, владѣя хорошо словомъ, рѣзко относился къ дѣйствіямъ другихъ, за что былъ нелюбимъ товарищами; но послѣ этого случая его жало нѣсколько притупилось. Объ этомъ происшествіи на другой день много говорили товарищи, конечно, цитируя смѣшную его сторону. Въ этотъ день для несенія раненыхъ нашего полка назначена была 8-я егерская рота, которую

командовалъ штабсъ-капитанъ Горяиновъ (*). При началѣ суматохи въ обозѣ всѣ закричали ура! но „ура“ отъ страха, жалкое, и бросились въ противоположную сторону. Солдаты, которые несли меня, сказавъ: „ваше благородіе, мы васъ бросимъ“, опустили носилки на землю. Я попросилъ поднять меня на ноги; — казалось, легче было быть изрубленнымъ стоя. Солдаты, быстро исполнивъ мою просьбу, бросились было впередъ, къ горцамъ; но, когда передній, не успѣвъ еще выстрѣлить, попалъ подъ пашки, остальные тотчасъ ретировались. Это происходило не болѣе, какъ въ пяти шагахъ отъ меня; я стоялъ, облокотившись о вьючную лошадь; вьюки столпились такъ, что не было возможности пробраться на правую сторону; изъ числа раненыхъ оставался въ живыхъ одинъ я. Два горца дорубали уже лежащаго солдата, одного изъ моихъ носильщиковъ, о которомъ говорилъ выше; уже я видѣлъ, что меня замѣтили,—положеніе безвыходное; я живо сохранилъ все въ памяти, и до сихъ поръ помню даже лица. Замѣтившій меня горецъ былъ въ темно-желтаго цвѣта черкескѣ, большого роста, съ крашеною бородою, въ оружіи подъ серебромъ, папахъ за поясомъ, бритая голова, звѣрское лицо. Помню хорошо, что безвыходное положеніе и физическое ослабленіе дали мнѣ полное самообладаніе: я перекрестился, мысленно сотворилъ молитву, попрощался съ близкими сердцу; мгновенно въ мысляхъ пробѣжало все лучшее, прошедшее, сладкія мечты и т. д. Еще мгновеніе—и конецъ... Уже крашеная борода сдѣлала шагъ впередъ, и, какъ-бы забавляясь, еще разъ черкнула пашкою по лицу изрубленнаго солдата, павшаго подъ пашечными ударами... Въ этотъ моментъ, изъ-за густаго кустарника, въ лѣсу, влѣво отъ меня, гаркнули ура! да такое ура, отъ котораго дрогнетъ самый сильный врагъ. Куринцы, находясь въ лѣвой цѣпи, услышали сквозь чашу, что въ обозѣ

(*) Въ пятидесятихъ годахъ вышелъ въ отставку подполковникомъ.

неладно: выстрѣловъ вовсе не было, горцы работали пашками. Муромскаго полка капитанъ Перепелицынъ (*), прикомандированный къ куринскому полку для участвованія въ экспедиціи, подхвативъ бывшій съ нимъ въ резервъ взводъ, бросился на шумъ въ колонну. Въ описанный мною моментъ, они гаркнули ура! и тутъ-же под-
няли на штыки незваныхъ гостей. Перепелицынъ—13-ти вершковъ роста, положительно великанъ; я еще былъ мальчуганомъ, живя у моего дяди, офицера нижегородскаго полка, одной бригады съ му-
ромцами; помню его, когда онъ прибылъ изъ Дворянскаго полка юнкеромъ; огромнаго роста, въ кадетской курткѣ, онъ очень былъ красивъ. И вотъ, гдѣ намъ пришлось встрѣтиться... При огромномъ ростѣ Перепелицына, куринцы, маленькіе егеря, казались около него дѣтьми; но эти дѣти были чудо-богатыри; поистинѣ, можно было сказать: „егерь малъ, но удалъ“. Какъ жаль, что въ арміи теперь уничтожено названіе егерей! Съ этимъ именемъ связано много воспоминаній нашей славной арміи. И такъ, товарищи-ку-
ринцы, вамъ я обязанъ спасеніемъ жизни! Подобныя минуты не забываются до гробовой доски... Когда опасность миновала—возбуж-
деніе прошло, упадокъ силъ сталъ сильнѣе; и не помню, съ по-
мощью кого я перешелъ на правую сторону обоза. Силы оставили меня, и когда я пришелъ въ себя, то сидѣлъ уже подъ деревомъ, въ полномъ изнеможеніи; только бѣлая фуражка съ кокардой сви-
дѣтельствовала, что я офицеръ. Все же, что находилось со мною на носилкахъ, какъ-то: шуба, подушки и т. д., осталось на мѣстѣ, куда горцы бросились, и я лишился самаго необходимаго для покоя раненаго. Передо мной, около куста, стояла какая-то лошадь; видно, на ней ѣхалъ какой-нибудь раненый солдатъ, и въ общей

(*) Перепелицынъ въ отставкѣ, не знаю, въ какомъ чинѣ; живетъ въ Петербургѣ, гдѣ у него три сына служатъ въ лейбъ-егеряхъ, и одинъ въ артилеріи; остальные три еще воспитываются.

суматохѣ, можетъ быть, бѣднѣй свалился. Обозъ уже двигался. Я рассчитывалъ, что когда подойдетъ арьергардъ, меня подберутъ свои; но тутъ проходятъ мимо какой-то деньщикъ и артилерійскій солдатъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „давай, братъ, посадимъ этого офицера на лошадь, а то, пожалуй, такъ и пропадетъ“. Тутъ-же подошелъ горнистъ 2-й роты, въ которой я числился, и одинъ изъ солдатъ, меня несшихъ; они, вчетверомъ, буквально навалили меня на лошадь; солдатъ ее повелъ, а горнистъ поддерживалъ меня сбоку. Дождь шелъ довольно сильный, я страшно озябъ; шаговъ 20 кое-какъ сидѣлъ, но дальше началъ валиться. Тогда меня сняли съ лошади и перекинули поперекъ сѣдла; я не въ силахъ былъ противорѣчить и тотчасъ впалъ въ безпамятство. Когда пришелъ въ себя — мнѣ было такъ хорошо, я испытывалъ такое пріятное чувство, что трудно описать. Когда открылъ глаза—у моего изголовья сидѣли молодой офицеръ и юнкеръ; они тотчасъ освѣдомились, какъ я себя чувствую, и спросили, не хочу-ли немного вина. Я согласился, и глотокъ вина меня очень подкрѣпилъ. Тутъ я узналъ, что они навагинцы, и стоятъ въ резервъ своей правой цѣпи. Когда меня привезли, то офицеръ спросилъ: „что, убить?“ — „Никакъ нѣтъ; должно быть, еще живетъ“, отвѣчали мои вожатые. Тотчасъ меня сняли съ лошади, положили на солдатскую шинель, голову выше, другою укрыли, и я согрѣлся и пришелъ въ себя. Я не знаю, кто вы, мои благодѣтели! Но, если вамъ попадутся эти строки, и вы вспомните этотъ случай, то вѣрьте, что я научу своихъ дѣтей благословлять васъ! Подобное вниманіе къ незнакомому человѣку—есть лучшее доказательство той сердечной теплоты, которая не всякому дана.

Поданъ сигналъ — правой цѣпи движеніе, и я разстался съ своими благодѣтелями. Опять меня усадили на лошадь. Сперва я ѣхалъ довольно бодро. Дождь пошелъ сильнѣе; это отчасти уравновѣшивало жаръ отъ горячки; повязки давно всѣ слѣзли, и я весь былъ облитъ кровью. Дѣло шло къ вечеру. Предстояло взбираться

на огромную высоту; лошадь скользить; силы начали оставлять меня, и я уже самъ просилъ, чтобы меня перекинули черезъ лошадь поперегъ—что и было исполнено. Когда взобрались на гору, было уже совсѣмъ темно; мои вожакъ спустили меня на землю въ большую впадину, гдѣ лежали всѣ раненные нашего полка, и догадались положить головой выше. Надо полагать, что было уже довольно поздно, когда я пришелъ въ себя. Дождь шелъ проливной; сверху—вода съ грязью стекала во впадину, въ которой мы лежали; я не только весь былъ мокрый, но и въ грязи; холодъ чувствовался страшный; кто-то изъ проходящихъ солдатъ, по моей просьбѣ, меня поднялъ, и я, крича изъ всей силы, звалъ моего Максима, — но тщетно: слабый голосъ, ливень и говоръ дѣлали совершенно неслышными мои звуки. Дѣлать нечего, съ помощію тоже какого-то проходящаго, я легъ на землю, и, свернувшись отъ усталости, крѣпко уснулъ.

14-е іюля намъ обошлось очень дорого. Убиты: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 65; ранены: штабъ-офицеровъ 3; полковникъ Альбрантъ, съ 11 апшеронцами, бросился на заваль и былъ раненъ въ руку, которую на другой день ему отняли, и во время операціи онъ курилъ трубку. Командиръ навагинскаго полка, полковникъ Бибиловъ, и командующій апшеронскимъ баталіономъ, подполковникъ графъ Стембокъ, ранены въ ногу; чрезъ нѣсколько дней Стембоку отняли ногу; оберъ-офицеровъ 11, нижнихъ чиновъ 158; безъ вѣсти пропало 7 нижнихъ чиновъ.

Войска сдѣлали переходъ всего 12 верстъ. Сильный бой и ливень страшно ихъ изнурили, именно потому, остановились ночевать. Наши кабардинцы только утромъ присоединились; полевая артилерія не могла подняться на послѣднюю высоту.

Когда утромъ я проснулся, деньщикъ мой, съ вьюкомъ, былъ уже тутъ; оказалось, что онъ всю ночь, не развьючивая лошади, простоялъ отъ меня всего въ пятнадцати шагахъ. Вещи хотя у меня были, но переодѣваться было некогда; главная бѣда—нечѣмъ

было укрыться. Къ этому прибавился страхъ, что опять носилокъ пѣтъ. Весь мокрый, съ открытою ранюю, я не зналъ, какъ помочь горю. Шагахъ въ пяти отъ меня, лежалъ на носилкахъ раненый фельдфебель 2-й кабардинской роты, покрытый моею буркою и на моей подушкѣ. Оказалось, что сзади меня несли фельдфебеля, и солдаты подобрали мои вещи, брошенные въ лѣсу съ носилками. Мы были оба въ одномъ положеніи, и мой Максимъ заявилъ, что вещи слѣдуетъ возвратить, и мнѣ ихъ отдали тотчасъ. Лекаръ Верминскій, осматривая съ разсвѣта раненыхъ, отыскалъ меня и сдѣлалъ перевязку; затѣмъ, по моей просьбѣ, отправился розыскивать для меня носилки. Жажда и голодъ страшно меня начали беспокоить, костровъ не раскладывали—все мокрое; да и, кажется, варить-то нечего было. Вдругъ, подходитъ ко мнѣ корнетъ князь Яшвиль, и съ полнымъ участіемъ, освѣдомившись о моемъ здоровьи, куда-то скрылся на минутку, а затѣмъ, принесъ мнѣ стаканъ чаю и крендель; потомъ, бросился розыскивать носилки. Благодаря ему, я черезъ четвергъ часа не только лежалъ на носилкахъ, но и были назначены рабочіе для послѣднихъ. Князь Яшвиль, кажется, обломокъ золотой орды, гвардейскій лейбъ-гусарь; за дуэль былъ разжалованъ, потомъ произведенъ въ корнеты по кавалеріи и состоялъ въ распоряженіи полковника Козловскаго. Я лично съ княземъ не былъ знакомъ, но видѣлъ и самъ испытывалъ благотворныя послѣдствія его неутомимыхъ заботъ о раненыхъ. Когда ему былъ возвращенъ прежній чинъ ротмистра, всѣ искренно этому радовались, и уже гораздо позже, назначеніе его командиромъ лейбъ-гусарскаго полка было принято всѣми нами очень сочувственно. Князь Яшвиль вообще, по простодушному обращенію со всѣми, готовности во всякую минуту быть каждому полезнымъ, снискалъ себѣ общую любовь.

Около 10 часовъ, отрядъ тронулся дальше, и, въ виду сильнаго утомленія войскъ, переходъ былъ всего верстъ пять. Войска двигались безъ особенной задержки, хотя съ незначительною перестрѣлкою; видно, горцы тоже были утомлены. Передъ вечеромъ,

отрядъ расположился на довольно живописной мѣстности, у аула Аллерой.

Вечеромъ пошелъ теплый дождикъ; капитанъ и я лежали рядомъ. Деньщикъ покрылъ меня буркою, которую я надъ лицомъ поддерживалъ здоровою рукою, чтобы свободнѣе дышать. Мимо насъ сновали впередъ и назадъ проходящіе. Вдругъ, изъ числа ихъ, подходитъ какой-то офицеръ, кавалеристъ, сюртукъ съ краснымъ воротникомъ и пуговицы съ орлами; до этого, я никогда не видѣлъ его. Спросивъ у деньщика топоръ, приказалъ вырубить колья, затѣмъ, вбилъ ихъ по угламъ носилокъ и по серединѣ и, соединивъ тонкими перекладинами, покрылъ сверху буркою, такъ что мнѣ стало совсѣмъ удобно. Я на все это смотрѣлъ молча, ломая голову, кто это, и какого полка? Когда же, по окончаніи работы, я благодарилъ моего незнакомца и спросилъ, кому обязанъ такимъ любезнымъ вниманіемъ, онъ отвѣчалъ: „конно-гренадерскаго полка поручику барону Вранкинъ“. Больше я его и не видѣлъ.

Потеря 15-го числа состояла изъ убитыхъ: нижнихъ чиновъ 15; раненыхъ: оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 44; безъ вѣсти пропавшаго—одного нижняго чина.

16-го іюля, густой туманъ и дождикъ задержали движеніе, пока нѣсколько не разъяснилась погода. Въ 8-мъ часовъ отрядъ двинулся въ томъ же порядкѣ, но, съ первымъ шагомъ началась перестрѣлка, не умолкавшая до тѣхъ поръ, пока къ вечеру не расположились бивакомъ у аула Шаухаль-Берды. Усиленная перестрѣлка слышалась особенно въ лѣвой цѣпи и аріергардѣ; но съ носилокъ не было ничего видно, да и отъ упадка силъ явилась какая-то апатія ко всему. Не разъ приходила въ голову мысль: хорошо, если бы сразу покончить, чѣмъ переносить тяжелыя страданія. Лишь только стали на бивакъ, подходитъ ко мнѣ мой деньщикъ (его лицо отъ слезъ сморщилось) съ словами: „Василій Александровичъ, что мы будемъ дѣлать! Все наше имѣніе пропало!“ Я сначала не понималъ, въ чемъ дѣло; но онъ пояснилъ, что, не доходя мостика, че-

ченецъ у него изъ рукъ отобралъ лошадь и его чуть не изрубилъ, но онъ спасся бѣгствомъ. „Слава Богу, что ты остался живъ“, былъ мой отвѣтъ. Тѣмъ не менѣе, оказалось, что положеніе мое было очень непривлекательное: ни гроша денегъ, ни вещей, да вдобавокъ — еле-живой.

Этотъ день намъ обошелся дорого. Убито: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 107; ранено: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ 306; безъ вѣсти пропало нижнихъ чиновъ 15.

Около Шаухаль-Берды, большая поляна, на которой мы расположились, окаймлялась съ трехъ сторонъ лѣсомъ, а четвертая примыкала къ Аксаю, правый возвышенный берегъ котораго представлялъ высокую крутизну, частію обрывистую, частію покрытую лѣсомъ. Кругомъ поляны, по опушкѣ лѣса, были раскинуты наши цѣпи. Скопище же Шамиля было расположено главнымъ образомъ на крутизнѣ за Аксаемъ, и кругомъ весь лѣсъ былъ занятъ непріателемъ.

Съ восходомъ солнца, 17-го числа, непріатель изъ-за Аксая открылъ по насъ безнаказанный огонь изъ трехъ орудій, на который мы не могли отвѣчать, по малому количеству зарядовъ. Кругомъ, изъ лѣса, ружейный огонь не умолкалъ; то-и-дѣло, съ одной стороны падали артилерійскіе снаряды, съ другой — щелкали пули; къ довершенію — страшная жара; притомъ, положительно ѣсть нечего. И такъ цѣлые два дня томиться — пытка невыносимая. Если въ такомъ положеніи былъ офицеръ, то что-же испытывали бѣдные раненные солдаты? Часовъ въ 11-ть, главнокомандующій верхомъ объѣхалъ всѣ войска; тутъ его положительно осыпали пулями; но онъ совершенно спокойно, привѣтливо, здоровался съ солдатами; мнѣ это хорошо было видно съ моихъ носилокъ. Солдатъ очень ободрило спокойствіе князя Воронцова; они были положительно въ восторгѣ, вполне понявъ цѣль его объѣзда. Меня въ этотъ день

навѣстилъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ баронъ Сталь (*) и нашель, что моя позиція очень невыгодна; но мы пришли къ тому заключенію, что вездѣ скверно, все равно — вездѣ бьютъ. У насъ былъ полковой маркитантъ Фавишовичъ; всѣ вьюки его были отбиты, и только осталось немного чаю и сахару; однако, онъ сохранилъ всѣ офицерскія росписки. Должно быть, онъ готовился тоже къ смерти: обходилъ раненыхъ и поилъ чаемъ, сдѣлался добродушнымъ; пожалуй, при нѣкоторой назойливости, да если бы еще по близости лопнула непріятельская граната, Фавишовичъ съ готовностью разстался бы и съ росписками. Впрочемъ, надо правду сказать, что нашъ маркитантъ былъ старый полковой, и не безъ хорошихъ качествъ, хотя и не забывалъ себя.

Съ утра еще прошла вѣсть по биваку, что ночью посланы къ генералу Фрейтагу, въ Герзель-ауль, охотники съ записками одного содержанія. Охотники были—два егеря нашего полка, два казака и два милиціонера; они должны были пробраться врозь, сквозь непріятельскую позицію. По прибытіи отряда въ Герзель-ауль, мы узнали, что первыми пришли егеря, а послѣдними—милиціонеры.

18-го числа, съ восходомъ солнца, опять непріятель открылъ огонь со всѣхъ сторонъ; свистъ пуль и артилерійскихъ снарядовъ казался еще непріятнѣе. Передъ закатомъ солнца, вдали, къ сторонѣ аула, показались на высотѣ войска. Это былъ генералъ Фрейтагъ. Въ отрядѣ все встрепенулось; взоры всѣхъ были обращены къ сторонѣ Фрейтага. Мнѣ, конечно, ничего не было видно, но много глазъ смотрѣло, и впечатлѣнія высказывались въ слухъ.

Потеря 17-го и 18-го чиселъ выразилась—убитыми: 12 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 оберъ-офицеръ, 24 нижнихъ чина.

19-го числа, всѣ поднялись очень рано; но, помнится, мы долго стояли на мѣстѣ. Съ восходомъ солнца, на дальней высотѣ

(*) Вслѣдствіи командовалъ волынскимъ пѣхотнымъ полкомъ и, по производствѣ въ генералъ-маіоры, вышелъ въ отставку.

показались войска генерала Фрейтага; затѣмъ, была открыта канонада по непріятельскимъ массамъ, расположеннымъ на высотѣ за Аксаемъ, гдѣ, послѣ первыхъ выстрѣловъ, сдѣлалась большая суета. Около 10-ти часовъ, отрядъ двинулся. Первыми шли раненые, которые могли сами двигаться; затѣмъ, понесли и носилки. У входа въ узкій проходъ одного перелѣска столпилось много носилокъ, и тутъ я замѣтилъ, что рядомъ со мною, вмѣсто носилокъ, держали на древкахъ желѣзную кровать, которая кругомъ, въ родѣ ящика, была обита досками; на кровати лежалъ раненый 14-го числа, командиръ навагинскаго полка, полковникъ Бибииковъ. Я съ нимъ совершенно не былъ знакомъ, но онъ обратился ко мнѣ съ словами: „господинъ офицеръ, напрасно вы не обставили носилки досками, какъ у меня, а то, пожалуй, могутъ подстрѣлить“. Пройдя небольшой перелѣсокъ, насъ остановили на небольшой полянкѣ; по обыкновенію, носилки опустили на землю. Случилось такъ, что со мною лежали рядомъ: полковникъ Бибииковъ и лейбъ-гвардіи измайловскаго полка поручикъ Козляниновъ, большой мой пріятель. Козляниновъ съ Бибииковымъ перекидывались словами по-французски, со мною-же—порусски. Было очень жарко; выстрѣлы слышались гдѣ-то вдали. Вдругъ, съ небольшого пригорка, лѣвѣе дороги, осыпали насъ пулями. Все вскочило. Открыли и съ нашей стороны ружейный огонь; крикъ, суматоха — общіе. Но это продолжалось недолго; горцы скрылись, и на ихъ мѣстѣ показалась наша цѣпь. Этими выстрѣлами убить наповаль полковникъ Бибииковъ; поручикъ Козляниновъ раненъ въ носъ; я же отдѣлался счастливо: убить одинъ изъ моихъ носильщиковъ и прострѣлено древно носилокъ. Не было-ли предчувствіе со стороны Бибиикова? Чему же приписать обшивку носилокъ досками, когда Бибииковъ, какъ говорили, не имѣлъ привычки избѣгать пуль? Смерть его огорчила многихъ; память о немъ сохранилась между офицерами навагинскаго полка до сихъ поръ.

Мы двинулись дальше. Перестрѣлка довольно сильная слы-

палась только сзади. Пройдя небольшой оврагъ, мои носильщики положили меня подъ кустомъ, немного въ сторонѣ отъ дороги, чтобы самимъ отдохнуть. Въ это время 4-я и 5-я карабинерныя роты кабардинскаго полка, изъ отряда генерала Фрейтага, быстро пробѣжали мимо насъ; онѣ были посланы въ аріергардъ. 4-ю карабинерною ротою командовалъ штабсъ-капитанъ Кириленко, 5-ю—поручикъ Берзенадзе; субалтернъ-офицеры были: прапорщики Бѣликъ и Аслановъ (*). Эти послѣдніе два—мои товарищи по таганрогскому университету. Прапорщикъ Аслановъ, замѣтивъ меня лежащимъ подъ кустомъ, живо соскочилъ съ лошади и съ полнымъ участіемъ освѣдомился о моемъ здоровьи; я у него тотчасъ попросилъ хлѣба и получилъ. Не могу пройти молчаніемъ о впечатлѣніи, какое на меня сдѣлали карабинеры: что это были за молодцы, чудо-богатыри! Всѣ мы, черные, исхудалые, голодные, а они—въ бѣлыхъ рубахахъ, синихъ шароварахъ, чисто одѣтые, красавцы, шли съ такимъ одушевленіемъ, что, повидимому, горе тому, кто имъ не уступить! И дѣйствительно, чуть дошли до аріергарда—штыками вынесли все, что было впереди, и начали медленно отступать, отстаивая твердо каждый шагъ. Но уже до прибытія карабинеръ, наша 1-я карабинерная рота, бывшая въ аріергардѣ, сильно пострадала. Дѣло, какъ тогда рассказывали, происходило такъ: 1-я и 2-я карабинерныя роты отступали въ аріергардѣ, такъ называемымъ *перекатнымъ отступленіемъ*, 1-я лѣвѣе 2-й; послѣдней надо было подняться на горку, а потомъ, на ея мѣсто перейти 1-й, потому что на пути ея отступленія была тина и густой кустарникъ, заросшій дикимъ виноградомъ,

(*) Кириленко убитъ подъ Гергебилемъ въ 1848 году, въ чинѣ майора, командуя 4-мъ баталіономъ; Берзенадзе—подполковникомъ въ отставкѣ, живеть въ г. Грозномъ; Бѣликъ—полковникъ, при кавказской арміи; Аслановъ въ отставкѣ, кажется, еще съ конца сороковыхъ годовъ.

сквозь которой не было возможности пробраться. Отъ генерала Лабинцева посланъ былъ съ приказаніемъ подпоручикъ Кудрявцевъ (*), чтобы предупредить роты о порядкѣ отступленія; въ это время былъ ожесточенный огонь со стороны непріятели, почему, надо полагать, Кудрявцевъ ограничился тѣмъ, что съ горки помахалъ платкомъ. По этому сигналу, 1-я карабинерная рота, видя, что уже 2-я отступила, тоже начала отступать прямо, какъ была расположена, и лишь только вошли въ чащу карабинеры, горцы гикнули и окружили роту, требуя сдачи. Командующій ротой, штабсъ-капитанъ Тимохвичъ, видя безвыходное положеніе, обратился къ ротѣ: „что, братцы, дѣлать“? — „Ваше благородіе, ляжемъ всѣ, а не дадимъ поживы этимъ оборванцамъ“ — былъ отвѣтъ солдатъ. И дѣйствительно, карабинеры легли почти всѣ, но не даромъ: въ рукопашной схваткѣ досталось порядкомъ горцамъ. Бой продолжался недолго, но былъ жестокий бой и шелъ на смерть. Штабсъ-капитанъ Тимохвичъ, тяжело раненый, былъ взятъ въ плѣнъ, и потомъ уже мы слышали отъ лазутчиковъ, что съ него живаго сняли кожу. Юнкеръ Жеребцовъ, молодой юноша, во все время отступленія шелъ въ обозѣ, но въ этотъ день, видя войска генерала Фрейтага, полагалъ, что уже не будетъ дѣла, пошелъ съ ротой и былъ убитъ. Изъ всей роты спаслось, кажется, три человека, пробравшихся кое-какъ сквозь чащу; они и рассказали подробности дѣла. Богъ наказалъ подпоручика Кудрявцева, который, послѣднимъ выстрѣломъ, былъ тяжело раненъ въ руку.

Къ вечеру пошелъ проливной дождь, и мы едва дотащились до мѣста ночлега у аула Мискитъ; полевая-же артилерія, съ арьергардомъ, едва притащилась къ разсвѣту.

19-е іюля намъ обошлось не дешево. Убиты: штабъ-офицеръ

(*) Послѣ экспедиціи вышелъ въ отставку.

1, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 78; ранены: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 139; безъ вѣсти пропало 17 нижнихъ чиновъ.

Съ генераломъ Фрейтагомъ пришли слѣдующія войска: 2-й баталіонъ модлинскаго полка, 2-го баталіона пражскаго полка 1 рота, 2-го баталіона люблинскаго полка 2 роты, 1-й баталіонъ замосцскаго полка, 2-го баталіона навагинскаго полка 3 роты, 4-й баталіонъ кабардинскаго полка, 5-го баталіона того-же полка 2 роты, 4-й и 5-й баталіоны куринскаго полка, кавказскій линейный № 15 баталіонъ, всего 7½ баталіоновъ; легкой № 3 батареи, 14 артилерійской бригады, 1 орудіе, батарейной № 2 батареи, 20-й артилерійской бригады, 3 орудія, донской казачьей конной № 1-го батареи 2 орудія, линейной казачьей № 14 конной батареи 4 орудія, подвижной гарнизонной артилеріи 3 орудія, всего 13 орудій; донскаго казачьяго № 20 полка 1 сотня и № 52 полка 2 сотни, всего 3 сотни кавалеріи.

Изъ вышеозначеннаго видно, что генераль Фрейтагъ взялъ съ собою все, что могъ, уменьшивъ вездѣ гарнизоны, и оставилъ край почти безъ подвижныхъ резервовъ и лишь только почти со всею кавалеріею.

Войска генерала Фрейтага, 19-го числа, имѣли потерю: убито 14 нижнихъ чиновъ; ранены: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 27; безъ вѣсти пропало 2 нижнихъ чина.

20-го іюля, отрядъ снялся съ ночлега довольно поздно. Войска генерала Фрейтага занимали боевыя цѣпи и арьергардъ; наши-же, утомленные, составляли авангардъ и главныя силы. Послѣ того безпорядка, въ какомъ несли раненыхъ въ предыдущіе дни, намъ казался страннымъ строй, въ которомъ мы тронулись. Въ головѣ колонны—два баталіона съ артилеріею, потомъ—носилки съ ранеными офицерами и баталіонъ, носилки съ ранеными солдатами и баталіонъ, раненые верхомъ и баталіонъ, обозъ и т. д. Къ каждому роду раненыхъ — особый офицеръ для наблюденія за порядкомъ и

докторъ; однимъ словомъ, все приняло видъ строгаго порядка и заботливости о раненыхъ. Къ сожалѣнію, это не могло вознаградить насъ за перенесенныя страданія.

Отрядъ тронулся въ 10 часовъ; дорога ровная; выстрѣловъ не слышно; но невыносимая жара страшно насъ томила. Около четырехъ часовъ пополудни послышались издали, впереди насъ, громкіе пушечные выстрѣлы. Это былъ салютъ главнокомандующему съ батарей укрѣпленія Герзель-аула, которое уже виднѣлось. Многие изъ насъ перекрестились. Слава Богу, конецъ мученіямъ! Всѣ пріободрились, но только на время; недостатокъ пищи и труды до того изнурили силы солдатъ, что они едва тащились; то-и-дѣло спускали на землю носилки для отдыха. Люди постоянно спотыкались, части растянулись. Тутъ невольно пришла въ голову басня дѣдушки Крылова „Лисица и виноградъ“. Видя Герзель-аулъ, мы никакъ не могли до него дотащиться. Наконецъ, уже совсѣмъ стемнѣло, когда меня принесли къ ротѣ, расположенной внизу, на берегу р. Аксая. Но тутъ сказали намъ, что раненыхъ офицеровъ велѣно нести въ крѣпость. Надо было обратно взбираться на большую гору, гдѣ расположено укрѣпленіе. Тутъ носильщики наотрѣзъ отказались нести, говоря, что не въ силахъ. Дѣйствительно, они, бѣдные, устали донельзя. Унтеръ-офицеръ 2-й роты, въ которой я числился, назначилъ рабочихъ, и меня потащили на гору. У воротъ крѣпости народъ сновалъ взадъ и впередъ, нельзя было пробраться сквозь толпу, по мостику, чрезъ ровъ. Вдругъ, какой-то офицеръ, замѣтивъ носилки, давай крестить нагайкою по головамъ всѣхъ, бормоча что-то на неопредѣленномъ языкѣ. Живо очистили дорогу, и меня свободно пронесли въ ворота крѣпости. Оказалось потомъ, что это былъ состоящій по кавалеріи и при главномъ штабѣ поручикъ Іедлинскій (*). Ему было поручено—всѣхъ ране-

(*) Состоялъ въ распоряженіи генераль-фельдмаршала князя Барятинскаго, въ чинѣ генераль-маіора.

ныхъ офицеровъ направлять въ крѣпость. Іедлинскій, кажется, говорилъ на 8-ми языкахъ; въ послѣдствіи, мы часто встрѣчались въ походахъ и всегда были хорошими пріятелями. Адальбертъ Артуровичъ былъ бравый кавалеристъ; въ бесѣдѣ, за стаканомъ, былъ незамѣнимъ: бездна юмора всегда оживляла все общество. Наконецъ, меня принесли въ казарму, опустивъ носилки и, поднявъ на ноги, ввели въ большую освѣщенную половину. Я остановился въ дверяхъ, и мнѣ представилось слѣдующее: во всю длину казармы, съ обѣихъ сторонъ, почти вплотную, были поставлены лазаретныя кровати, всѣ заняты ранеными офицерами; у дверей, направо, на нѣсколькихъ кроватяхъ, сподрядъ лежали и сидѣли гвардейскіе офицеры—надо полагать, большею частію легко раненные, потому-что очень бойко и громко говорили, нисколько не стѣсняясь, что тутъ были страдалцы, которымъ необходимъ покой; рѣчь сыпалась по-французски, съ русскими вставками, смѣсь французскаго съ нижегородскимъ. Дальше, за гвардейцами, были слышны только тихіе стоны, потому-что изъ армейскихъ были тутъ одни тяжело раненные; остальные расположились при своихъ частяхъ. Я съ ужасомъ увидѣлъ, что уже всѣ мѣста заняты; но мой деньщикъ отыскалъ единственную свободную кровать, отъ противоположнаго конца влѣво—четвертую. Меня положили на кровать; все мое имущество, бурка и подушка—со мною, а деньщикъ усѣлся на полу у моихъ ногъ. Устроившись, я началъ осматриваться. Слева мой сосѣдъ, апшеронецъ, прапорщикъ, раненый въ ногу, былъ совершенно спокоенъ; справа—куринецъ, штабсъ-капитанъ Костырко, раненый въ грудь; онъ тяжело дышалъ и мутными глазами обводилъ во всѣ стороны; наискось, въ углу, лежалъ подполковникъ графъ Стембокъ, тяжело раненый въ ногу, и рядомъ съ нимъ — капитанъ люблинскаго полка, довольно полный мужчина, раненый въ грудь; онъ очень страдалъ, ему все мало было воздуха. Прочіе — кто тяжело дышитъ, кто стонетъ, кто молча терпитъ; одни французы за полночь не давали никому покоя. Спустя часъ послѣ того, какъ меня

принесли, лазаретный служитель принесъ въ фартухѣ порціи хлѣба и началъ раздавать. Я спросилъ: „не дадите-ли намъ супъ“! „И супъ дамъ“, отвѣтилъ онъ съ полною флегмою. Дѣйствительно, немного спустя, тотъ-же служитель принесъ намъ и супъ. Я добросовѣстно раздѣлилъ свою порцію съ моимъ Максимомъ; онъ былъ здоровъ, и воображаю, какъ ему хотѣлось ѣсть, если я, еле-живой, страшно мучился отъ голода. Поужинавъ, я улегся такъ, чтобы ногою можно было разбудить деньщика, который расположился подъ кроватью, потому-что я самъ ни подыматься, ни повернуться безъ посторонней помощи не могъ.

На другой день, т. е. 21-го іюля, я проснулся рано. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза—это мой сосѣдъ справа, Костырко; онъ умеръ, и никто не закрылъ ему глаза. Его смерть произвела на меня тяжелое впечатлѣніе; мнѣ пришло въ голову: вѣдь и мой конецъ, можетъ быть, близокъ, и подумаешь, изъ-за-чего человѣкъ бьется. Спустя нѣкоторое время, смерть Костырки была замѣчена служителемъ, и его вынесли. Графа Стембока, для операціи, перенесли въ другое помѣщеніе, и я приказалъ переложить себя на его мѣсто; но мой новый сосѣдъ, люблинскій капитанъ, къ вечеру тоже умеръ; это я встрѣтилъ уже спокойнѣе.

Я уже выше сказалъ, что все мое имущество было отбито,—ни денегъ, ни бѣлья у меня не было; деньщикъ снялъ съ меня рубаху, чтобы вымыть, я же остался въ видѣ Адама, покрытый буркою. Жажда мучила страшно; за стаканъ чаю готовъ былъ-бы отдать полжизни; но и за эту цѣну трудно достать, а просить незнакомыхъ—лучше томиться. Въ такомъ видѣ, часовъ около девяти, перевязалъ мнѣ рану докторъ Верминскій, въ присутствіи Эрасга Стенановича Андреевскаго, доктора, состоявшаго лично при главнокомандующемъ, по приказанію котораго онъ осматривалъ всѣхъ раненыхъ. Тутъ-же полковникъ Дружининъ, комендантъ главной квартиры, громко объявилъ намъ, что главнокомандующій разрѣшаетъ намъ ѣхать лечиться куда угодно, лишь-бы въ районѣ арміи;

что его сіятельство приказать изволилъ: прямо обращаться къ нему, если кто имѣетъ какую нужду; что намъ будетъ вообще оказано денежное пособіе, и добавилъ, между прочимъ, что намъ къ обѣду готовится супъ и жаркое. Невольно всѣ улыбнулись на послѣднее добавленіе, и оно, пожалуй, больше всего обрадовало голодную публику. Вслѣдъ затѣмъ, меня посѣтилъ баронъ Сталг, о которомъ я уже говорилъ; у него всего капитала было въ кошелькѣ 6 рублей, и онъ со мною подѣлился пополамъ, такъ-что мы съ Максимомъ вечеромъ уже пили чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. Около десяти часовъ, къ намъ пришелъ начальникъ главнаго штаба, генераль-лейтенантъ Гурко, обошелъ раненыхъ и, подойдя ко мнѣ, не знаю уже почему, обратился съ вопросомъ: „можетъ быть, вамъ что-нибудь нужно“? Надо полагать, что моя молодость обратила его вниманіе. Я открылъ бурку и сказалъ: „прошу приказать мнѣ дать солдатскую лазаретную рубаху; я, видите, лежу голый“. — „Потерпите, завтра главнокомандующій дастъ вамъ по 20 червонцевъ“. У меня кровь бросилась въ голову, и дальше не помню, что со мною было, — такъ меня оскорбилъ отвѣтъ этого генерала, который, между прочимъ, какъ сегодня вижу, былъ одѣтъ, какъ денди съ неяскаго: бѣлые брюки, такой-же жилетъ, сюртукъ генеральнаго штаба безъ эполетъ, съ тросточкой, которую, надо полагать, возилъ съ собою во вьюкѣ, потому что въ Герзель-аулѣ едва-ли можно было такую пріобрѣсть. И костюмъ, и манера далеко не шли къ генералу, занимающему такой высокій постъ.

Лишь только ушелъ генераль Гурко, все засуетилось, и въ палату вошелъ главнокомандующій, въ сопровожденіи доктора Андреевскаго, полковника Дружинина и адъютанта. Сдѣлавъ общій поклонъ наклоненіемъ головы, спросилъ громко полковника Дружинина: передалъ-ли онъ намъ его предложеніе? Дружининъ живо отвѣтилъ: „какъ-же, ваше сіятельство, я передалъ обо всемъ, что вы жертвуете“. Князь Воронцовъ вдругъ вытянулся, поблѣднѣлъ; какъ-то борода у него затряслась и, возвысивъ голосъ, сказалъ:

„какъ вы смѣли сказать, что я жертвую? какое я имѣю право жертвовать офицерамъ? это жалуетъ Государь“! Затѣмъ, повернувшись спиною къ Дружинину, совершенно спокойно, съ добродушною улыбкою, началъ освѣдомляться о здоровьи каждаго, при чемъ Андреевскій пофранцузски объяснялъ состояніе здоровья тяжело раненныхъ. Очередь дошла до меня. Надо сказать, что у меня нагноеніе раны до того было сильное, что еще издали былъ слышенъ тяжелый запахъ, противный мнѣ самому; но князь Воронцовъ подошелъ ко мнѣ близко, выслушалъ съ полною подробностію пофранцузски докладъ о состояніи раны, и потомъ сказалъ: „мужайтесь, молодой человекъ! Богъ милостивъ, вы молоды еще; не только оправитесь, но успѣете за себя отомстить; кто начинаетъ такъ доблестно военное поприще, у того много хорошаго въ перспективѣ“. У меня вообще были нервы разстроены, вниманіе и теплыя слова стараго вождя вызвали невольно слезы; — такъ привѣтливо можетъ говорить и производить впечатлѣніе только личность, подобная князю Воронцову, — онъ видѣлъ не одну смерть въ своей жизни. Миръ праху твоему, доблестный вождь! Гдѣ ты былъ — вездѣ оставилъ по себѣ память, а твоя дѣятельность принадлежитъ исторіи.

День казался безконечно-длиннымъ; жара, мухи и французская неумолкаемая рѣчь гвардейцевъ страшно надоѣли, особенно слово *écoutez*. Казалось, безъ этого они не умѣли ничего начинать.

Вся потеря наша въ описываемую экспедицію состояла: убито — генераловъ 3, штабъ-офицеровъ 7, оберъ-офицеровъ 28, нижнихъ чиновъ 909; ранено — штабъ-офицеровъ 11, оберъ-офицеровъ 96, нижнихъ чиновъ 1,951; безъ вѣсти пропало — нижнихъ чиновъ 42; контужено — штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 22, нижнихъ чиновъ 248.

Изъ этого числа собственно въ кабардинскомъ полку убиты полковникъ Ранжевскій, штабъ-капитанъ Тимаховичъ, поручикъ

Маевскій, прапорщики—Войнеловичъ и Невинскій; ранены: штабсъ-капитаны—Дуровъ, Краузе, Кириленко, фонъ-Нейманъ; поручики—Алалаевъ и Ежовъ; подпоручики—Гаркушевскій, Нѣмцовъ, Мажаровъ и Кудрявцевъ; прапорщики—Чернецкій, Прушинскій и Гейманъ; прикомандированные—адъютантъ Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя, гвардіи полковникъ князь Барятинскій и лейбъ-гвардіи измайловскаго полка поручикъ Козляниновъ.

VI.

Переѣздъ раненыхъ въ кр. Вnezапную. Пребываніе въ госпиталѣ. Штабъ-квартирная жизнь. Полковой балъ. Переѣздъ въ Ставрополь. На пути балъ въ ст. Червленной.

22-го іюля, раннимъ утромъ, всѣмъ раненымъ было отпущено денежное пособіе: штабъ-офицерамъ по 40, а оберъ офицерамъ по 20 голландскихъ червонцевъ. Такого золота и такъ много денегъ у меня еще никогда не было. Здѣсь-же намъ также объявили, что желающіе ѣхать въ кр. Вnezапную могутъ отправиться въ 10 часовъ; мы и отправились, въ числѣ 26-ти офицеровъ и 600 нижнихъ чиновъ, на кумыкскихъ арбахъ. Ни одна пытка инквизиціи не можетъ сравниться съ тѣми мученіями, какія пришлось испытывать при эгомъ переѣздѣ. Надо полагать, что арбы нарочно выдуманы правовѣрными, чтобы православнымъ, ѣхавшимъ на нихъ, вытрясти всю душу. Каждый толчекъ сопровождался мучительною болью; я лежалъ, сидѣлъ, и все напрасно. Пришлось терпѣть...

Въ конвой транспорта съ ранеными были назначены 1-й и 2-й баталіоны кабардинскаго полка. Эти грозные, предъ выступле-

ніемъ въ походъ, баталіоны представляли собою какіе-то клочки, составленные изъ загорѣлыхъ, исхудалыхъ солдатъ, въ весьма попошенномъ костюмѣ, но все-же бодрыхъ, могущихъ за себя постоять. Я помню, на вопросъ мой: сколько штыковъ? мнѣ отвѣтили, что среднимъ числомъ въ ротѣ по 32 штыка. Это все, что осталось; слѣдовательно, въ каждой ротѣ вышло изъ строя, убитыми, ранеными и заболѣвшими слишкомъ 170 человекъ, — и это въ какіе нибудь два мѣсяца! Изъ офицеровъ остались цѣлыми: майоръ Тиммерманъ (онъ командовалъ нашею колонною), штабсъ-капитаны — Цитовскій, Горяиновъ, поручики — Гостыминскій и Киселевъ.

Огромный обозъ шелъ медленно, для облегченія страданій тяжело раненыхъ; постоянныя остановки, — такъ что уже почти садилось солнце, когда мы добрались до теперешняго Хасавъ-юрта. Тутъ былъ продолжительный привалъ; уже очень поздно кое-какъ дотащились до кр. Вnezпной. Это, кажется, единственная крѣпость, которая вполне соотвѣтствовала своему назначенію; она расположена была на правомъ возвышенномъ берегу рѣки Акташъ, и, при проѣздѣ по дорогѣ со стороны линіи, открывалась вдругъ, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла (*). Госпиталь въ кр. Вnezпной имѣлъ всего 300 мѣстъ для нижнихъ чиновъ и десять офицерскихъ, поэтому, можно себя вообразить, какая давка и какъ мало могло быть удобствъ для помѣщенія такого огромнаго количества больныхъ. Всѣ казармы и офицерскіе флигеля были очищены. Насъ помѣстили въ офицерскую палату. Я чувствовалъ полное изнеможеніе. Пришло нѣсколько врачей — дѣлать намъ перевязки. Я попалъ на долю лекаря Прянишникова; отъ него такъ несло водкою, что не было возможности терпѣть; притомъ, онъ уже очень безцеремонно взялся за перевязку, и отъ невольнаго толчка ногою не успѣлъ опомниться, какъ очутился подъ кроватью. Тутъ-же былъ молодой врачъ

(*) Кр. Вnezпная нынѣ упразднена.

Костимиревскій; онъ меня успокоилъ и перевязалъ рану. Хотя въ госпиталь насъ содержали, относительно, не совѣмъ хорошо, но дѣлали все возможное.

Черезъ нѣсколько дней, проѣздомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, посѣтилъ насъ главнокомандующій, очень подробно освѣдомился о здоровьи каждаго изъ насъ, а также о содержаніи, и съ полною заботливостью приказалъ оказывать намъ совершенное вниманіе.

По прибытіи нашемъ въ госпиталь, первое время завѣдывалъ нашею палатою лекарь Дуцанскій; но, дня черезъ два, мы настоятельно просили о назначеніи другаго, и намъ дали молодого врача Костимиревского (*). Много мы ему обязаны, особенно я; положительно, онъ спасъ мнѣ жизнь. Костимиревскій кровный руссакетъ; Москву и все русское обожалъ; весьма развитой и хорошо владѣвшій словомъ; онъ, не говоря уже о томъ, что всегда дѣлалъ намъ перевязку собственноручно, просиживалъ у насъ до поздней ночи, говоря безъ умолку; это не мало развлекало насъ, при скучной госпитальной обстановкѣ. Первоначально мы были очень тѣсно размѣщены; поэтому, восьмерыхъ изъ насъ перевели въ два офицерскіе флигеля, и въ одномъ изъ нихъ, въ двухъ комнатахъ, мы размѣстились вчетверомъ: въ первой комнатѣ помѣщался гвардейской артилеріи поручикъ Форселлесъ (**); онъ былъ раненъ въ кисть руки. Рана хотя не очень опасная, но онъ, бѣдный, очень страдалъ и проводилъ безсонныя ночи; малѣйшее сотрясеніе производило страшную боль, а тутъ, на бѣду, доски на полу ходили, какъ клавиши. Во второй комнатѣ расположились: я, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка поручикъ Козляниновъ, раненый въ обѣ ноги и въ носъ, и лейбъ-гвардіи литовскаго полка поручикъ Лапа (***), раненый доволь-

(*) Кажется, нынѣ въ отставкѣ, проживаетъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

(**) Нынѣ генераль-лейтенантъ.

(***) Лапа, кажется, былъ впоследствии полиціимейстеромъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

но легко въ руку. Намъ было просторно и удобно, но съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе слабѣлъ; отдѣленіе костей, нарывы и сильное нагноеніе окончательно меня изнурили; открылся сильный кашель, кровь и матерія, вмѣсто истеченія изъ раны, которая почти была сухая, шли горломъ. Дни мои были сочтены; я уже еле дышалъ. Потомъ уже мнѣ сказали, что Костимировскій назначилъ мнѣ жизни одинъ день, но онъ же и спасъ меня, ухитрившись приладить иначе перевязку: изъ мокрой газетной бумаги сдѣлалъ валикъ, умудрился его очень туго прикрѣпить бинтомъ съ лѣвой стороны груди, чтобы не допускать матерію просачиваться изъ раны въ грудную полость. Кашель тотчасъ началъ уменьшаться, образовался ниже плеча, на груди, нарывъ — его вскрыли; потомъ силы поддерживали хересомъ, крѣпкими бульонами, и я началъ быстро поправляться, такъ что въ концѣ сентября, при посторонней помощи, могъ прохаживаться по комнатѣ. Все это время Козляниновъ меня не оставлялъ и нравственно поддерживалъ; письма отъ родныхъ, знакомыхъ, полныя сочувствія, доставляли истинную отраду. Во время самага кризиса, я просилъ Козлянинова прочитывать ихъ по нѣсколько разъ; онъ же былъ моимъ секретаремъ, отвѣчая за меня. Козляниновъ былъ человѣкъ съ отличнымъ сердцемъ, способенъ на все честное, храбрый офицеръ; онъ всею душею любилъ своихъ измайловцевъ и былъ вполне достойнымъ представителемъ этого славнаго полка. Ранняя смерть Константина Яковлевича лишила нашу армію полезнаго, дѣятельнаго человѣка (*).

Старшимъ врачомъ въ госпиталѣ былъ статскій совѣтникъ М., уже порядочная развалина, но предобрый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, препотѣшный старикъ. Онъ очень часто съ нами бесѣдовалъ, и одинъ

(*) Командуя, кажется, пражскимъ полкомъ, убитъ въ послѣднее возстаніе въ Польшѣ, въ 1863 году; говорятъ, что повстанецъ разсѣкъ ему топоромъ голову.

разъ, съ полнымъ простодушіемъ, разсказалъ про свою женитьбу въ Петербургѣ. Ему предложило одно высокопоставленное лицо жениться, само изволило сватать; но онъ, подобно мусульманину, невѣсты не видѣлъ, и послѣ свадебнаго пира, тутъ - же подкатила почтовая тройка, вручили ему подорожную, прогоны, и покатилъ молодой супругъ, вмѣсто спальни новобрачной, на погибельный Кавказъ. Огъѣздъ мотивировали тѣмъ, что онъ молодежь, а положеніе жены требуетъ, чтобы онъ заслужилъ нѣкоторыя регаліи. Спустя нѣсколько лѣтъ, М. получилъ орденъ на шею, и отправился въ Петербургъ, чтобы порадовать жену, и съ твердымъ намѣреніемъ, во что-бы ни стало, или взять ее съ собою, или жить съ нею въ Петербургѣ. Является утромъ, его принимаютъ очень любезно, тотчасъ ему представили его дѣтей, которыя, хотя всѣ значились по формуляру, но онъ ихъ видѣлъ въ первый разъ; отвели ему комнату на другомъ концѣ обширной квартиры, подъ видомъ того, чтобы не беспокоили дѣти. Надо знать, что въ то время на Кавказѣ была мода носить бешметы; и вотъ, почтенный М., когда его позвали вечеромъ-пить чай, полагая произвести извѣстный эффектъ, нарядился въ новый бешметъ и явился съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, пуская ароматный дымъ. Но каково было его удивленіе, когда супруга, назвавъ его невѣжею, просто выгнала вонъ, и утромъ онъ получилъ строжайшее предписаніе отъ начальства—немедленно отправиться къ мѣсту служенія. Судя по интонаціи голоса, казалось, больше всего оскорбило М. послѣднее событіе, и онъ съ тѣхъ поръ въ Петербургъ больше не ѣздилъ.

Въ числѣ раненыхъ, лечившихся въ Внезапной, былъ и полковникъ Альбрантъ. Послѣ операціи 14-го іюля, по прибытіи отряда въ Герзель-аулъ, онъ тотчасъ отправился въ Внезапную и жилъ въ домѣ полковаго командира. Когда Левъ Львовичъ началъ выходить, часто насъ посѣщалъ, а потомъ, и мы къ нему ходили. Это была личность не дюжинная: средняго роста, брюнетъ, глаза искрились огнемъ; владѣя вполне словомъ, онъ говорилъ увлекательно.

Трудно допустить человека болѣе энергичнаго и симпатичнаго; при этомъ, онъ былъ экзальтированъ. Изъ нашихъ частыхъ бесѣдъ, вотъ два эпизода, сохранившіеся у меня въ памяти, частію изъ рассказовъ самого Л. Л. Альбранта, а частію, касательно его женитьбы, изъ словъ роднаго его племянника, въ то время прапорщика, Богдановича (*).

Л. Л. Альбрантъ былъ молодымъ еще человекомъ. Не умѣю сказать, гдѣ онъ служилъ—въ военной или въ гражданской службѣ. Живя въ Петербургѣ, онъ полюбилъ одну дѣвушку съ полнымъ увлеченіемъ молодой страстной натуры; но, когда сдѣлалъ предложеніе, чтобы связать себя узами Гименея, ему отвѣчали, что его тоже любятъ, но до тѣхъ поръ не состоится его свадьба, пока онъ не сдѣлаетъ военнаго отличія, которое составляло бы ея гордость. Понятно, что искреннюю любовь со стороны дѣвицы подозрѣвать трудно, но довольно было одного слова—и Альбрантъ полетѣлъ на Кавказъ. Молодой Альбрантъ попалъ въ адъютанты, или состоялъ при бывшемъ командирѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, баронѣ Розенѣ—хорошо не помню; но былъ въ экспедиціи, окончившейся взятіемъ Гимръ и смертью знаменитаго Кази-муллы, предшественника Гамзатъ-бека, а потомъ Шамиля. Альбрантъ былъ посланъ, съ двумя ротами тифлисскаго полка, на штурмъ башни; лѣвѣе шли эриванцы на укрѣпленные завалы. Со стороны атакующихъ тифлисцевъ, башня стояла довольно высоко, одно лишь окно, въ которое можно было влѣзть, и по сторонамъ нѣсколько бойницъ. Тифлисцы подбѣжали къ башнѣ; предстояло лѣзть въ окно на вѣрную смерть, по крайней мѣрѣ, первымъ смѣльчакамъ. Альбрантъ обратился къ солдатамъ: „братцы! кто честный русскій солдатъ, тотъ за мною, —

(*) Смертельно раненъ при отступленіи отъ аула Гурдали, 11-го августа 1852 года; въ тотъ-же день умеръ въ чинѣ капитана.

подсадите“! Съ этими словами онъ полѣзъ первый. Когда Альбрантъ поднялся въ окно, его осыпали пулями, и одна прострѣлила ему грудь навывлетъ. Единственною мыслью у него было—упасть впередъ, а не назадъ, что онъ и успѣлъ сдѣлать. За нимъ влѣзъ фельдфебель, затѣмъ, поодионочѣ, и остальные. Конечно, первые герои пали, но остальные перекололи всѣхъ, бывшихъ въ башнѣ горцевъ, въ томъ числѣ палъ и Кази-мулла. Когда окончилось дѣло, и начали вытаскивать изъ башни тѣла убитыхъ горцевъ и своихъ, послѣднимъ вытащили, безъ признаковъ жизни, Альбранта. Онъ палъ первымъ, и всѣ, влѣзшіе въ окно, прыгали на него. Тутъ случился молодой врачъ, который замѣтилъ въ немъ признаки жизни; оказано было пособіе, а молодость и энергія поставили его на ноги, хотя и не скоро. Левъ Львовичъ, когда нѣсколько оправился, поѣхалъ въ Петербургъ. Мысли о женитьбѣ уже не было, — прошло нѣсколько лѣтъ, можно было успокоиться и убѣдиться, что кого любятъ, того не подвергаютъ случайностямъ войны. Онъ не былъ въ домѣ своей возлюбленной. Уже довольно долго прожилъ въ Петербургѣ. Какъ-то разъ, возвращаясь послѣ веселаго завтрака у Дюссо, онъ вдругъ встрѣчаетъ ея брата, который, повидимому, ужасно обрадовался встрѣчѣ. Тутъ ловко было вставлено, что сестра только-что узнала о его пріѣздѣ и съ нетерпѣніемъ желаетъ его видѣть. Альбрантъ вспыхнулъ; вся прежняя страсть воскресла живѣе; берутъ извозчика, ѣдутъ. На лѣстницѣ онъ слышитъ звуки пьесы, которая его нѣкогда сводила съ ума; вбѣгаетъ, падаетъ на колѣна —и все кончено. Черезъ мѣсяцъ была свадьба, а послѣ первыхъ родовъ, которые дали ему двухъ близнецовъ-сыновей, онъ потерялъ жену.

Въ разговорѣ съ нами, Левъ Львовичъ, вспоминая о женѣ съ глубокимъ чувствомъ, говорилъ, что его жизнь съ женою была короткимъ сномъ, единственное, лучшее, свѣтлое въ его жизни...

Не знаю, до женитьбы или послѣ, Левъ Львовичъ, по предварительному согласію нашего и персидскаго правительствъ, былъ

посланъ въ Тегеранъ, чтобы вывезти оттуда, если пожелаютъ, нѣсколько сотъ нашихъ бѣглыхъ и плѣнныхъ. Очень понятно, приѣздъ Альбранта не могъ понравиться шаху и персидскимъ властямъ. Первый не далъ ему даже аудіенціи. Наши составляли особую стражу, нѣчто въ родѣ гвардіи при властителѣ Персіи, помѣщались въ особой казармѣ, и жилось имъ относительно не дурно. Левъ Львовичъ, представившись властямъ и получивъ разрѣшеніе, отправился въ казарму, и, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, сказалъ бѣглецамъ рѣчь, напомнивъ имъ о родинѣ, о церкви, о присягѣ въ вѣрности Царю, и заключилъ, что имъ будетъ дано полное прощеніе, за что онъ отвѣчаетъ, и что онъ нарочно присланъ, чтобы имъ все это объявить и вывезти изъ Персіи. Ораторствовалъ онъ, забравшись на нары, и, окончивъ рѣчь, предложилъ желающимъ отдѣлиться въ одну сторону. Постепенно, почти всѣ согласились возвратиться, но тутъ одинъ изъ слушателей обозвался: „что, братцы, онъ балы-то точить; небось, говоритъ красно, теперь все обѣщаетъ, а потомъ, какъ прійдемъ, насъ всѣхъ разстрѣляютъ, или разошлютъ по арестантскимъ ротамъ“. Во мгновеніе ока Альбрантъ подскочилъ къ оратору, отпустивъ полновѣсную пощечину, и крикнулъ: „какъ ты смѣешь такъ говорить при офицерѣ? Молчать, каналья!“ Тотчасъ невольно опустили руки у дерзкаго. „Виноватъ, ваше высокоблагородіе, больше не буду, это по глупости“. Эта находчивость Альбранта окончательно дала толчекъ, и всѣ безъ исключенія изъявили согласіе идти изъ Персіи. Чтобы еще болѣе увлечь этотъ сбродъ, Левъ Львовичъ, ничего не пившій, три дня съ ними пировалъ; на четвертый день раздѣлил всю команду на роты и капральства, назначилъ старшихъ, и въ строгомъ порядкѣ выступилъ изъ Тегерана. Но, передъ выступленіемъ, роздалъ каждому по одному патрону, съ тѣмъ, что они могутъ его убить, если не будутъ всѣ поголовно прощены.

Независимо разсказа объ этомъ самого Альбранта, все подтвердилъ и дополнилъ хорунжій, кажется, моздокскаго полка, кото-

рый въ то время былъ казакомъ и ѣздилъ съ нимъ въ Персію, и, по случаю болѣзни Льва Львовича, по старой памяти, ухаживалъ за нимъ во Внезапной.

Эти только-что разсказанные два эпизода изъ жизни и дѣятельности Льва Львовича Альбранта отчасти его характеризуютъ; притомъ, онъ былъ до крайности добръ и очень мягкаго характера. Умеръ впоследствии, въ чинѣ генералъ-маіора, начальникомъ одного изъ отдѣленій бывшей черноморской береговой линіи.

Съ начала октября, здоровье мое начало поправляться; много костей уже отдѣлилось и вынуто; было рѣшено, что пулю извлечь нельзя. Я дѣлалъ уже легкія прогулки по крѣпости, но въ халатѣ. Въ концѣ октября приѣхалъ во Внезапную начальникъ лѣваго фланга генералъ Фрейтагъ. Командиръ полка, потребовавъ полковаго адъютанта, штабсъ-капитана Козинцова (*), отдалъ приказаніе: „позвать, какъ... нашихъ дамъ сегодня на балъ“. А ихъ-то всѣхъ было четыре, да госпитальныхъ три, и того—семь. Впрочемъ, у аптекарши было чуть-ли не пять дочерей — старшей десять, младшей пять лѣтъ; онѣ тоже считались дамами, и прапорщики съ ними упражнялись въ танцахъ. Въ то время были у насъ еще короткіе мундиры, и они далеко были не у всѣхъ; поэтому, многихъ изъ офицеровъ не было на балу; я же, какъ раненый, былъ въ сюртукѣ, который съ большимъ трудомъ надѣлъ первый разъ. Тутъ-же, на балу, полковымъ командиромъ я былъ представленъ генералу Фрейтагу, при нѣсколькихъ лестныхъ отзывахъ. Робертъ Карловичъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ нѣсколько простыхъ, ласковыхъ словъ, спросилъ, между прочимъ, о состояніи здоровья. Квартира полковаго командира была довольно тѣсная, танцовали въ малень-

(*) Убитъ въ чинѣ капитана, въ 1847 году, въ набѣгѣ къ аулу Зондакъ.

кой залѣ; музыка помѣщалась въ сѣняхъ, и что она тамъ играла—трудно было разобрать; но шуму было много. Въ антрактахъ, между кадрилими, ставили для дамъ варенье, маркитантскіе конфекты; но, чуть повѣстка кадрили—все уносилось, чтобы прапорщики не поѣли. Надо полагать, что распоряженіе было не отъ хозяина, а изобрѣлъ его мажордомъ. Закуска въ особой комнатѣ для офицеровъ, правда, далеко не изысканная, за то обильная, то и дѣло подновлялась. Часовъ въ 12-ть—ужинъ, въ этой же залѣ, гдѣ танцевали; безконечное накрываніе стола, за ужиномъ тостъ за здоровье виновника торжества, потомъ желе — офиціальное пирожное въ то время во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ; однимъ словомъ, балъ, какъ слѣдуетъ.

Въ тѣ времена штабъ-квартирная жизнь была далеко не привлекательная: полковыхъ собраній не было, библіотеки заключались въ нѣсколькихъ періодическихъ журналахъ — и то, они читались немногими; квартиры отвратительныя, общества никакого, всѣ жили на походную ногу. Вся форма заключалась въ сюртукѣ съ контръпогончиками; широчайшіе верблюжьи шаровары, непременно съ шелковымъ очкуромъ, дополняли костюмъ, да азіятская пашка подъ серебромъ, неразлучная спутница каждаго; зимою—шубка изъ мерлушекъ азіятскаго покроя. Вотъ костюмы, въ которыхъ ходили офицеры и дома, и на службѣ, и представлялись начальству. Считалось у насъ еще большимъ шикомъ имѣть подъ сюртукомъ шелковый бешметъ и на поясѣ кинжалъ, — тогда уже сюртукъ растегнутый. Я помню, какъ сегодня, въ описываемую экспедицію у В. М. Козловскаго былъ зеленый бешметъ, на поясѣ большой кинжалъ подъ серебромъ; въ такомъ костюмѣ, для начальства, и то—большаго, застегивались верхнія три пуговицы на сюртукѣ; но дисциплина, однако, отъ этого не страдала; напротивъ, она была образцовая.

Какъ видитъ читатель, скарбъ у офицеровъ былъ небольшой; за то, рѣдкій изъ нихъ не имѣлъ хорошей верховой лошади, съ

приличнымъ азіятскимъ сѣдломъ, и всѣ лихо ѣздили верхомъ. Большинство офицеровъ было занято ежедневно службою, а свободные сходились, какъ говорилось, „заводить толковище“; обыкновенно, являлась водочка, закусочка и зачастую требовались пѣсенники — утро-ли это, вечеръ, или ночь, все равно — какъ прійдетъ вдохновеніе; это считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Сказавъ, что мы въ то время не читали, будетъ не совсѣмъ вѣрно; напротивъ того, въ большой модѣ тогда были три журнала: „Современникъ“, „Отечественныя записки“ и „Сынъ отечества“; но они читались при различныхъ условіяхъ, напримѣръ: въ походѣ читали всегда „Современникъ“, это — спиртъ; въ штабъ-квартирѣ всегда „Отечественныя записки“ — очищенная; ну, а „Сынъ отечества“ — полугаръ, только при неимѣнні другихъ журналовъ. Публика соберется въ нѣсколько человѣкъ; немного почитаютъ—ну, и весело. Маркигантская лавка представляла собою нѣчто въ родѣ клуба: тамъ пили портеръ, привилегированное аристократическое питье, и всегда мы его имѣли отличнаго качества; сардинки, сыръ и колбаса, единственные привилегированныя закуски, отвратительнаго качества. Вообще, жили очень неприхотливо. По вечерамъ обыкновенно человѣкъ десять, иногда больше, собирались въ полковую канцелярію — узнать новости и сплетни. Такъ проходили дни за днями. Одни тревоги чуть-ли не каждый день нѣсколько нарушали монотонность, но и къ нимъ такъ привыкли, что если кого-нибудь притащатъ на носилкахъ, то это не нарушало обыденныхъ привычекъ: никто не былъ застрахованъ отъ смерти или раны. Много надо было имѣть силы воли, чтобы такъ долго прожить; однако, до того свыклись, что и подъ старость грустили объ этой жизни: видно, привычка другая натура.

Приходила оказія (*) съ линіи; она привозила почту и всѣ

(*) Колонна.

новости. Это событіе нарушало на нѣсколько часовъ обыденную жизнь. Оказія посылалась разъ въ недѣлю въ укр. Ташкичу, съ небольшимъ 30 верстъ; на другой день свѣжая рота шла въ Амир-аджи-юртъ; къ вечеру — назадъ, и на третій день колонна возвращалась во Вnezапную. Въ оказію назначалась рота съ орудіемъ, иногда двѣ и больше, послѣднее зависѣло отъ сбора по близости горцевъ. Обыкновенно, нѣсколько человѣкъ молодежи отпросятся въ Ташкичу, подъ видомъ покупокъ. Всегда отпускали; но чуть оказія скроется изъ вида крѣпости, нагайка щелкнула — и были таковы! Къ вечеру — въ Червленной или въ Щедринѣ; это верстъ 80. Тамъ дневка, и на третій день, не доходя Вnezапной, догонялась оказія и возвращались, какъ ни въ чемъ не бывало. Конечно, никто никакихъ покупокъ не дѣлалъ, и всѣ это знали.

Станица Червленная была своего рода Андалузія; всѣ мечты стремились туда. Не даромъ, и пѣсня была сложена:

Въ Ташкичу я не хочу,
Въ Грозную не надо;
А въ Червленную пойдемъ —
Тамъ всѣ радости найдемъ.

Въ тѣ времена женитьба считалась роскошью, и это право принадлежало денежному люду, на примѣръ: казначею, квартирмейстеру, которымъ и подобало вступать въ законный бракъ; прочіе, вообще, не торопились разставаться съ свободою. Впрочемъ, сказать правду, и приманки не было, и, конечно, невѣсты не засиживались, если судьба ихъ забрасывала въ штабъ-квартиру. Тутъ не разбиралось, есть-ли зубы, или нѣтъ, — все равно. Не то, что теперь, когда все, очертя голову, женится — впрочемъ, и не безъ причины, если присмотрѣться ближе.

Около половины ноября мы, съ Козляниновымъ, рѣшили вмѣстѣ выѣхать изъ Вnezапной; я — въ Ставрополь, чтобы лечиться у

родныхъ, а онъ намѣревался пробраться въ Новгородскую губернію, тоже къ роднымъ. Купили повозку, что-то въ родѣ брички. 20-го ноября, съ оказіею, выѣхали, и только 23-го добрались до Червленной. Каждое сотрясеніе производило страшную боль. Я-было рѣшилъ совсѣмъ возвратиться обратно, но товарищъ уговорилъ ѣхать дальше; я согласился, и мы условились дѣлать двѣ-три станціи въ день, а иногда и дневку; первую сдѣлали 24-го ноября, въ ст. Червленной.

Утромъ, мы находились еще въ постели, когда къ намъ зашелъ баронъ Франкъ, поручикъ нашего полка (*); въ сущности, онъ былъ хорошій малый, но службы не любилъ; присталъ къ намъ, какъ съ ножомъ къ горлу, чтобы вечеромъ быть на балу у князя Гагарина, по случаю именинъ его сестры, и что ему поручили насъ пригласить. Намъ было не до бала, и мы отказали наотрѣвъ, что больны, не можемъ одѣться, да и незнакомы. Черезъ часъ опять является баронъ, опять настойчиво упрашиваетъ быть на балу, говоря, что мы можемъ быть въ какомъ угодно костюмѣ; насъ, какъ раненыхъ, просили не стѣсняться, что за нами пришлютъ экипажъ и, наконецъ, сама княжна собирается насъ навѣстить. Не знаю, можетъ быть, Франкъ послѣднее отъ себя прибавилъ, но это меня до того напугало, что я согласился быть, лишь-бы княжна не пріѣзжала. Какъ ее принять въ казачьей избѣ? Да и одѣваться—была своего рода пытка. Однако, когда баронъ ушелъ, мы рѣшили все-таки не быть на балу, если за нами не пришлютъ; но, черезъ часъ, является казакъ отъ князя съ вопросомъ: въ которомъ часу прислать экипажъ? Пѣшкомъ, молъ, прійдемъ—былъ отвѣтъ.

Вечеромъ опять является, какъ злой духъ, баронъ Франкъ, и

(*) Перешелъ въ казаки и, кажется, умеръ

съ нимъ два казака съ фонарями. Дѣлать нечего, надо идти — и мы отправились. Съ трудомъ мы пробирались, обходя страшную грязь. Выйдя на площадь, мы увидѣли залитый огнями двухъ-этажный домъ командира гребенскаго полка, полковника Суслова (*), который большую часть своей квартиры уступилъ семейству князя Гагарина.

Прикомандированный къ гребенскому полку, кажется, въ то время ротмистръ по кавалеріи, князь Гагаринъ, съ цѣлымъ семействомъ, жилъ въ Червленной; надо полагать, что ему некуда было дѣваться, если онъ не нашелъ лучшаго мѣста. При немъ жила и его сестра, княжна Екатерина, виновница торжества. Впослѣдствіи, князю Гагарину, подъ Гергебилемъ или Салтами, оторвало ногу, и онъ слылъ подъ названіемъ безногаго Гагарина; куда-же потомъ дѣвался—не знаю.

Наконецъ, добрались. У дверей освѣщенной залы любезно насъ встрѣтилъ хозяинъ, представилъ княгинѣ, молодой, весьма красивой женщинѣ, съ прекраснаго цвѣта пепельными волосами; потомъ—швейцаркѣ, гувернанткѣ; наконецъ, изъ боковыхъ дверей выходить княжна. Насъ представили, и я тутъ растерялся по слѣдующимъ причинамъ: вопервыхъ, я воображалъ княжну идеальной красавицею; тутъ — наоборотъ: довольно полная и не первой молодости дѣвушка, у которой оспа оставила на лицѣ страшные слѣды; вовторыхъ, не успѣли мы поклониться, княжна посыпала мелкимъ бисеромъ пофранцузски, да такъ безостановочно, что я никакъ не могъ выбрать момента, чтобы сказать, что не говорю пофранцузски. Княжна имѣла, повидимому, привычку всегда близко стоять, съ кѣмъ разговариваетъ, такъ что даже дыханіе ея

(*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ, состоитъ по кавалеріи.

слышно; я началъ тихонько пятиться; она наступаетъ; наконецъ, свади—диванъ, и отступление отрѣзано. Рѣчь княжны была безъ перерыва, и сначала я, должно быть, былъ пресмѣшной, выпучивъ глаза и не зная, что мнѣ дѣлать; я первый разъ въ жизни былъ на княжескомъ балу и чистосердечно въ умѣ каялся, что не говорю пофранцузски. Потомъ, постепенно возвратилось самосознаніе; я разсудилъ, что все-равно, ничего не понимаю, и началъ разсматривать публику. Крутомъ стѣнъ, на стульяхъ, возсѣдали мамуки и нянюки (*). Между ними было очень много красавицъ. Своеобразный азіятскій костюмъ, который я видѣлъ въ первый разъ, поразилъ меня оригинальностію; было нѣсколько дамъ и въ европейскихъ костюмахъ. Наконецъ, все разсмотрѣлъ; оставалось пересчитать только развѣ свѣчи, а княжна все продолжаетъ. Но вдругъ, по голосу я догадался, что мнѣ предложили вопросъ; я скромно отвѣтилъ, что не говорю пофранцузски. Княжна была очень любезна, нисколько не измѣняясь, повторила то-же порусски, только покороче. Дѣло въ томъ, что лейбъ-гусаръ князь Мещерскій, большой ея другъ, былъ тяжело раненъ, и его повезъ въ Москву мой родной братъ, докторъ, котораго княжна считала очень любезнымъ и острымъ.

Заиграла музыка—ужъ, право, не помню, какая. Начались танцы: кадрили, вальсъ и очень часто лезгинка, которую танцовали одни станичныя дамы. Лезгинку я тоже видѣлъ въ первый разъ. Этотъ граціозный танецъ не лишенъ прелести, если его танцуетъ хорошенькая женщина. Мнѣ кажется, ни въ одномъ танцѣ женщина не имѣетъ возможности такъ выказать свою грацію и кокетство,

(*) Гребенскіе казаки—старообрядцы, говорятъ особымъ русскимъ нарѣчіемъ; замужнія женщины называются мамуками, а дѣвушки—нянюками.

какъ въ лезгинкѣ; но для этого, дѣйствительно, надо имѣть и то, и другое.

Въ половинѣ вечера опять княжна подсѣла ко мнѣ. Ей, по-видимому, нравилось неожиданными оборотами рѣчи конфузить молодого, неопытного юношу. Можетъ быть, это напоминало ей прошедшую юность? Но надо отдать полную справедливость и уму, и любезности княжны Екатерины, хотя мнѣ было и не подъ силу поддерживать разговоръ,—что она не могла не замѣтить.

Гостепріимство чисто барское, и любезное вниманіе хозяевъ ко всѣмъ гостямъ бросалось всѣмъ въ глаза, хотя незамѣтно по ихъ лицамъ и скользила иногда улыбка, при неловкости нѣкоторыхъ гостей. Ужинали на маленькихъ столикахъ. Меня, Козлянинова и сотника Федюшкина (*) княжна пригласила къ своему столу. Федюшкинъ былъ въ полномъ значеніи слова красавецъ и, по-видимому, очень нравился ей.

Возвратясь поздно домой, я, хотя чувствовалъ себя очень усталымъ, но далеко не раскаявался, что воспользовался любезнымъ приглашеніемъ на балъ. Нельзя было не оцѣнить того вниманія и любезности, которыя выказало намъ семейство князя Гагарина. Годъ спустя, я встрѣтился съ ними на водахъ въ Кисловодскѣ. Я былъ опытнѣе, и, не смотря на всѣ любезныя приглашенія, ограничился однимъ визитомъ: это общество—не моей сферы, такъ не зачѣмъ туда и стремиться.

На другой день мы тронулись дальше. Ѣхали шагомъ, съ дневками. Дорогою, гдѣ были военные врачи, они осматривали насъ съ полною предупредительностію и, наконецъ, только въ первыхъ

(*) Нынѣ генераль-маіоръ, начальникъ отдѣла въ терскомъ казачьемъ войскѣ.

числахъ декабря дотащились до Ставрополя, гдѣ я остался, а мой добрый товарищъ, погостивъ у моихъ родныхъ дня три, потащился въ свои Боровичи.

VII.

Нѣсколько словъ о походѣ 1845 года въ Андію и Дарго.

Походъ въ Андію и Дарго принадлежалъ къ тому періоду военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, когда еще не была выработана строго обдуманная система веденія войны, — говоримъ, система, потому-что горная война противъ воинственнаго населенія, прикрытаго недоступною или трудно доступною мѣстностію, независимо плана, требуетъ еще и системы. Движеніе въ горы, разореніе ауловъ наносили непріятелю, сравнительно, незначительный вредъ; имущество, обыкновенно, уносили жители уносить въ лѣса и тупы, гдѣ скрывались и семейства; аулы жгли, но ничего не стоило ихъ опять возобновлять на прежнихъ мѣстахъ, особенно, если они вдали отъ нашихъ укрѣпленій. Горцы, сравнительно, несли потери гораздо меньше насъ, потому-что они были вооружены наръзными винтовками, которыя стрѣляли и дальше, и вѣрнѣе нашихъ весьма плохихъ кремневыхъ самопаловъ. Къ тому-же, горцы были искусные стрѣлки, приучаясь къ стрѣльбѣ чуть-ли не съ дѣтства; нашимъ-же солдатамъ некогда было учиться стрѣлять, и искусство замѣнялось огромнымъ количествомъ выпускаемыхъ патроновъ, на каждый горскій выстрѣлъ. Затѣмъ, горцы искусно умѣли пользоваться мѣстностію и дѣйствовали вразсыпную; мы же должны были двигаться массами. Горецъ легко одѣтъ, безъ

всякой ноши, быстро могъ перемѣнять мѣсто; наши-же солдаты, съ тяжелымъ боевымъ снаряженіемъ, зачастую съ шестидневнымъ сухарнымъ запасомъ, панцевымъ инструментомъ, должны были двигаться медленно. Вотъ и главная причина, почему мы, сравнительно, несли громадныя потери.

Плохое оружіе было главною причиною принятаго строя при движеніяхъ въ Чечнѣ: это былъ такъ называемый *ящикъ*, т. е. по всѣмъ четыремъ сторонамъ цѣпи, потомъ—поддержки, резервы и въ среднѣй обозъ. Введеніе нарѣзнаго оружія, вмѣстѣ съ которымъ впервые обращено было вниманіе на обученіе стрѣльбѣ, сразу дало намъ перевѣсъ въ бою; и съ этого лишь времени ящикъ началъ терять свою форму: выдвигались отдѣльныя боковыя колонны, и непріятель уже не рисковалъ подходить близко, а долженъ былъ держаться на такомъ разстояніи, что его выстрѣлы были или совсѣмъ неэффективны, или пули, на излетѣ, приносили незначительный вредъ. Вмѣстѣ съ введеніемъ нарѣзнаго оружія, совпадаетъ отчасти и принятая послѣдняя система веденія войны, что и ускорило паденіе Кавказа.

Теперь перейдемъ къ краткому очерку веденія военныхъ дѣйствій.

Въ командованіе генераломъ Ермоловымъ кавказскимъ корпусомъ, мюридизмъ еще не былъ въ силѣ, хотя къ этому времени надо отнести его начало. Въ Чечнѣ, одинъ-два баталіона ходили свободно; отъ пушечнаго выстрѣла разбѣгалось все; а въ Дагестанѣ какихъ нибудь четыре баталіона держали въ страхѣ всю страну. Въ то время, горцы были еще совершенно неопытны въ дѣлѣ войны, не были сплочены подъ одною властію и не были связаны однимъ интересомъ; оттого еще не выказались способные военные люди. Общее возстаніе Чечни въ 1840-мъ году, присоединеніе къ мюридизму, признаніе Шамиля имамомъ и подчиненіе его власти, были началомъ кровопролитной борьбы послѣднихъ 20-ти лѣтъ, которая потребовала страшныхъ усилій Россіи. Предпріимчивые и

смѣлые люди Чечни, какъ на примѣръ: Ахверды-Магома, Шуаибъ-мулла, и позднѣе, въ Дагестанѣ, Хаджи-Муратъ, не считая многихъ второстепенныхъ, не только содѣйствовали упорной войнѣ съ нами, но не разъ имѣли и перевѣсъ. Постепенное напряженное состояніе нашихъ войскъ, которыя должны были прикрывать и нашу казачью линію, и покорные намъ аулы; дерзкіе набѣги горцевъ въ наши предѣлы, вызвали и съ нашей стороны такіе-же набѣги, которые немало стоили русской крови, не принося никакой пользы. Этими набѣгами многіе начальники подчасъ и злоупотребляли. Конечно, войска дѣлали свое дѣло, дрались отлично, но въ общемъ—это было безъ всякой цѣли. Всякій набѣгъ (а они по всей занятой нами линіи были не рѣдки) стоилъ намъ подчасъ сотни раненыхъ и убитыхъ; писались реляціи, прославлялась потеря наша, а непріятельская всегда больше,—вѣдь ее повѣрить было невозможно, и всегда обозначалось: „непріятель потерялъ самыхъ лучшихъ людей“. Сложился по этому поводу даже слѣдующій анекдотъ: адъютантъ, докладывая начальнику реляцію, спрашиваетъ: „ваше превосходительство, сколько прикажете показать потери у непріятеля?“ „Да что ихъ жалѣть! покажите столько-то“. Если по всѣмъ реляціямъ сосчитать показанную потерю непріятеля, то надо удивляться плодовитости горцевъ, когда еще ихъ такъ много осталось послѣ покоренія Кавказа. Неудачная экспедиція въ Ичкерію генерала Граббе, въ 1842-мъ году, имѣла ту-же цѣль и тотъ-же характеръ, какъ и въ 1845-мъ году экспедиція въ Дарго, съ тою разницею, что послѣдняя велась съ другаго конца; но обѣ стоили огромныхъ потерь и не принесли никакихъ результатовъ. Впрочемъ, послѣдняя положила начало систематическому движенію впередъ, посредствомъ проведенія просѣкъ, устройства укрѣпленій на болѣе важныхъ пунктахъ, а также цѣлаго ряда казачьихъ станицъ и т. д. Мысль—дѣлать просѣки, принадлежитъ, кажется, генералу Ермолову, который, въ двадцатыхъ годахъ, построивъ на рѣкѣ Сунжѣ кр. Грозную, сдѣлалъ просѣку въ ханкальское ущелье; по-

томъ, просьби были оставлены, и уже при главнокомандующемъ князѣ Воронцовѣ были сдѣланы просьби: гойтинская, гехинская, на Валерикѣ и дальше къ Ачхою. Но, рядомъ съ этимъ, набѣги получили большее развитіе. Князь Барятинскій окончательно развилъ и настойчиво преслѣдовалъ систему просьбъ. Набѣги совсѣмъ почти прекратились; разъ занятый пунктъ уже не оставлялся. Круглый годъ медленно, но прочно подвигающіеся впередъ отряды, уже не безъ дѣли, а по строго-обдуманному плану, рѣшили судьбу Кавказа. Воинственная Чечня, разоренная, скученная въ горахъ, истомленная долгою борьбою, должна была покориться, а съ нею палъ и Дагестанъ, который безъ Чечни не могъ держаться, потому-что доступъ къ нему уже былъ открытъ со всѣхъ сторонъ. Въ составленіи метода, хотя медленнаго, но настойчиваго движенія впередъ, не мало было въ основаніи — знаніе характера горцевъ. Насколько горцы воинственны, настолько, если не больше; легко-вѣрны: малѣйшій ихъ успѣхъ, или оставленіе на время нами пункта, давало идею о нашей несостоятельности—чѣмъ ловкіе люди успѣвали пользоваться и подымали нравственный духъ до невозможности. Система набѣговъ, и въ нихъ жаркія схватки, постоянныя тревоги, дѣлали войска закаленными въ бояхъ и трудахъ: для солдата того времени не было невозможнаго; наша пѣхота поистинѣ была идеаломъ, о которомъ въ настоящее время можно лишь мечтать. Въ параллель съ этимъ, офицеры тоже были отличные, правда—не паркетные, и многіе частенько читали „Современникъ“; но на нихъ всегда можно было положиться, какъ-бы трудно предпріятіе ни было. Между ними и солдатами была тѣсная связь, потому-что одинаково всѣ подвергались опасностямъ и равно несли труды. Солдаты уважали своихъ офицеровъ и искренно ихъ любили.

Разсматривая затѣмъ, собственно экспедицію 1845-го года въ Андю и Дарго, нельзя не прійти къ заключенію, что началомъ неудачи служилъ огромный падежъ транспортных лошадей. Страшныя непогоды, имѣющія особенный характеръ въ горахъ,

бездорожіе, или, вмѣсто дорогъ, крутыя каменистыя тропинки, недостатокъ корма для такого огромнаго количества лошадей, независимо тяжестей на вьюкахъ, на большое разстояніе—вотъ главные причины падежа лошадей. Все это отчасти трудно было предвидѣть, хотя и много было опытныхъ служивыхъ. Отъ медленной доставки провіанта, мы еще въ Андіи ощущали въ немъ недостатокъ, и бесполезно стояли на мѣстѣ, въ ожиданіи подвоза припасовъ.

Главную неудачу мы потерпѣли въ такъ называемой „сухарной экспедиціи“ 10-го и 11-го іюля, давшей намъ большую массу раненныхъ, которыхъ надо было нести и везти. Большая потеря продовольственныхъ припасовъ и боевыхъ снарядовъ, брошенныхъ въ лѣсу, выразилась въ значительномъ во всемъ недостаткѣ; брошенные въ лѣсу три горныхъ единорога, а также брошенные тамъ же убитые и раненые, подняли до того нравственный духъ горцевъ, что, когда мы были расположены у Шаухаль-Берды, женщины изъ окрестныхъ деревень собрались съ мѣшками, чтобы дѣлать добычу.

Намъ кажется, что можно было-бы избѣгнуть катастрофы въ „сухарной экспедиціи“, если-бы, при прохожденіи лѣса 6-го іюля, между Андіею и Дарго, въ немъ мимоходомъ устроить двѣ сильныя засѣки, и въ каждой оставить по баталіону, съ двумя единорогами; тогда, конечно, непріятель не могъ-бы устроить вновь заваловъ и не пришлось-бы въ этомъ лѣсу имѣть отчаянный бой. Могутъ возразить, что въ лѣсу не было воды; да вѣдь Аксай всего въ двухъ верстахъ, и лагерь—въ трехъ: можно-бы было, при смѣнѣ, приносить съ собою воду въ манеркахъ, въ котелкахъ, даже въ ротныхъ котлахъ; вѣдь не разъ приходилось воду носить и дальше. Главную неудачу боя 10-го и 11-го іюля надо приписать наряду въ колонну сборныхъ частей. Подобный нарядъ никогда не приносилъ пользы и не долженъ былъ быть допускаемъ. Намъ тогда-же было извѣстно, что генераль Клугенау противъ

этого протестовалъ, но на это не было обращено особеннаго вниманія, а это именно и было началомъ неудачи. Потомъ, выборъ людей для исполненія всякаго дѣла — есть главная задача; по нашему разумѣнію, въ данномъ случаѣ, не было обращено должнаго вниманія. Напримѣръ: Клюки-фонъ-Клутенау безспорно былъ храбрый и дѣльный генералъ, но большая часть его дѣятельности была въ Дагестанѣ, гдѣ былъ особый методъ боеваго порядка, и наоборотъ, генералъ Лабинцевъ всю свою службу былъ въ лѣсныхъ походахъ, требующихъ особаго навыка. Казалось-бы, дѣло 7-го іюля слѣдовало поручить генералу Клутенау, а 10-го и 11-го іюля генералу Лабинцеву. Потомъ, генералу Клутенау были назначены помощниками генералы: Пассекъ и Викторовъ. Первый — пылкій, способный, любимый войсками; послѣдняго никто не зналъ, — да и бывалъ-ли онъ еще въ дѣлахъ? Не лучше ли было, вмѣсто Викторова, назначить одного изъ полковыхъ командировъ, Козловскаго или Бибикова, которые бесполезно оставались въ лагерѣ безъ всякаго дѣла. Весьма важно во всякомъ дѣлѣ, особенно въ военномъ, уметь выбрать человѣка для исполненія известной операціи, и весьма ошибаются тѣ военачальники, которые думаютъ: кого-бы не назначить для исполненія ихъ предначертаній — лишь-бы соотвѣтствовалъ чину. Войска дисциплинированны пойдутъ за всякимъ, но пойдутъ иначе за тѣмъ, кого знаютъ, кому довѣряютъ. Въдѣ тутъ дѣло идетъ о жизни, которая каждому дорога, а войско далеко не есть безжизненное бревно, которымъ можно ворочать, какъ угодно; наоборотъ, это живая машина, которою долженъ управлять привычный механикъ, знающій хорошо малѣйшій винтикъ ея и умѣющій одинъ изъ нихъ подвинтить, другой — ослабить, тамъ подмазать и т. д. Великій Суворовъ это очень хорошо понималъ, всегда умѣлъ сдѣлать выборъ, что кому поручить, и его армія не знала поражений. Почему, напримѣръ, всѣ бывшіе корпуса имѣли одинъ составъ, однако 3-й, 4-й и 5-й были лучшими боевыми и считались самыми надежными? Очень ясно: къ корпуснымъ команди-

рамъ войска имѣли полное довѣріе, и за ними вездѣ шли безусловно, вѣря въ побѣду.

При всей неудачѣ въ дѣлахъ 10-го и 11-го іюля, движеніе изъ Дарго къ Герзель-аулу могло-бы быть исполнено съ меньшими потерями, если-бы было болѣе обращено вниманія на порядокъ въ обозѣ. Что тамъ творилось—одному Богу извѣстно. При выступленіи изъ Андій, на какія нибудь безъ малаго десять тысячъ войскъ, не считая главнокомандующаго, начальника главнаго штаба и начальника главнаго дѣйствующаго отряда, было семь генераловъ, огромный главный штабъ, потомъ — отрядный, независимо штаба 5-го корпуса, который былъ тутъ-же; адъютантовъ—цѣлый легіонъ, все это люди комфорта; масса व्यюковъ, а при нихъ прислуга избалованная, не подчиняющаяся какимъ-бы то ни было распоряженіямъ, упираясь на значеніе господъ въ штабѣ; въ соединеніи съ пѣшею милиціею, они производили полнѣйшій безпорядокъ въ обозѣ, что не мало содѣйствовало увеличенію потери, такъ какъ требовалось не по силамъ растягивать боковыя цѣпи, прорываемыя непріателемъ, какъ это случилось 14-го и 16-го іюля.

Намъ кажется, что движеніе въ Дарго было бы удобнѣе отъ Герзель-аула, если-бы у этой крѣпости собрать ту-же массу войскъ, которая сосредоточилась за теренгульскимъ оврагомъ, придавъ пѣхотѣ, не считая сапернаго и стрѣлковаго баталіоновъ, по 300 топоровъ на каждый, что составило бы 6,300 топоровъ. Въ десять дней, много въ двѣ недѣли, не только была бы сдѣлана просѣка до Дарго, но и колесная дорога до Кетечъ-Корта. Тогда потери, въ общей сложности, было-бы гораздо меньше; доставка провіанта на колесахъ обошлась бы гораздо дешевле, и тогда, конечно, нанесенъ былъ бы Чечнѣ ударъ и ускорено бы ея паденіе, такъ какъ отъ Кетечъ-Корта до Ведено всего верстъ 15-ть, и занятіемъ харачаевскаго ущелья главные пути въ Дагестанѣ были бы въ нашихъ рукахъ, не говоря уже о томъ, что изъ Дарго и Ведено мы господствовали бы надъ всею Чечнею, съ которой управиться было бы

уже не такъ трудно.

Когда фактъ совершится, его легко подвергнуть критическому разбору. Теперь прошло много уже лѣтъ, и объ экспедиціи 1845 года легко трактовать. Никто не зналъ, кромѣ главнокомандующаго, причинъ, по которымъ было поступлено такъ или иначе, поэтому, можно разсуждать объ его дѣйствіяхъ только по совершившимся фактамъ. Во всякомъ случаѣ, по трудности экспедиціи, громадности жертвъ, 1845-й годъ есть знаменательный въ шестидесятилѣтней борьбѣ Россіи съ дикими горами. Съ этого года выработался болѣе вѣрный взглядъ на веденіе кавказской войны, которая увѣчалась покореніемъ всего Кавказа.

Природа Алжира, съ которою такъ долго боролась Франція, не можетъ сравниться съ Кавказомъ, изрытымъ громадными горами, непроходимыми дебрями, покрытымъ вѣковыми лѣсами. Исполать вамъ, богатыри земли русской! вы доказали, что передъ вашей мощной силой все должно пасть. Вѣчная память павшимъ героямъ! ваши кости разбросаны по всему Кавказу. Слава оставшимся въ живыхъ! васъ уже осталось не такъ много. Теперь взоры Россіи обращены на новые интересы, а при всякой новинкѣ старое забывается скоро. Но поздняя исторія, чуждая всякой зависти, безпристрастно васъ оцѣнитъ, и ваша доблесть и достойное удивленія терпѣніе, при перенесеніи трудовъ, для славы Государя и отечества, будетъ прекраснымъ примѣромъ для грядущаго поколѣнія.

VIII.

Посѣщеніе Дарго чрезъ 28 лѣтъ.

Въ началѣ моего разсказа было упомянуто о посѣщеніи Дарго 8-го мая 1873-го года. Я прибылъ въ укр. Ведень для инспекторскаго смотра куринскаго полка и, спрашивая о Дарго, о дорогѣ туда, выразилъ желаніе когда нибудь побывать еще тамъ, Коман-

диръ названнаго полка, полковникъ Ломновскій, послѣ окончанія смотра, обязательно предложилъ мнѣ прогулку въ Дарго.

Утромъ, 8-го мая, нѣсколько офицеровъ полка, окружной начальникъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ чеченцевъ, отправились всѣ вмѣстѣ въ Дарго; въ этой поѣздкѣ приняла участіе и жена полковаго командира. Дорогою, моему воображенію живо представилась вся мѣстность Дарго и экспедиція 1845-го года, такъ-что, до спуска въ Кетечъ-Кортъ, откуда открывается верхняя долина Аксая въ которой расположенъ аулъ Дарго, я съ полною увѣренностію говорилъ, между прочимъ, что найду даже дерево, около котораго раненъ, описывая его видъ. Издали, долина Аксая показалась какъ-будто меньше, чѣмъ я ее помнилъ. Приѣхавъ въ аулъ, мы наскоро позавтракали и отправились на гору, гдѣ было дѣло 10-го и 11-го іюля. Въ 1845-мъ году, съ этой горы я спустился ночью, 6-го іюля, съ перестрѣлкою; 11-го поднялся, и мнѣ казалась не такъ высока гора, какъ въ этотъ разъ. Подымаясь верхомъ, поневолѣ пришлось сознаться, что тогда былъ молодъ, а теперь уже начинаю старѣть, поэтому, и верхомъ ѣхать кажется и долго, и круто. Площадка на горѣ не измѣнилась, только вырублена часть лѣса на сторонѣ, гдѣ я съ ротою занималъ лѣвую цѣпь. Поѣхали мы сперва къ перешейку, гдѣ былъ главный завалъ. Конечно, его и признаковъ не было; по сторонамъ, въ густой травѣ, еще мѣстами валялись кости нашихъ убитыхъ; чеченцы мнѣ ихъ подносили. Грустно мнѣ было вспомнить о павшихъ братьяхъ, и я благодарилъ Бога, что мои кости, подобно этимъ, не валяются; еще живѣе представилась картина былого. Возвращаясь, я безъ особеннаго труда отыскалъ дерево, около котораго былъ раненъ; оно уцѣлѣло отъ топора, потому-что это былъ довольно толстый чинаръ; онъ сильно былъ испещренъ пулями, нѣсколько выше головы, по моему росту, и только знаки отъ пуль приняли коричневый видъ. Не скрою, я былъ очень доволенъ, что память мнѣ не измѣнила.

Возвратясь въ Дарго, послѣ краткаго отдыха, вся компанія

расположилась обѣдать на коврахъ, въ саду аульнаго старшины. Чистый горный воздухъ, прогулка и любезное гостепріимство хозяевъ подзадоривали аппетитъ, и мы вполне сдѣлали честь прекрасному обѣду. Постепенно начали собираться глазѣть на насъ чеченцы; потомъ, пришли дѣвушки, и начались танцы. Чеченцы совершенно дружелюбно съ нами разговаривали. Я замѣтилъ: какъ же они танцуютъ лезгинку безъ выстрѣла изъ пистолета. Тотчасъ явился пистолетъ; танцовалъ чеченецъ лѣтъ сорока, и когда надо было выстрѣлить, то не только онъ отвернулся, но даже послѣ выстрѣла вздрогнулъ, что замѣтно было и въ большинствѣ окружающихъ. Я подумалъ, что это уже не тѣ грозные ичкеринцы! Ихъ прежде выстрѣлъ одушевлялъ, и пріемы съ оружіемъ были другіе; еще десять, двадцать лѣтъ спокойной жизни, и эта грозная нѣкогда Чечня, съ улучшеніемъ своего быта, будетъ все болѣе и болѣе благодушествовать, а вмѣстѣ съ этимъ и облѣгнётся. И будетъ время, когда они будутъ тѣмъ-же, что и казанскіе татары; положимъ, не скоро, а все же будетъ...

Уже поздно вечеромъ, довольно усталые, мы возвратились. Я не могъ всю ночь уснуть—такъ на меня подѣйствовало впечатлѣніе дня, и уже утромъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: молодости не воротить; это уже пропащее дѣло! А разъ, что это рѣшено—лучше подъ старость, въ чинѣ генерала, видѣть мѣста, нѣкогда обогрѣнные собственною кровью, чѣмъ быть какимъ нибудь, положимъ, усть-сысольскимъ городничимъ, о чемъ я мечталъ, когда томился, раненый, въ госпиталѣ. И возблагодарилъ я Господа, что предпочелъ всему строевую службу, и что мнѣ пришлось еще разъ посѣтить эти мѣста чрезъ 28 лѣтъ, въ настоящемъ служебномъ положеніи.

В. Гейманъ.

31-го августа, 1876 г.

Г. Грозный.

